

Содержание:

1. Евгений Гирный "Отчет чиновника Сюн По о странном происшествии"
2. Сергей Шоларь "Сага о Йорге"
3. Андрей Звонков "Запасной вариант"
4. Евгений Гирный "Как солдат три раза ходил к Вратам Смерти"
5. Юлия Скуркис "Эйя"
6. Евгений Гирный "Король Чума"
7. Денис Щемелинин "Кровь цвета ночи"
8. Леданика "Иномирье для Марьянки"
9. Андрей Вдовин "Сущий с Начала Времен"
10. Евгений Щукин "Цветок в волосах"
11. Мари Логут "Смысл жизни"

ЕВГЕНИЙ ГИРНЫЙ

Отчет чиновника Сюн По о странном происшествии на борту фрегата "Анабель"

«Данный документ был любезно предоставлен в распоряжение Королевской комиссии полномочным послом Его Величества Императора Трех Солнц господином Лю. Документ представляет собой докладную записку мелкого чиновника Сюн-По, поданную им в департамент округа Шинбао. Нисколько не сомневаясь в искренности вышеупомянутого чиновника, Комиссия, тем не менее, считает, что данный документ свидетельствует о непонимании чиновником Сюн-По истинной картины происшедшего. В стиле документа Комиссия усматривает склонность данного чиновника скорее к литературному творчеству и пустому фантазированию, чем к точному и беспристрастному изложению событий. Обращает на себя внимание то, что подобной же склонностью грешат и некоторые переводчики Адмиралтейства. Королевская комиссия благодарит господина Лю и Его Величество Императора Трех Солнц за предоставленный документ, но настаивает на необходимости дальнейшего расследования происшествия силами дипломатической службы Альбиона в Империи Трех Солнц.»

Председатель Королевской комиссии по расследованию причин мятежа на фрегате «Анабель»

лорд Адмиралтейства Артур К. Чипендейл.

* * *

«Призывая в свидетели духов Неба, Земли и Моря, спешу принести к стопам почтенного цзюй-жэня Тхань Ли полный и правдивый отчет о событиях, происшедших на корабле северных варваров в месяц Опадающих Хризантем года Красного Дракона. Мое недостойное имя – Сюн По. В своих предыдущих воплощениях я был морской рыбой, высовывающей голову из воды, моллюском в серой раковине, портовой крысой с красными глазами, содержательницей веселого дома для моряков. Поэтому неудивительно, что в нынешнем воплощении я стал лоцманом. Моей обязанностью, как известно почтенному Тхань Ли, является встреча чужеземных кораблей и сопро-

вождение их через Ворота Честной Торговли к портовым стоянкам так, чтобы волны, поднимаемые кораблями, не нанесли вреда подводным постройкам цзяожэней, людей-рыб, в восточной части бухты. Корабль варваров из страны Альбион под названием «Ана Бель» уже бывал в порту Сучжоу по торговым делам и поэтому, отправляясь навстречу ему, я никак не мог предвидеть тот поворот событий, свидетелем которого стал. В то утро меня ненадолго задержали купцы с дальних островов, требовавшие разрешения на вывоз литографий с изображением священной горы Фан. Литографии показались мне неудачными: не были соблюдены правила Золотой пропорции, иероглифы были написаны небрежно, да и сами стихи оставляли желать лучшего. Я приказал уничтожить эти неумелые изображения, принижающие достоинство империи и умаляющие величие священной горы. Когда я сел в лодку, Первое солнце уже стояло высоко. Море было спокойным и мы видели в толще воды золотые купола города цзяожэней и самих людей-рыб, крутящих водяные вихри и играющих с дельфинами. Я приказал гребцам помедленнее грести, чтобы усладить взор столь редким и изысканным зрелищем. Я сидел на носу лодки и вспоминал стихи поэта:

Море не знает тоски и печали,

Ему незнакома боль расставанья.

Может ли море с собою расстаться?

Разлука – извечный удел человека.

Внезапно мы увидели одного из цзяожэней, стремительно приближавшегося к нам. Я велел гребцам поднять весла и с почтением и некоторым внутренним трепетом стал ждать его приближения. Это оказалась девушка-рыба, прекрасная как звездная ночь. Она приподнялась из воды, так что стали видны идеальной формы груди, украшенные синими кристалликами соли. Ее длинные распущенные волосы лежали на волнах лепестками черной розы, а лицо своей свежестью и красотой было подобно цветку мэй. Я склонился в поклоне Восхищения и увидел совсем рядом ее прекрасное и серьезное лицо.

- Желаю почтенному Сюн По долгих лет жизни и наконец-то обрести любовь земной девы! – сказала она голосом, подобным тихому звону серебряных колокольчиков.

- Благодарю за добрые пожелания, ласточка морей! – ответил я. – Пусть и ваша любовь будет долгой и нерушимой.

На щеках морской девы выступил румянец. Она улыбнулась, но в следующее мгновение тень беспокойства заслонила собой эту прекрасную улыбку.

- Умоляю вас, не приближайтесь к тому кораблю, - сказала она. – Сын Зеленой раковины, чьему взору открыты мысли всех существ, говорит, что там зло и тьма. Там боль и отчаяние. Он послал меня предупредить вас, уважаемый Сюн По.

- Со всем моим уважением, прекрасная дева, - ответил я, почувствовав, как непонятный страх леденит мне сердце. - Я ценю вашу заботу и всерьез воспринимаю ваше предупреждение. Но мой служебный долг повелевает мне встретить чужеземца и проверить его бумаги, будь он хоть великаном - людоедом из сказок.

Цзяожэнь грустно посмотрела на меня и кивнула головой.

- Другого ответа я и не ожидала от благородного Сюн По. Прими же один совет: будь осторожен и не верь видимости.

С этими словами она развернулась и заскользила по воде, подобно легкой кувшинке.

- Спасибо тебе, дева морей! – крикнул я и сделал гребцам знак продолжать путь.

Наша лодка, выглядевшая рядом с кораблем варваров как летучая рыба рядом с акулой, приблизилась к нему на расстояние в десять чи. На палубах никого не было. Это было странно. В какое-то мгновение мне показалось, что это корабль-призрак, о котором так любят рассказывать чужеземцы. Но тут над бортом показалась рыжая, как золото, голова матроса. Он призывно замахал руками и спустил трап. Не без некоторых сомнений я велел гребцам причалить к кораблю и, тихо приказав им отойти от корабля подальше и не возвращаться до моего приказа, поднялся на борт. Встретивший нас рыжий матрос приглашающим жестом указал на рубку капитана. Это тоже было странно, обычно капитаны встречали нас на палубе в знак почтения к Сыну Неба. Я уже хотел было повернуть обратно, оскорбленный таким проявлением неуважения моей стране, но чувство долга взяло верх. Варвары никогда не отличались вежливостью, к тому же капитан мог быть и болен. Я последовал за матросом в рубку. К моему удивлению, в рубке собралась, казалось, вся команда корабля. Одни сидели за капитанским столом, другие подпирали стены, как

будто те могли упасть, третьи просто сидели на полу и все они орали, курили свои вонючие трубки и размахивали руками, как стая демонов. Такое непочтение к старшему по чину возмутило меня. Я повернулся, чтобы удалиться, но уткнулся лицом в грудь огромного матроса. Именно так выглядят великаны ту-бо, преследующие мертвых в своем царстве. Он скалил желтые зубы, глядел на меня безжизненными глазами и преграждал выход огромной ручищей.

- Кто смеет препятствовать чиновнику великой империи в исполнении им его обязанностей? – грозно вскричал я на языке варваров.

В рубке воцарилась неожиданная тишина. Все повернули ко мне головы и уставились мутными от северных туманов глазами. Из-за дальнего конца стола поднялся человек в форме капитана и, легко вспрыгнув на стол, пошел по нему, откидывая в сторону пустые оловянные кружки и руки матросов. Матросы же принялись стучать ладонями по столу в такт его шагам, создавая страшный ритмичный грохот. Пританцовывающей походкой странный человек прошелся по всей длине стола и, изящно спрыгнув с него, остановился передо мной, скрестив на груди руки. Он был не из северных варваров. Черные блестящие волосы были собраны на затылке в косу, как это делают самураи из страны Восходящего Солнца. Телосложением он был больше похож на человека, чем его спутники-великаны. Глаз его были черные, как тушь. Над левой бровью краснел глубокий шрам. *(Судя по описанию, данный субъект является ни кем иным, как Фрэнсисом Уотсоном по прозвищу «Черный демон», разыскиваемым по всем имперским доминионам за многочисленные преступления и убийства. Неясно, каким образом он оказался на борту фрегата «Аннабель». – прим. секретаря.)*

- Приношу свои извинения за этих неучей, уважаемый. – Он умело поклонился мне поклоном Почтения к Власти. – Нам пришлось пройти по пути труда и страданий, мои люди устали и мечтают о прохладе тенистых садов и тепле женских объятий. Одна мысль о веселых женщинах Сучжоу приводит их в неистовство. А теперь разрешите представиться – капитан королевского флота первого ранга Фрэнсис Черный Сапог.

Я посмотрел на него сурово, но он ответил мне взглядом, в котором не было осознания вины. До чего же трудно бывает с этими варварами и с их непонятными именами! Я вспомнил совет морской девы.

- Хорошо, - сказал я. – Ваши люди найдут в нашем городе и густую тень, и жаркие объятия. Но сначала я хотел бы взглянуть на ваши бумаги: разрешение на стоянку в портах великой империи, подписанное министром Чу Лянем, и торговое соглашение.

В его глазах вдруг сверкнуло совсем неуместное в подобной ситуации веселье.

- Я сожалею, уважаемый, но все бумаги погибли в одну страшную ночь, когда во время бури на корабле открылась течь. Вы понимаете, что нам было вовсе не до бумаг. Но я надеюсь, что чиновники великой и необъятной империи не откажут простым морякам в приюте и пище. Нам также необходимо пополнить запасы воды. Буря лишила нас многого, но только не чувства благодарности.

Он подмигнул мне и потряс кошельком у пояса. Это было очень неприятно и подозрительно.

- Я очень сожалею, без разрешения я не могу пустить вас в порт. Я пошлю человека в столицу за копией разрешения. Но без торгового соглашения вы не сможете ничего ни купить, ни продать. Я даже не уверен, что вам будет позволено сойти на берег, со всем к вам уважением. Я повернулся, чтобы уйти, и вторично уткнулся лицом в пропахшую потом и вином рубашку матроса-великана. От этого смрада меня замутило.

- Стоять, косоглазый, - прорычал ту-бо, опуская мне на плечо тяжелую как мраморная плита ладонь. Он развернул меня к своему капитану, как куклу. Капитан больше не улыбался.

- Кажется, уважаемый не совсем ясно представляет себе сложившееся положение, - процедил он сквозь зубы. – Нам нужна вода и пища и мы возьмем их здесь, в этом порту, даже если для этого нам придется стереть ваш городишко в пыль. Или, скажем, этот игрушечный город ваших подводных союзничков. Ты хорошо разглядел наши пушки? Так вот, друг ты мой узкоглазый, ты проведешь нас на стоянку и сделаешь все, чтобы нам предоставили все необходимое. Тогда я обещаю уйти мирно. В противном же случае... А ну, Том, волоки его на палубу.

Матрос-великан схватил меня в охапку и потащил наружу. Я был преисполнен гнева и негодования, но не мог пошевелить ни ногой, ни рукой. Возможно, тут не обошлось без колдовства.

Возбужденно переговариваясь и переругиваясь, матросы устремились из рубки на палубу следом

за моими мучителями. Я уронил свою синюю шапку и по ней прошлись два десятка грязных ног. Слезы бессилия хлынули из моих глаз. Великан вытащил меня на корму. И тут моему взору явилась отгадка. Я увидел трех мужчин, привязанных толстыми канатами к основанию самой высокой мачты. Их одежда превратилась в окровавленные лохмотья, но по сохранившимся знакам отличия я опознал в одном из них капитана. Седые пряди волос падали на лицо, но даже они не могли скрыть от внимательного взора следы побоев и истязаний. Услышав шум, он с трудом поднял голову. Мы встретились взглядами и этот достойный человек нашел в себе силы улыбнуться. Как хорошо сказал об этом поэт:

*Вокруг бешеной толпой суетятся враги,
А он стоит, улыбаясь,
и взгляд его проникает в будущее.*

- Приветствую тебя, посланник великой страны, - сказал он на благородном языке Восьми Истин.

- Что сделали с тобой эти псы, друг моря? – спросил я.

- Они обломали об меня зубы, - ответил капитан и поник головой.

Черный предводитель пиратской шайки скинул капитанскую одежду и остался в белой просторной рубашке. Ветер надувал ее и казалось, что у разбойника под рубашкой растут крылья. Он схватил истинного капитана за волосы и, вздернув вверх его голову, ударил открытой ладонью по лицу. На бледной бескровной щеке несчастного остался отчетливый красный отпечаток, как будто рука ударившего была раскаленным железом.

- По этой отметине я найду тебя и в аду, - прошипел пират в лицо капитану.

- Не забудь свой шрам, негодяй, чтобы и я тебя признал, - чуть слышно прошептал капитан.

Вопль ужаса и восторга сорвался с моих губ и в то же мгновение тяжелый удар по голове свалил меня на палубу. Я замер, стиснув зубы а надо мной возвышался огромный как башни Сингана волосатый ту-бо, потирая огромные кулаки и усмехаясь.

Предводитель пиратов отступил в сторону и повелительно махнул рукой.

- Эй, ребята, вздерните-ка эту падаль на рею!

Из толпы матросов выскочил коричневый мавр с золотым кольцом в носу и, подхватив бухту веревки, с ловкостью обезьяны полез по вантам самой высокой мачты. Пират подошел ко мне. Его лицо почернело от сжигающей его изнутри злобы.

- Смотри, косоглазый, смотри и думай! Представь себе хорошенько, что мы можем сделать с вашим пряничным городом, с вашими бумажными корабликами, с вашими женщинами-куколками. Стоит это нескольких бочек воды и солонины? Не продешевите, господин чиновник!

Мавр уже сидел верхом на нижней рее и умело вязал петлю на конце веревки. Закрепив веревку, он перекинул ее через блок. Петля мерно качаясь в воздухе, опускалась вниз. Я был заморожен этим мертвящим покачиванием и не видел, что именно произошло. Сверху, с мачты раздался удивленный крик. В следующее мгновение тело мавра полетело вниз, скользя вдоль веревки, еще миг и голова его попала в петлю. В неожиданно наступившей тишине отчетливо послышался хруст сломанных шейных позвонков. Смерть настигла убийцу, когда он меньше всего этого ожидал. Я поднял голову и увидел на рее, там, где только что мавр готовил черное дело, удивительное существо. Это был человек ростом не более трех чи, на нем была красная куртка с короткими рукавами, желтые штаны, заправленные в блестящие сапоги, и круглая шляпа. В зубах он сжимал трубку, а в руке держал маленький топорик. Этим топориком он с неожиданной силой сделал на гладкой мачте отчетливо видимую зарубку и, вынув трубку изо рта, звонким голосом произнес:

- Один! Счет пошел, господа!

Демоны в матросских обличьях завопили так, что их должны были услышать и под землей, и на небе. В их руках появились длинные пороховые ружья. Залпы загрохотали один за другим. Прежде чем сизый едкий дым накрыл палубу, я успел увидеть, как странный человечек бежал по рее, словно летел, пули впивались в дерево и резали снасти, а он, скользнув по вантам, исчез за мачтой. Некоторое время я ничего не видел из-за дыма. Но тут повеял ветер и дым расплылся клочьями. Я увидел, как со всех рей вниз словно змеи устремились веревки. Они падали на плечи бегущих пиратов и тут же рывком вздергивали их вверх. Одна из этих оживших веревок скользнула около моих ног, задела щиколотку и я содрогнулся от омерзения. Словно тысяченожка пробе-

жала по ноге, обжигая ядом кожу. А веревка уже нашла свою жертву, потащила мимо меня моего палача – злобного ту-бо. Она обвинила его толстую побагровевшую шею и волокла его с упорством смерти. Он схватился за веревку руками, из-под ногтей брызнула кровь. Мне показалось, что его нечеловеческих сил хватит на то, чтобы разорвать петлю, и я, недолго думая, нанес ему удар богомола в висок. Его бешеные глаза закатились, и в следующее мгновение его тело подскочило вверх и забилося в конвульсиях. Демоны умирают тяжело. Тут я услышал, как по мачте в веселом стремительном ритме стучит топорик. Я подхватил чей-то тяжелый нож и бросился к капитану. Капитан хохотал. Громко, радостно, закинув голову, он смеялся над своими мучителями, повторяя только одно странное слово:

- Клабаутерманн! Клабаутерманн!

Я никогда не слышал этого труднопроизносимого слова, но, возможно, это было родовым именем странного и отважного существа и поэтому я постарался запомнить его. Я перерезал веревки и капитан упал мне на руки. Он был легкий, но это была легкость жизни. Положив капитана на теплые доски, я одного за другим освободил других двух пленников. Они тоже не могли стоять из-за онемения ног и я оттащил их в сторону, ближе к борту. Моя лодка находилась на расстоянии в треть ли от корабля, но я поостерегся кричать. Вытащив из рукава нож, я встал рядом с измученным капитаном, чтобы защитить его в случае нападения. Но нападать было некому. Все три мачты были усеяны телами повешенных разбойников. Некоторые из них еще бились в судорогах. Ничего более страшного мне еще не приходилось видеть. Наверное, именно так выглядит ад пиратов. А на верхней палубе шел настоящий бой. Предводитель пиратов скинул свое человеческое обличье и обернулся черным как головешка демоном с длинным багровым рогом на лбу и когтями-саблями. Наш защитник обернулся серебристым волком и крутился вокруг злобно рычащего демона, кусая его и раздирая черную кожу. Внезапно демон крутанулся на пятке и превратился в летающего дракона. С его обнаженных клыков закапал яд. Расправив черные крылья, он поднялся в воздух и вдруг запутался в огромном парусе, который неожиданно накрыл его. Волк три раза крутанулся вокруг своей оси и взмыл вверх огромным орлом. С громким клекотом он налетел на белый комок паруса и принялся рвать его острыми когтями и стальным клювом. Парус обагрился кровью, а дракон взвыл человеческим голосом. Парус опутывал его все сильнее и наконец плененный дракон рухнул в воду. Орел тревожно закружился над бурлящей водой. Водная стихия была недоступна ему. Я кинулся к борту. Изорванный парус кружился в водяном вихре, а в самой глубине вод неясной тенью погружался дракон, все глубже и глубже. Орел тревожно заклекотал и пронесся над самой водой, задевая ее крыльями. Внезапно дракон развернулся и ринулся вверх. А за ним... За ним с недостижимого дна медленно поднимался черный остров. Орел опять ударил крыльями по воде. Дракон развернулся и поплыл прочь от корабля, не высываясь из воды. Орел устремился за ним. А из глубины уже поднялся гигантский кракен, протянув к дракону страшные клешни и длинные сильные щупальца. А на голове кракена я увидел морскую деву. Вцепившись руками в покрытую ракушками и водорослями голову чудовища, она всматривалась в толщу воды, туда, где синей стрелой летел прочь от собственной гибели дракон. Черные щупальца настигли беглеца. Дракон рванулся вверх, но тут сверху его ударил по глазам орел. А под водой уже ползла к демону раскрытая клешня. Демон забился в страхе и стал стремительно менять обличья, превращаясь то в рыбу, то в слона, то в одноглазого великана. И тут клешня сомкнулась на его утерявшем форму теле. Черная туча крови укрыла от наших взоров страшную картину. Орел победно взмыл к солнцу, а морская дева подняла голову и помахала мне рукой. Я помахал в ответ. Кракен тяжело вздохнул, так что волны качнули корабль, и начал погружаться обратно во тьму и покой морских глубин. Орел спикировал на палубу и обернулся маленьким человечком. Он подкинул в воздух шляпу и радостно крикнул:

- Счет закрыт, господа!

Он резко развернулся на каблуках и подошел ко мне.

- Господин Сюн-По, разрешите представиться. Я дух того великолепного дерева, из которого болваны-люди вырезали эту отвратительную фигуру на носу корабля. Меня зовут Кайзер фон Цигель. Я прошу вас быть свидетелем того, что я намереваюсь сказать почтенному капитану.

Я согласно поклонился. Важным и гордым шагом дух подошел к капитану.

- Капитан Бейкер, я официально заявляю свое недовольство вашим стилем командования.

Видите, к чему привело ваше неуместное человеколюбие? Разве я не предупреждал вас, чтобы

вы не брали на борт *шестого*? Разве я не советовал вам заковать его в кандалы и бросить акулам? Разве клабаутерманны вообще когда-нибудь давали плохие советы? Вы не просто взяли на борт демона, вы еще и позволили ему завладеть умами и душами ваших матросов, людей, отданных в ваше подчинение, а значит, под вашу ответственность. Многие из тех, что сейчас болтаются на рее, никогда бы не встали на путь зла по доброй воле. Вы понимаете всю глубину своей вины?

Капитан, гордый отважный капитан, не дрогнувший перед отвратительной маской смерти, поднял голову, посмотрел в глаза рассерженному духу и... заплакал. Заплакал навзрыд, не пряча слез, не закрывая лица. Истинное горе не спрячешь. Мы, поданные Сына Неба, очень чувствительны и я почувствовал, как слезы наворачиваются и на мои глаза..

- Ну, развели сырость на корабле, - смущенно пробормотал фон Цигель. – Простите мне мою резкость. Я был вне себя после всего этого. Но ведь я прав, черт побери! Трижды прав!

Он топнул ногой и исчез, словно провалился сквозь палубу. Капитан медленно поднялся на ноги. Пошатываясь, он схватился рукой за борт и выпрямился.

- Уважаемый Сюн По, - сказал он еще дрожащим от пережитого волнения, но уже по-капитански твердым голосом. – От имени Ее Величества королевы Англии, а также от своего собственного имени прошу у Вас разрешения на стоянку в порту Сучжоу, а также обращаюсь через вас к официальным властям округа Шинбао за позволением временно набрать команду из поданных Великой Срединной Империи. Вы видите, сколько нас осталось...

- Обещаю передать вашу вторую просьбу по соответствующим инстанциям, - поклонился я капитану, восхищаясь его самообладанием. – Что касается вашей первой просьбы, то я даю вам такое разрешение под личную ответственность.

- Благодарю Вас, уважаемый Сюн По. Возможно, мне удастся отыскать бумаги на этом корабле смерти.

Он окинул печальным взглядом свой корабль. Я поклонился поклоном Прощания и Обещания новой встречи и, шагнув к борту, просигналил своим спутникам. Пока лодка приближалась, я стоял и смотрел на спокойное море, на остроконечные крыши города, на священную гору Фан, на медленно плывущие облака и размышлял о путях Великого Будды. И в ту самую минуту я постиг *истину...*»

«К данному отчету приложено прошение вышеуказанного чиновника об отставке. На наш запрос о причинах столь непонятного и подозрительного поступка нам сообщили из посольства Китая, что вышеуказанный Сюн По постиг восьмеричный путь к спасению и теперь проповедует Учение Будды на горе Фан.» - примечание секретаря.

СЕРГЕЙ ШОЛАРЬ

Сага о Йорге

Невиданный, небывалый шторм разразился в ту ночь. А ведь еще днем ничего не предвещало непогоды: море лежало, как сытый зверь, лениво шевеля прибором водоросли на береговых камнях; высоко в небе ползли белые туманные стада, подгоняемые привычным бризом-южаком, над макушками волн реяли крикливые чайки, выхватывая из воды мелкую рыбешку... Ранняя осень на побережье Истхьярна, острова черных скал и молочных туманов, - самое спокойное время года; штормы в такую пору случаются редко

Уже под вечер в горло пролива вошли под парусами при попутном ветре три боевых даккара: вернулись из похода мужчины прибрежных селений, добытчики-воины, пикеры. Один из кораблей повернул к поселку. Почти все хьярны высыпали на берег, горланя и размахивая руками, встречая сыновей, братьев, отцов или мужей. Уже совсем близко закачался на волнах высокий резной нос "дракона"; гребцы затабили весла, загребая одной стороной, с берега тянули канаты, швартуя корабль у причала.

На берегу, среди женщин и детворы суетился высокий старик, напоминающий неуклюжую и

растрепанную птицу: длинноногий и голенастый, с тонкой и жилистой шеей. Как и многие островитяне, старик одет в дъёрке - безрукавку из невыделанной шкуры на голое тело. Но штанов у него не было вовсе; из-под края короткой накидки, подпоясанной пеньковой веревкой, показывались тощие старческие ноги с ревматическими коленями и непомерно большими босыми ступнями.

- Эй, Ворчун! Ты мне привез с Юга жену? - орал старик, сложив рупором ладони, подрагивая голыми икрами. - Эй! Где моя доля добычи? Где моя невеста - черноволосяя баба?

Хьярны покатывались со смеху и тыкали пальцами в безумца.

Это Ульрих-блаженный, по прозвищу Безбрюхий; о нем говорили, что старик уже одной ногой в Айл-халле, потому что его разум украли валькирии.

С корабля начали выгружать военную добычу: бочки, мешки, даже несколько живых коров прихватили добытки в каком-то из ограбленных поселков на южном побережье. Особо вывели на берег с десятков молодых парней и девушек: теперь за пленников затребуют выкуп, а пока им нацепят на шею медное кольцо - тарм и заставят таскать камни, чистить золу и выгребать гнилую рыбу требуху.

- Ага, вот моя баба! - закричал Ульрих, подбегая к молодой пленнице и задирая ей сзади юбку. Блеснули голые ягодицы. Увидев такое, из толпы рабов тут же рванулся, свирепо выстрелив глазами, молодой парень со следами запекшейся крови на лице; но, получив от охранника удар тупым концом копья в грудь, захлебнулся и упал, сложившись пополам.

С "дракона", под радостные вопли односельчан сошел на берег ярл Хьюго Ворчун, высокий рыжебородый увалень с низко посаженной в каменные плечи головой и длинными руками, похожими на лапы медведя.

- Мы вернулись с удачей! Хвала Одрику! - хрипло выкрикнул ярл и вскинул вверх боевой топор. Воины-пикеры, а за ними и все, кто был на берегу, разом грянули, вспугнув скальных голубей:

- О-одрик!

Выходя на берег, ярл глянул на небо, потянул даже носом ветер и приказал воинам быстрее разгружать и крепить даккар. Но, по-видимому, не учуяв тревоги, Ворчун повернул свое иссеченное шрамами, вечно хмурое лицо к встречающим, глянул на молодых хьярнок, восхищенно разглядывающих удачливого вождя, и в его водянистых глазах мелькнуло нечто торжествующее и озорное. Поравнявшись с Ульрихом, Хьюго, дурачась, плечом толкнул старого дурачка в воду.

- Ну-ка, остынь! Небось, всех баб перещупал, пока мы воевали! - осклабился ярл, отчего стал похож на ухмыляющегося рыжего волка. Повернул свой оскал к старейшинам, несколькими отдельно стоящим и пытающимся сохранить важный вид седобородым старцам:

- Эй, хьярны! Наварили пива для героев?

Безбрюхий, ухнув в холодную волну, долго потом карабкался на скользкие прибрежные камни, пытаясь выбраться, еще больше напоминая мокрую птицу. Скользя, срываясь, падая в воду опять и опять, старик вызывал все новые взрывы хохота у оставшихся на берегу соплеменников. Кто-то бросил ему конец веревки:

- Быстрее, Ульрих, не успеешь! Твою южанку отдадут Строби Слепцу!

Но, как только поселок накрыла ночь, небесный купол над головами сытых и пьяных пикеров, празднующих удачный набег на южан, вдруг раскололся сильнейшей вспышкой молнии. Через мгновение страшный удар грома потряс скалы. На горе запылала сухая сосна. Небо мгновенно налилось тревогой и оскалилось, как приготовившийся к броску зверь. Следом полыхнуло еще: неизвестно откуда, из какой грозовой тучи вырвались ветвистые огненные линии, разрывая небосвод на куски. Раскаты грома скоро превратились в сплошной оглушительный рев.

Хьярны изумленно смотрели вверх: что это, откуда? Не иначе, гнев самого Одрика... Некоторые испуганно закрывали голову руками, бежали к скалам и прятались между камней.

Скоро рванул ветер, закручиваясь в пыльные вихри. Высокие крутящиеся столбы наклонили и растрепали сосны на берегу, мгновенно взволновали залив. Море потемнело, прижало плечи, сморщило лицо, и, рассердившись, ударило о берег первыми штормовыми волнами. Грянула буря.

Даже из стариков никто не мог припомнить такого урагана. Между небом и морем разыгралась настоящая битва. Представлялось, что молнии - это огненные мечи в руках неисчислимого небесного воинства, отсекающие головы морских чудовищ - штормовых валов, стремящихся достать до самой Айл-халлы...

Утром буря все продолжалась. Бледный рассвет пробился через ключья отчаянно мечущихся грозовых туч; о каменные крыши рыбацких хижин барабанил ливень. Сквозь вой ветра и грозовые раскаты слышались тяжкие удары гигантских волн, штурмующих скалы. "Одрик, Одрик и Великаны вступили в схватку с Отступником" - шамкал беззубым ртом Ульрих Безбрюхий, брызжа слюной, стараясь перекричать рев урагана. Он перебегал от хижины к хижине, заглядывая в двери горящими диким огнем глазами. "Это боевой молот бьет о чешую морского дракона" - каркал старик и смеялся безумным лающим смехом в побледневшие и испуганные лица хьярнов.

Два дня и две ночи ревела буря. Но, как любое сражение, эта битва тоже все же закончилась, тучи разошлись; на третий день над скалами и соснами острова выскочило в небо равнодушное солнце. Ураган закончился. Но в облике моря и в молчании черных скал на берегу осталось что-то грозное; тревога разлилась в воздухе, явственно ощущалось: это еще не все, небо еще не вполне выплеснуло свою ярость.

Как только буря пошла на убыль, поселок зашевелился. Рыбаки вышли считать потери после шторма. Многие не нашли своих лодок. Все, что осталось на воде, съело море; волны слизали даже некоторые баркасы, плохо закрепленные на берегу.

Старая Ноэма одной из первых вылезла из хэйдрика, длинной низкой землянки, сложенной из кусков камня-дикаря и покрытой дерном. На небе только-только потускнели звезды и затеплился восход. Еще не утихший после бури ветер подхватил седые космы проснувшейся так рано обитательницы хижины, скользнул по коричневому сморщенному лицу, затрепал лохмотья, прикрывающие подобное скелету жилистое тело старухи. Как облезлый и голодный лемминг, ставший на задние лапы, она обвела взглядом окрестности, понюхала даже воздух, оскалилась и зашипела в глубину норы:

- Эй, Брета!

Там никто не отозвался. Старуха раздраженно нырнула в дверь, пнула кого-то внутри берлоги и моментально вылезла обратно, продолжая тревожно следить за поселком, наблюдая, как рыбаки суетятся на пристани.

- Брета!! - Ноэма добавила грязное ругательство.

Внутри хижины, у самого входа кто-то зашевелился.

- Вставай, дохлая селедка! Сеть бери, неси на мыс! - просипела старуха, пустив злые складки по лицу. - Быстро!

Не ожидая ответа, Ноэма перекинула через плечо мешок, еще раз воровато оглянулась и затрусила мелкой рысью к морю.

Следом за ней вылезла из землянки молодая женщина, чертами лица в чем-то похожая на Ноэму. Увидев ее впервые, можно было бы подумать, что ей лет двадцать пять или даже больше. Кряжистая, толстоногая, с тяжелой челюстью и мощными руками. Но, приглядевшись, можно определить: нет, не двадцать пять и даже не двадцать. Слишком молодая кожа на щеках и на шее, - белая-белая; слишком наивные и по-детски прозрачные глаза... Светлые волосы собраны в две косички. Нет, не двадцать; этой белокурой красавице - лет пятнадцать-шестнадцать. Она первым делом потянулась, зевнула, протерла кулаком свои заспанные глазки на помятом лице. Поежилась на холодном ветру. Затем нехотя вытащила из хижины кусок рыболовной сети, взвалила его на плечи и побрела вслед за старухой.

Старуха, так неласково разбудившая Брету, спешила в другую от причала сторону: разбитые рыбацкие лодки ее сейчас мало заботили. Ноэма свернула к скалам, ловко перебралась через высокую гряду камней, отделяющую поселок от дальнего закатного мыса, спрыгнула на песок и заковыляла дальше по полосе прибоя, иногда оказываясь по колено в захлестнувшей пляж пенной волне.

Закатный мыс выдавался узким клыком в море, ошестинившись острыми камнями. Здесь морское течение при сильном шторме выносило на берег все, что попадало в ненасытную утробу волн. На берегу, после бури, среди водорослей и мусора можно найти еще живую рыбу, раковины, иногда даже оглушенного тюленя. А иногда, когда поблизости разбивался корабль, можно было прихватить и более ценную добычу. Главное, успеть первой, чтобы никто не перехватил из поселка. Вот и спешила Ноэма, пробиралась на мыс, рискуя быть смытой в море могучим послештормовым прибоем.

На Закатном ее сразу ждал неплохой улов. Только ступив на косу, туда, где гигантские волны немного отступили, оставив после себя озерца в каменных западинах, Ноэма обнаружила несколько сельдей. А вон еще. И еще... В каменной ловушке - большой оглушенный и окровавленный палтус. Вскоре мешок потяжелел, до половины заполнился рыбой.

- Хорошая буря. Хорошая. Эхх, надо было еще мешок... - бормотала про себя добытчица.

Старуха на четвереньках переползала с места на место по скользким скалам, жадно хватая добычу, поглядывая то вперед, намечая для себя следующую цель, то назад, бормоча ругательства, ожидая нерасторопную Брету с сетью.

- Ага, уже бегут, бегут... - ворчала Ноэма, увидев, что со стороны поселка торопливо приближаются к мысу несколько фигур. - Слетелось, воронье...

Бросив в мешок еще нескольких рыб, добытчица волоком потащила мешок до следующей лужи. Вдруг она остановилась и замерла: вдалеке, возле выступающей в море скалы волны перекачивали нечто побольше, чем сельдь.

Старуха оглянулась. Где же Брета?

Издали можно было подумать, что этодохлый тюлень, опутанный зелеными водорослями. Но, подобравшись ближе, Ноэма разглядела, что в пене прибоя лежит человек.

"Мертвый, утопленник" - так сразу решила про себя хьярнка. И ошибиться в этом было трудно. Сквозь плетевое водорослей угадывалось синюшное тело с неестественно вывернутыми ногами и головой. Подойдя совсем близко, Ноэма рассмотрела: труп, к тому же, сильно изувечен.

При жизни он был, по-видимому, сильным и молодым. Но теперь его тело напоминает перемолотый кусок мяса. Большую часть головы занимает черное пятно, какое бывает при тяжелом ожоге. Такие же пятна обугленной кожи покрывают тело утопленника, в некоторых местах выставляя напоказ обгорелые ребра.

Можно подумать, что в него попали все вчерашние молнии.

Прибой тоже прилично потрудился над жертвой. Скорей всего, тело долго бросало о скалы: из открытых ран на переломанных ногах торчат кости, из вспоротого живота волочится в воде длинная кишка.

Но не раны на теле мертвеца привлекли внимание старой падальщицы. Ее глаза сразу уцепились за другое. На обнаженном теле утопленника сохранилась одна только вещь: пояс. Широкая перевязь из какого-то неизвестного материала, без всяких украшений, с несколькими карманами и чехольчиками. По бокам к поясу прикреплены два кинжала, или, скорее, коротких меча с какими-то очень замысловатыми рукоятками, но в простых гладких ножнах.

Ноэма бросилась к утопленнику и сразу принялась отстегивать перевязь. Это ее добыча! Путаясь в водорослях, облепивших тело мертвеца, отдирая трясущимися жадными руками тугие и непонятные пряжки, она оглянулась: несколько односельчан уже совсем близко. Впереди всех маячит отвратная рожа Туроны, извечного врага и соперницы Ноэмы.

- Харрр... - даже зарычала Ноэма, впиваясь в непослушные пряжки зубами, пытаясь перегрызть крепкий материал. Но это показалось бесполезным.

Поселковые приближались.

- Старая стервятница уже здесь! - завопила еще издали Турона, перекрикивая рокот волн. - Все делим поровну!

Ноэма попыталась выдернуть один из мечей, чтобы перерезать ремни. Но меч не поддавался. Казалось, что эфес врос в ножны, и никакого клинка внутри нет. Отчаявшись уберечь свою добычу от всеобщего раздела, Ноэма наугад рванула пряжку, и она вдруг расстегнулась... Старуха выдернула край пояса из-под утопленника и бросилась прятать свою добычу в мешок. Справившись, Ноэма оценивающе глянула на расстояние, оставшееся до преследователей: заме-

тили? Нет? Прищурила лихо глаз: не отдам! Мое! Я нашла! Зачем-то напоследок глянула на труп, вроде собираясь получить от него подтверждение: да, это вещь Ноэмы. Но, бросив взгляд на мертвого, добытчица вздрогнула: показалось, что он тоже смотрит на нее!

Волна колыхнула тело; показалось, что он протягивает изуродованную руку: отдай! Старуха даже попятилась и споткнулась, захваченная внезапным страхом.

Но долго любоваться утопленником Ноэме было некогда.

- Эй, выворачивай мешок! - орала Турона, приближаясь. - Что ты сняла с дохляка?

Ноэма, оторвавшись от мертвеца, люто оглянулась на соперницу и угрожающе оскалилось, показав сохранившиеся в беззубом рте желтые пеньки. Закинув мешок на плечо, она, карабкаясь по скалам, рванула в сторону, пытаясь сделать круг по узкой косе и прорваться со своей добычей к поселку. Ей наперерез запрыгали по камням другие добытчики.

- Брета! Брета!! - закричала Ноэма, увидев среди хьярнов, обступивших ее находку, девочку с сетью. - Сюда, помоги нести мешок!

Но девчонка, вместо того, чтобы поспешить на выручку своей бабушке, присела на корточки возле мертвого и стала рассматривать жертву моря. Другие добытчики, только глянув на утопленника, не найдя ничего для себя интересного, разбрелись по косе. Кто принялся собирать рыбу, а кто побежал догонять и отбирать улов у Ноэмы.

Брета осталась у тела одна.

- Он был... - бормотала она про себя, зачем-то счищая водоросли с изуродованного лица.

- Сильный парень... И красивый...

Утопленник вдруг беззвучно зашевелил потрескавшимися и покрытыми морской солью губами.

Брета удивилась чрезвычайно. Она услышала и поняла! Вроде внутри у нее что-то прорвалось. Как вспыхнуло в голове! Разом увидела перечеркнутую молниями низкую смоляную черноту, под нею - круговерть водяных гор. Вот молнии собираются в один тугой шар; вытягиваются лентой, закручиваясь в огненный вихрь, соединяющий небо и море. Из глубины стреляющего всполохами вихря выпадает человек... Его сразу же хватает волна, похожая на разъяренного зверя... Багровый туман. Удушье и боль...

- Пить... - услышала Брета. Он произнес это слово на каком-то неизвестном языке, но было понятно: после морской воды это слово одинаковое для всех.

Вспышка погасла и отпустила. Брета сразу отшатнулась, высоко подняв белесые брови, застыв в изумлении. Посмотрела еще раз на мертвеца. Вот так дела! Он разговаривает... И смотрит...

Он не умер, он еще живой! Оглянувшись на односельчан, занятых погоней за Ноэмой, Брета опять присела возле утопленника и стерла ладонью соль с его губ.

- У меня...нет воды... - прошептала девушка, запинаясь. - Я бы могла тебе принести... - Она подумала и добавила: - но ручей далеко, и ты, наверное, уже умрешь, пока я донесу... Только напрасно буду трудить ноги. Так что...

- Брета!! - послышался дикий вой старухи. Мешочники все-таки перехватили ее у основания мыса, и теперь там разгорелась нешуточная драка.

- Не отдам! - орала старуха. - Мое! Я нашла! - и лягала ногой наседающую Турону.

- Брета!! - крик старухи перешел в яростный вой.

В последний раз глянув на ожившего утопленника, Брета, закинув на плечо сеть, не особенно торопясь, побежала на выручку своей бабушке.

- ...И чтоб тебя рыбы сожрали, чтоб тебя земля проглотила! Тварь бесстыжая, селедка безмозглая, уродка, чучело!!!

Долго еще слышались крики Ноэмы. Там, на косе, старуху все-таки поймали и отобрали добычу. Ноэма зубами цеплялась в свою находку; так и доковыляли с Туроной до поселка, вырывая друг у друга пояс с мечами, под вой и улюлюканье односельчан. Но здесь добытчикам встретился сам ярл Хьюго. Услышав шум, он рассудил спор быстро и решительно.

- Зачем вам, безмозглым старухам, чужие мечи? Они пригодятся воинам. - И забрал пояс себе, угостив, к тому же, и Ноэму, и Тубалу крепкими затрещинами. Возвратившись в хижину с полупустым мешком, Ноэма первым делом накинулась на Брету.

- ...тварь!!! - выла старуха, догоняя девочку, перетягивая ее по спине суковатой палкой.

Она брела по берегу, слушая, как затихают позади вопли и стенания старой Ноэмы. Отойдя довольно далеко от поселка, до самых скал, Брета остановилась и присела на камень.

"Старая карга, луркерха, - обиженно размышляла Брета. - Вот умрешь, - я даже дров на твой похоронный костер не принесу, пусть твои глаза выключают вороны".

Брету обижали часто. Больше других, конечно, прикладывалась Ноэма, пытаясь вставить ума нерасторопной и медлительной внучке. В хейдрике тоже доставалось: и от мальчишек, мнящих себя грозными пикерами, и так, от кого попало. С тех пор, как отец Бреты, Белоглазый, прибил ее мать, она обитала возле Ноэмы. Сам Белоглазый тоже вскоре пропал в одном из пикерских походов; так что, кроме Ноэмы, родни в поселке хьярнов у Бреты не было.

Девчонка еще немного посидела, наблюдая, как темнеет и опускается на сосны небо, слушая, как тяжелые волны ударяют о камни. Внутри все громче урчал голодный желудок. У нее созрела другая мысль: "Пусть у вас всех выключают глаза вороны"

Вот ярл Хьюго; он - самый сильный воин: у него отдельный хейдрик, в котором всегда много еды и пива. Его жена, Фрукрэ, толще и красивее всех женщин в поселке. Но ей, Брете, никогда не стать женой ярла. Еще ни один воин даже не посмотрел в ее сторону, а мальчишки из поселка и подавно: обзывают бревном и тюленем, бросаются камнями.

Девочка поднялась с камня и побрела дальше, шлепая по песку босыми ногами. Почему-то вспомнился сегодняшней утопленник. Интересно, сейчас он уже умер? Или еще мучается... Красивый, наверное, был парень, - большой, сильный... Вот бы такой взял ее в жены... Брете представилось его обнаженное тело, вспомнилось, какой у него...тот, и у нее затеплело в низу живота...

Брета глубоко вздохнула, потянулась, сжав руки в кулаки, затем погладила себя по груди. Сквозь грубое полотно рубашки чувствовались твердые соски на маленьких крепких грудях.

Ах, как хорошо пахнут потом молодые парни, когда вытягивают в лодку сети с рыбой!

Было бы так: он заходит в дом, бросает ее хвойный тюфяк возле очага, на лучшее место в хейдрике и говорит: здесь будет спать Брета. А ты, Хельга, и ты, Тондра, - прочь, к самому входу, туда, где дует сквозняк и зимой по утрам на одеяле оседает иней...

Надо отнести ему воды... Отнести воды? Я же ему пообещала... Но он, наверное, уже умер, так и не дождавшись... А вдруг он выживет? И возьмет меня в жены...

Вдруг в камнях, с другой стороны гранитной стены, сквозь шуршание ветра и рокот волн слышался какой-то странный звук. Не то хрип, не то стон. Брета насторожилась и сделала несколько шагов туда, откуда ей послышался человеческий голос.

Она и не поняла, почему ее потянуло в эти скалы. В другой раз померещилось бы, что там притаился собачьеголовый Черный Лурку, Даритель несчастий, заманивает живых людей и выпивает из них силу, - ноги сами бы унесли от этого места. А сейчас девочка быстро поднялась по узкому ходу наверх, затем спустилась на прибрежный песок, откуда слышались странные звуки.

"Зачем я сюда пришла? - удивилась сама себе Брета, - вдруг здесь кто-то черный и страшный схватит меня и утащит в темное подземелье?"

Но толстоногую девчонку сейчас никто не схватил. У подножия скал лежал тот самый утопленник. Брета сразу его узнала по горелому черному пятну. Под этим пятном половина его головы представляла оголенную черепную кость с ошметками опаленного мяса и темной глазницей, в которой шевелился белый слепой глаз.

Даже увидев изуродованное и страшное лицо, Брета совсем не испугалась, а только удивилась: он не умер? Неужели он смог проползти сюда от самого мыса? У него же ни одной кости целой не осталось! И, помнится, кишка висела из живота. Но сейчас, приглядевшись, девчонка обнаружила, что руки и ноги утопленника приняли обычный вид, голова уверенно держится на шее, которая несколько часов назад казалась безнадежно сломанной. И никакой кишки из живота уже нет: на голом торсе страдальца, там, где был вспорот живот, остался только багровый рубец. Быстро же он выздоравливает!

Человек внимательно и пронзительно смотрел на Брету своим единственным уцелевшим глазом. В наступающих сумерках казалось, что от его глаза исходит какой-то таинственный и неве-

рогатный отблеск.

- Помоги мне дойти до поселка, - услышала Брета у себя в голове. Он по-настоящему не говорил ничего. Но Брета четко услышала и поняла, чего от нее хочет незнакомец. Слова сами по себе появлялись у нее в голове. И это была не просьба. Это приказ, которому нельзя не подчиниться.

И Брета подчинилась. И не только подчинилась, а вроде даже с радостью отдалась во власть этого сильного и удивительного чужака. Как вроде проснулась. Тут же бросилась к загадочному пришельцу и принялась втаскивать его на скалы.

Он оказался очень тяжелый и большой. Когда она дотронулась до его тела, ей представилось, что он... Нет, он был, конечно, живой. Но даже слишком живой. Его тело играло внутри, переливалось и шевелилось. Показалось, что каждая частичка его живет своей жизнью, кровь спешит к ранам и быстро-быстро забирает из них боль, сращивает кости, затягивает новой кожей... Еще показалось, что его руки способны безмерно удлиняться и вытягиваться: вот он схватился за выступ скалы, с помощью Бреты подтянулся и схватился опять, за другой выступ, куда бы обычному человеку ни за что не достать.

Дотрагиваясь до него, чувствуя его твердое плечо, голую спину или горячую ладонь, у нее вдруг что-то растаяло внутри, собралось в комок, защемило и защекотало под сердцем...

Но бывший утопленник сейчас не особенно обращал внимание на девочку. На вершине скалы незнакомец остановился и долго рассматривал море, дальние скалы. Вроде ждал оттуда кого-то. Повернулся, скользнул взглядом по поселку хьярнов. Затем заторопился вниз. Спустившись еще ползком, почувствовав под ногами ровный песок, он вдруг крепко вцепился в плечо Бреты и стал на ноги.

- Пойдем, - услышала Брета. - Отведи меня к ним.

Они очень медленно отправились к поселку. Бывший утопленник сильно хромал, продолжая тяжело опираться на плечо девочки. Но она чувствовала, что с каждым шагом он идет увереннее.

- Сколько в поселке людей? - на ходу спросил он у Бреты.

Брета замешкалась с ответом. Она не поняла, что хочет от нее пришелец. Считать она не умела вовсе и даже не подозревала, что односельчан можно посчитать.

- Не знаю... - пробормотала Брета, скосив глаза на своего спутника и даже попытавшись пригласить свои белобрысые косички.

Он немного раздраженно глянул на девочку и спросил другое:

- Каким богам вы поклоняетесь?

Здесь Брета кое-что знала и начала рассказывать, торопясь и путая слова. На небе есть великий Одрик, отец воинов. Он приносит удачу в походах. Смелых и отважных пикеров, если они погибают славной смертью, с мечом в руке, Одрик забирает в сказочную страну Аль-халлу, где всегда много еды, пива и вечное лето. Еще есть Черный Лурку, Даритель несчастий: он насылает штормы и голод...

- Хватит... - послышалось Брете. И тут же последовал совсем странный вопрос:

- Не приходили ли в поселок после бури чужие люди? Слышали ли вы о Двери?

- Нет, не было никого... Да и шторм только сегодня ночью закончился...

Над островом и морем уже упала ночь, в небо выскочила полная луна. Пришелец с девочкой подошли к поселку. От ожившего утопленника на убогие хижинки легла тяжелая лунная тень.

- А ты... кто? - робко спросила Брета. - Ты бог? Как тебя зовут?

- Зови меня... йорг, - ответил пришелец. - Хотя это и не имя. - И в свою очередь задал еще один вопрос:

- Где мое оружие, которое сняла с меня старуха?

Он остановился и утопил в лицо девочки тяжелый взгляд. Брета не смогла даже отвести глаза: ее захватила и прочно держала яркая искра в здоровом глазу назвавшегося йоргом. Казалось, что этот глаз рыскает и шарит в мозгу девочки, выискивая верный ответ.

- Не знаю... - выдавила из себя Брета. От напряжения на лбу у нее выступил пот, и похолодело между лопатками.

Нюэма уже спала, нисколько не заботясь о пропавшей девочке. В хижине слышался храп старухи. Йорг сразу сорвал клоч тюленьей шкуры, закрывающий вход, и, согнувшись в низких дверях, шагнул внутрь. Брета осталась снаружи, пугливо спрятавшись за камни, наблюдая, что будет

дальше. Слышно было, как там, внутри, завизжала Ноэма; там что-то упало, стукнуло и затрещало. Из входа показалась спина недавнего собеседника Бреты. Он вылез из хэйдрика, бесстрастно волоча за волосы упирающуюся и стенающую хьярнку. Вытащив старуху из хижины на свежий воздух, под ясный лунный свет, он прислонил ее к стене и взял рукой за горло.

- Спроси у нее, где мое оружие? - приказал йорг Брете.

Брета спросила.

- Громче! - потребовал йорг.

- Где его оружие?! - закричала Брета в лицо своей бабушке.

Старуха только пыхтела и пускала пену, пытаясь руками оторвать от своей шеи железный захват.

- Ярл... Ярл Хьюго... забрал... Турона... - послышалось сквозь хрипение Ноэмы.

Дальше йорг, по-видимому, сжал свою руку сильнее. Послышался хруст в шее старухи, она задергала ногами и обмочилась. Когда Йорг убрал руку, Ноэма упала возле стены, несколько раз слабо дернула ногами и затихла.

- Она плохо поклонялась богам. Ее душа переселится в ворону. - Йорг поднял с земли и обвязал себе вокруг талии тюленью шкуру. Повернулся к Брете:

- Кто такой ... Йарли Хуго? Показывай дорогу к нему.

Возле хэйдрика ярла светился огонь, издали слышались пьяные крики и громкий хохот. Здесь собрался с десятков самых приближенных к вождю пикеров. Они сидели на камнях и лежали вокруг костра, на котором старый раб поворачивал на вертеле добрую половину говяжьей туши. Когда мясо сверху прожаривалось, каждый отрезал кусок пожирнее своим ножом; пиршество пребывало в самом разгаре. В центре стояли несколько открытых пивных корчаг. Сам Хьюго восседал на перевернутом бочонке недалеко от очага; блестя сальными губами, обгрызал большущий мосол, помогая себе кинжалом, запивая мясо бражкой из внушительной глиняной кружки.

- Давай!! - орали пикеры. - Сделай из нее ласковую кошечку!

Здесь же, посреди небольшой вытоптанной площадки торчал из земли древний столб, который хьярны называли курбот. Когда-то на нем были высечены руны, здесь прадеды хьярнов поклонялись Одрику. Но теперь руны стерлись, а к кольцу, врезанному возле вершины столба, сегодня была привязана за руки та самая пленница, на которую напал на причале дурачок-Ульрих. Блаженный, кстати, тоже находился тут как тут; выглядывал из темноты и иногда лаял оттуда по собачьи. Тогда пикеры бросали ему обгрызенные кости.

- Не стой, как дохлая рыба!

Молодой пикер Эрих нерешительно топтался возле девушки, не решаясь сделать то, чего от него ждали его товарищи. Курносое простецкое лицо веслового пунцово покраснело, он искоса поглядывал на пленницу и продолжал месить ногами песок, как верховой конь перед битвой.

- Выиграл - так давай, возьми эту сучку! - орали пикеры.

- Уууу!.. - подвывал Ульрих. - Гауу! - Он вдруг выскочил на середину круга, задрал свои лохмотья, явив сморщенное и обвисшее мужское достоинство, и кинулся к девушке.

- Дай мне! - завизжал Ульрих, пытаясь дотронуться до женского мяса. Но кто-то из воинов мечом плашмя огрел старика по голой заднице, отчего тот подпрыгнул козлом и схватился руками за ушибленное место.

- Прочь, старый пес! - в голову Ульриха полетела обгрызенная бычья кость. Ульрих упал на землю и на четвереньках уполз в темноту.

Эрих все-таки решил, сделал шаг к черноволосой.

- Давай-давай! - подбадривали его пикеры.

- Давай!!! - крик пикеров перешел в рев. - Начинай, чтоб тебя рыбы сожрали! Дохлый тюлень, мозгляк!

Глянув еще раз на своих товарищей, облизнув пересохшие губы, парень нерешительно протянул руку, больше привычную к веслу даккара, или боевому топору. Взялся за ворот платья пленницы... и вдруг рванул его вниз, разорвав ткань до самого пояса. В отблесках костра показались голые женские плечи, заколыхались полные округлости груди с торчащими сосками.

- Гааа!.. - взревели пикеры.

Потный и красный Эрих, оскалив зубы, опять взялся за платье, решительно рванув пояс, разо-

рвал одежду на девушке совсем. Показались голые ноги, ложбинка внизу живота, заросшая темными волосами... Пленница молчала, иногда захлебываясь дыханием, поднимая голову к небу, играя животом и пытаясь сжимать колени. Путаясь трясущимися руками, Эрих спустил свои штаны и схватил пленницу за бедра, развернул к себе задом...

Увлеченные зрелищем, впившись горящими глазами в действие у столба, пикеры не заметили, как небо закрыла грозовая тень и в круг света костра вошли двое: высокий хромой мужчина с горелыми отметинами на теле, и поселковая девчонка Брета. Мужчина держал руку на плече хьярки. Можно было подумать, что он слепой: один глаз был явно незрячий, светил бельмом в почерневшей глазнице. Но второй глаз пристально и внимательно разглядывал собравшихся здесь воинов.

Пришедших заметили и нехотя оторвали взоры от обнаженного тела южной красавицы. Но, углядев чужака, хьярны вскочили и насторожились. Все застыло и затихло. Даже Эрих застыл со спущенными штанами, держа свою добычу двумя руками за талию.

Чужак повернул к себе Брету и что-то у нее спросил, окинув глазом пикеров.

Брета вытянула вперед палец и указала на ярла.

Почуввав неладное, Хьюго поднялся с бочонка и положил руку на меч, пристально разглядывая неожиданного гостя. Все взгляды устремились на пришельца; пикеры изумленно переглядывались. Многие почувствовали опасность; по многолетней привычке руки сами уже нащупывали мечи и секиры.

Чужак, не выпуская плеча Бреты, тяжело припадая на одну ногу, сделал несколько шагов по направлению к Ворчуну.

Он смотрел на ярла, но говорила девчонка.

- Отдай ему оружие, - громко произнесла она. - Пояс с мечами, который ты сегодня отнял у старух.

Больше чужак не говорил ничего. Он просто стоял неподвижно, уставившись своим единственным уцелевшим глазом в лицо ярла. Блики от костра играли на его застывшем изуродованном лице.

Хьюго слегка потерялся от такого поворота. Увидев незнакомца, ярл сразу почувствовал холодок в животе, который бывает, когда твой даккар, рассчитывая войти в безоружный поселок, вдруг нарывается на засаду целой флотилии южанских кораблей. Но Хьюго быстро совладал с собой. Глянув еще раз на незнакомца, мысленно оценил внезапного противника: да, видно, что чужак - бывалый воин, мощный и отчаянный. Похож на ту вековую сосну, которую расщепило ударом молнии. Но ведь он один, и оружия при нем не видно.

Пояс? Мечи? Какие такие мечи?

- Это что за недобитое чучело бродит по поселку? - лихо прищурившись, с изрядной долей презрения к безоружному выговорил Хьюго. И, полуоборотясь к своим воинам: - Эй, Марми, Прано! Выкиньте его... в яму для рабов!

- Отдай мое оружие! - перебила ярла Брета. - Ты меня в бою не победил, и это не твоя добыча. Тот, кто забирает чужое - вор.

Ярл недобро ослабилась и крепче сжал в руке меч. К незнакомцу уже подошли сзади двое пикеров, и крепыш Прано попытался положить руку на плечо незваного гостя...

Никто даже и не понял, что произошло. Чужак оттолкнул девчонку, так, что она отлетела в темноту. А Прано вдруг повалился на землю, дергаясь в судорогах. Не оглянувшись даже назад, каким-то неуловимым движением чужак наотмашь ударил Прано под дых.

Хьюго с лязгом выдернул меч из ножен. Среди пикеров возник нарастающий ропот, в руках хьярнов замелькали копыя и боевые топоры.

Сзади пришельца, рядом с растерявшимся Марменсоном, возник здоровяк Кропс. Он коротко размахнулся и послал свой топор низом, обухом вперед, целясь по тому месту, где у человека бывает печень. Удар достиг цели: топор глухо стукнул по ребрам. Но пришелец, только слегка качнувшись, обернулся и молниеносно выбросил руку, схватив Кропса за кисть вместе с топором. В наступившей тишине было слышно, как захрустели дробящиеся под стальным захватом кости, затрещало дерево. Брызнула первая кровь. Через миг окрестности огласил отчаянный вопль Кропса: незнакомец одной рукой сломал рукоятку боевой секиры и оторвал бойцу пальцы...

Лицо ярла теперь полыхнуло яростью, - тем самым огнем, который зажигался на нем во время самых лютых сражений.

- Рракрэ!! - заорал Хьюго боевой клич пикеров. - Убить!! - показывая мечом на пришельца.

Опытные в сражениях пикеры уже поняли, с каким противником им предстоит сражаться. Бывали такие: иной раз уже разбили южан, уже добычу надо хватать, а вот какой-нибудь такой оглашенный станет, упрется в землю и машет секирой, дорого продавая свою жизнь, снося одну за другой головы победителям. С такими лучше на мечах не рубиться: для этого есть копья и металлические топоры.

Закипела схватка. Кто-то первым метнул в чужака дротик; но незнакомец отступил в сторону, успев uklonиться. Еще несколько копий взвились в воздух; пришелец uklonился от еще одного, но пошатнулся на хромой ноге, и два копья ударили в его тело. Что удивительно: боевые дротики, выпущенные умелой рукой опытных воинов, не причинили особого вреда загадочному бойцу; пикеры видели, как одно из копий, ударив острием в тело, отскочило обратно, а второе неглубоко засело в горелой ране на боку. Следующие два копья пришелец перехватил прямо на лету; тут же развернув их, с двух рук метнул обратно. Упали двое пикеров... В пришельца полетели топоры; но и они не причинили ему особого вреда.

Разъярившись, пикеры обступили чужака, как раненного вепря на охоте. Началась яростная рубка. Все перемешалось, кто-то сбил вертел на очаге, уронив тушу в огонь; запахло паленым мясом. Перевернулся бочонок с пивом, погасив костер; стало темно. Казалось, даже луна в небе закачалась. Заскрежетало железо: в руках пришельца оказался тяжелый меч, который он успел отобрать у кого-то из нападавших.

Рядом тревожно затрубил рог, в темноте из поселка к хэйдрику ярла торопливо бежали воины с факелами, на ходу надевая доспехи. Пикеров становилось все больше.

Но пришелец крутился в центре круга, подобно вихрю. В его руках меч выписывал немислимые фигуры, с чудовищным гудением рассекая воздух, иногда глухо ударяя о тела подошедших слишком близко противников.

Вот упал, разрубленный напополам, Эрн - Рыбий Ус. Сел, пытаясь удержать кишки в распоротом животе Мартин - рулевой третьего даккара... К ногам ярла подкатилась, брызгая кровью из перерубленных артерий, светловолосая голова Эриха, того самого веслового, который выиграл в кости пленницу-южанку... Еще кто-то упал, и еще; на камнях расплескалась кровь, пикеры гибли один за другим. На лице ярла, перекошенном яростью, вдруг промелькнула растерянность: такого поворота он не ожидал. А пришелец, пробиваясь сквозь толпу отчаянно сражающихся пикеров, приближался к нему...

- Стойте!! - закричал Хьюго безумно мечущимся в темноте фигурам. - Стойте! Мечи в ножны. Мы проиграли эту битву, хьярны! Нам ли сражаться с бессмертным!

Услышав такой крик ярла, пикеры отступили. На их перемазанных кровью лицах нарисовалось крайнее изумление. Они оглядывались друг на друга, непонимающе хлопая глазами на стоящего в центре чужака, освещая его факелами. Кто-то из наиболее осторожных даже предпочел сделать шаг назад и спрятаться за камнями.

Из темноты выскочил безумный Ульрих. Он упал на землю и ползком подобрался к ногам йорга, вымазавшись в разлитой крови.

- Я здесь,.. я здесь, - повторял Ульрих, молитвенно протягивая руки к чужаку. - Ведь ты пришел за мной? Благодарю тебя Одрик! Я здесь... Видишь меня?

Ульрих прикоснулся к стопам неподвижно стоящего воина, обнял его ногу и замер.

Затем поднял лицо к ночному небу и счастливо улыбнулся.

- Копья... Копья и топоры не берут... Бессмертный... - слышался шепоток - Йоррунг... Сын бога...

Ярл Хьюго выступил вперед и положил к ногам пришельца свой меч.

- Прости, незнакомец, нас, темных хьярнов. Мы не сразу разглядели в тебе бессмертного. Мерзкие старухи украли твой пояс. Я забрал его из грязных рук: негоже бабскому отродью прикасаться к оружию бога. Сейчас твой пояс принесут; а пока присядь с нами, раздели нашу трапезу. - Хьюго низко склонился и ослабил.

Тот, кто представился Брете йоргом, продолжал стоять неподвижно в центре круга. Ни один мускул не дрогнул на лице пришельца. Он был сейчас похож на гранитную глыбу, обрызганную

жертвенной кровью; свой меч, добытый в бою, он опустил вниз; на острие клинка зависла багряная капля.

Оглянувшись на пришельца, несколько раз подобострастно кивнув головой: сейчас, сейчас; показав даже рукой, что он скоро вернется, Ворчун нырнул в свой хэйдрик.

Его не было долго. Что-то он там искал: слышался его раздраженный ворчливый голос и женские стенания. Затем он все-таки появился, торжественно неся в руках ту самую перевязь.

Подойдя к йоргу, Хьюго Ворчун поклонился и положил пояс с мечами к ногам пришельца.

- Прости нас, бессмертный. Мы тебя не признали. Не держи обиды на темных хьярнов. Ты оказал великую честь нашим воинам - нет ничего почетней, чем скрестить мечи с посланником небес...

Йорг сделал шаг вперед, переступив Ульриха, молча поднял свой пояс и застегнул у себя на талии. Затем достал из чехольчика несколько каких-то горошин и положил себе в рот.

Спрятавшись за камнем, Брета видела всю схватку. От напряжения она крепко сжала кулаки; иногда, когда в йорга попадали копья или топоры, она зажмуривалась. Но вот битва остановилась; Брета почувствовала, что до крови закусил губу. Она не слышала, о чем говорил Хьюго-Ворчун с ее господином; но когда йорг застегнул на поясе свои мечи, она глубоко облегченно вздохнула.

Хьюго долго о чем-то упрасивал бессмертного. Теперь, в тишине, до Бреты доносились обрывки голоса ярла, вдруг ставшего сладким и льстивым:

... - великий воин... мы завоюем все побережье...

Чужак стоял неподвижно. Затем он подошел к столбу и мечом разрезал веревки, стягивающие руки пленницы. С силой вогнал пикерский меч в курбот; так, что клинок пробил насквозь моренный дуб. Повернулся спиной к Хьюго и пошел к морю. Черноволосая схватила свою одежду и побежала вслед своему освободителю. Пикеры расступились.

Неожиданно лицо ярла перекосила дикая гримаса ненависти. Он выхватил у ближайшего воина топор и запустил в спину йоргу...

- Сзади!! - закричала Брета и рванулась к летящему топору.

Блеснуло небо, разрезанное вспышкой. Йорг неуловимым движением выхватил свои мечи.

Один только раз взмахнул воин удивительными клинками. От этого взмаха летящий ему в спину топор распался пополам. А остолбеневший ярл Хьюго, выпучив глаза, уставился на свою правую кисть, упавшую на песок, и на фонтанчик крови, бьющий из обрубка.

Йорг зашагал к морю. Никто из хьярнов не решился пойти за ним. Брета, прижав руки к груди, смотрела, как удаляется ее недавний знакомец. Ей почему-то стало тоскливо и тяжело на сердце. Ничего не произошло. Он скрылся, растаял в лунном свете на берегу, сопровождаемый красавицей - южанкой. Пикеры собрались вместе и начали о чем-то горячо спорить, размахивая руками. На Брету никто не обращал внимания. Подождав еще немного, она опустила голову и побрела одна к своей хижине через растревоженный поселок.

Ульрих - Безбрюхий не пошевелился. Так и остался лежать там, где бессмертный оставил свои следы. Ульрих был счастлив и уже мертв.

Даже не взглянув на тело Ноэмы, валявшееся у входа, Брета забралась в лачугу, забила в самый темный угол и долго сидела, обняв колени руками. Затем встала и принялась шарить по углам, выискивая съестное. Нашла половину сырой рыбины, недоеденную Ноэмой. Стала раздувать огонь в очаге, чтобы испечь палтуса. Но когда огонек задымил, она вдруг заплакала, впервые за эту ночь. Уронив рыбину на пол, она сидела у потухшего костра и плакала, плакала... Слезы сами безостановочно катились из глаз.

А затем... Затем она поняла, что больше не будет прежней Бреты. Не будет вечно брюзжащей старухи Ноэмы, никто не будет больше ее бить и называть дохлой селедкой. Все изменилось. Он пришел за ней, и все должно быть по-другому...

Все должно быть по-другому.

Должно.

Хлюпнув еще раз носом, вытерев кулаками глаза, Брета встала и пошла к морю. Ноги сами вынесли ее за поселок, а затем она побежала...

Она нашла его далеко от поселка, у основания закатного мыса. Йорг расположился на берегу,

возле самой полосы прибоя. Просто сидел на песке, положив рядом с собой пояс с мечами, и смотрел на море. Рядом суежилась черноволосая красавица, собирая топяк для костра. Вот она нагнулась, нарочно подставив под взгляд своего освободителя полуобнаженную грудь, призывно улыбунулась...

Заметив темную фигуру йорга, Брета зачем-то обрадовалась, у нее прыгнуло и провалилось в жаркую пустоту сердце. Но потом, углядев рядом с ним черноволосую, хьярнка поникла и смутилась. Отвернулась, как вроде увидела что-то запретное, такое, на что смотреть нельзя, и отступила. Но не ушла; осталась, спрятавшись за камнем.

Сидя на корточках, она набирала в ладонь песок и ссыпала его на ровную кучку. Но кучка держалась плохо: на нее раз за разом срывались тяжелые капли из глаз... Так она сидела некоторое время.

- Подойди...- вдруг услышала Брета у себя в сознании. Она вспыхнула и попробовала убежать.

Но тот же голос, уже более повелительно, приказал:

- Подойди ко мне!

И Брета пошла к берегу, переставляя непослушные ноги. Сердце в груди билось глухо и надрывно.

Увидев приближающуюся Брету, южанка вздрогнула и поникла. Но затем хищно прищурила глаза и придвинулась ближе к йоргу, даже обняла его ногу, стараясь оказаться между воином и белобрысой.

Она что-то сказала на своем южанском языке в сторону Бреты, угрожающе блеснув глазами. Она хочет, чтобы хьярнка не приближалась, ушла совсем. "Это мой мужчина" - говорила вся ее фигура.

Но Брета подошла и присела на песок неподалеку.

- Сядь ближе, - услышала она.

- Скажи ей... - опять послышался голос йорга. - Скажи ей, пусть уходит!

Брета еще немного подумала и радостно сказала черноволосой:

- Йорг хочет, чтобы ты ушла.

Черноволосая вскинулась, у нее в глазах засветились страшные зеленые огоньки; она стала похожей на оскаленную и вздыбившую шерсть кошку. Но пошевелился йорг, южанка испуганно глянула на него. Упала к ногам воина, залопотала что-то на своем языке. Увидав, что он совершенно равнодушен к ее слезам, опять обратилась с Брете, путая южанские и хьярнские слова:

- Смотри надо на себя!! Урод белобрысая с севера, бревно, урод! Ты...

Она умолкла и заплакала...

Затем поднялась и побрела к поселку.

Они долго молчали. Над морем посветлел восход, звезды стали гаснуть.

- Зачем ты ее прогнал? - нарушила молчание Брета.

- У нее красивое тело, но слишком маленькое сердце. Она глухая. Я с ней говорил, но она не слышала. - Помолчав еще немного, он добавил: - Там, у столба, ей будет лучше.

Брета присела ближе и прижалась плечом к спине йорга.

- Это правда, что ты бессмертный? - спросила Брета.

- Нет, - ответил йорг, - я не бессмертный. И более того, я умру очень скоро.

Он помолчал, разглядывая горизонт.

- Не по своей воле я пришел сюда. Была битва, и мы ее проиграли. Я сражался, как мог; дух многих саккаров уже никогда не обретет телесную оболочку. Нас оттеснили к Двери, и единственное спасение было - войти, провалиться в этот мутный туман...

Йорг пошевелился и приложил руку к лицу. Брета сейчас заметила, как пульсирует кровь в жилке на обратной стороне кисти. Раны на голове почти затянулись и зажили. Но чувствовалось, что у него болит внутри...

- Меня найдут: может, через день или два, а, может, уже сейчас, пока поднимается этот рассвет... Мне нужно уходить.

Он опять замолчал, утопив свой уцелевший глаз в морскую даль.

- Там меня уже никто не ждет, - сказал он и вздохнул. - Идти некуда. Алькараны побеждены. Те-

перь победители охотятся за теми, кто выжил...

- Так оставайся здесь. Ты будешь великим ярлом! - наивно пробормотала Брета.

- Я же сказал: меня, скорей всего, найдут уже сегодня. Хорошо, что я успел вернуть свое оружие! Если меня застанут вот таким, голым и израненным, саккары заберут мой дух... Я уже почти восстановился. Нужно уходить, выбирать путь, нужно открыть дверь. Но где она, я не знаю...

Брета посмотрела, как на небе блекнут звезды и над морем разливается белесый утренний туман. Она чувствовала что-то большое и жгучее у себя внутри. Под горло подступил тяжелый комок. Что она перед этим небом и этим морем? Что она перед этим человеком или богом? Вот он сейчас уйдет, - и все, она останется одна во всем мире, некрасивая и глупая...

Молчание затянулось. Каждый думал о своем.

Над морем показался краешек солнечного диска.

Он вдруг повернулся и положил руку ей на плечо, глянул прямо в глаза. И Брета почувствовала что-то такое... такое, чему нет объяснения, но что разливается жгучей и неодолимой волной внутри. Страх и пустота в сердце вдруг заполнились отражением вот этой неукротимой искры, живущей во взгляде единственного уцелевшего глаза.

- Я выбрал, - произнес йорг. - Я нашел выход и я остаюсь. Моя дверь - это ты. Сохрани мой пояс.

Он поднялся на ноги и поднял Брету.

- Не смотри на меня. Это мое тело слишком изуродовано, чтобы запомниться женщине.

- И ты не смотри на меня. Я слишком некрасивая, чтобы понравиться мужчине...

Йорг повернул Брету спиной к себе. Брета сбросила свою одежду и опустилась на колени, уперлась руками на песок...

Она сразу почувствовала резкую боль. Он вошел в нее сильно и сразу. Но боль скоро ушла, сменившись незнакомым и удивительным чувством. Как будто она побежала по ласковому прибою и вознеслась над морем, в небо, купаясь в то же время в теплых волнах...

Она увидела незнакомый край, чудную и загадочную землю. Вонзились в облачные выси города; никогда Брета и не думала, что бывают такие высокие хэйдрики. По небу летят железные птицы, солнце блестит на их серебристых крыльях. Множество людей суетятся в узких ущельях между домами. Вот лицо женщины: она ослепительно красива, в белых одеждах, с роскошными светлыми волосами, здоровая и сильная. У нее на руках - ребенок...

Под багровым небом сияют белые шапки гор. Взлетают прекрасные длинноногие птицы; закат окрашивает их белоснежные перья розовым. На широкой равнине стоит огромный зверь. Его ноги похожи на глыбы гранита, впереди качается хобот, из-под которого выглядывают могучие бивни. Рядом со зверем - детеныш: он подобрался к животу матери и пьет молоко...

А вот другое: открывается железная дверка; из корабля выпрыгивают на берег такие же, как йорг: их лица закрыты темными шлемами. В руках воины несут молнии, их отблески разрывают небо, горят и плавятся камни...

В шлем воина попадает молния. Вспышка. Вместо головы у йорга - обгорелая кость... Плавится и разрывается на куски город, и розовые птицы, и лицо светловолосой женщины. Открывается Вход, распадаясь на множество прозрачных осколков; из темноты вырываются черные вихри...

Брета почувствовала под собой холодное и очнулась. Пенный язык прибойной волны дотянулся до нее, лежащей на песке. Она подняла голову и огляделась.

Чудесное и странное видение пропало. На склонах дюн трепещут под ветром однобокие хьярнские сосны, море бьет волной в прибрежные камни. Да, это Истхьярн, берег черных скал и молочных туманов. Солнце уже выскочило высоко над горизонтом, позолотило краешки волн, над морем тает утренняя дымка. Кричат чайки.

Рядом лежит большое тело со следами от ударов молний. Прибой шевелит безжизненную руку.

Брета встала, отряхнула песок и надела свои лохмотья. Подхватила пояс с мечами йорга и зашагала в сторону поселка. Она даже не взглянула на то, что еще недавно было грозным владетелем молний. Его там нет. Он ушел. Это просто пустая оболочка, как шкура тюленя. Брета знала точно: теперь он в ней, вот здесь, под сердцем. В положенный срок родится мальчик. А когда он вырастет, великому воину пригодится его оружие.

АНДРЕЙ ЗВОНКОВ

Запасной вариант

Лияра легко соскользнула по шелковой простыне на пол. Я приоткрыл веки. Наблюдал за ней, пусть думает, что я сплю. За окнами чуть розовело небо, и в комнате царил мягкий полумрак. Ночная любовь моя подошла к окну и сладко потянулась. Знает она, что я не сплю? Догадывается, чует? Вряд ли. Я старался не менять дыхания. Обнаженное тело ее мерцало в свете тающих лунных лучей. Лияра снова поднялась на цыпочки, вытянув руки вверх, будто перед броском в воду, еще раз потянулась от пяточек до кончиков тонких длинных пальцев. Она смотрела на пробуждающийся город и тускнеющие звезды, и портовые огни. А, может, она ни на что не смотрела? И стояла перед окном с закрытыми глазами? Высокая, гибкая, крупные миндалевидные глаза сиреневого цвета. Тут явно уж постарались магикосметологи, брови будто чуть приподнятые в удивлении, прямой от самых бровей без ложбинок или горбинок узкий нос, не слишком толстые губы, чуть припухшие, как у ребенка, сходящийся к узкому подбородку овал лица. Ей где-то между двадцатью двумя и двадцатью пятью. Но опыт?! Хотя чему я удивляюсь - постельный опыт набирается легко. Шлюха? Неет... она не похожа на шлюху... Впрочем, вчера я об этом не думал. Когда увидел ее в кабаке "Шхера". Я невольно усмехнулся и Лияра, видимо почуяла мое состояние, обернулась, нагибаясь ко мне через край кровати. Глаза ее жадно изучали мое лицо, руки упирались в постель, я зажмурился, вся она манящая, страстная.... Меня предал мой старый друг.

Лияра перевела взгляд на возросший посреди шелковой глади холм и рассмеялась.

- Ты не спишь! Притворяшка!

- С тобой поспишь... - хрипло проговорил я, ибо ни пересохший внезапно язык, ни губы толком не слушались, и каждый звук, проходя через горло драл его словно щеткой. - Дай попить... пересохло во рту.

Лияра подняла кувшин с кислым соком ягод клю.

- Так хлебнешь или в бокал налить?

- Так... мне только горло прополоскать, а впрочем - налей... - она налила полбокала рубинового сока.

Я левой принял сок, и пока пил, правой обнял обнаженную красавицу за талию и привлек к себе. Пустой бокал покатился по простыне, оставив еле заметную дорожку "кровавых" капель. Лияра дрыгнула ногами, легко и удивительно грациозно проскользнула обратно под шелк покрывала, усаживаясь сверху, при этом все ее тело вело себя по-разному, руки гладили ночную щетину на моих щеках, губы нежно прикасались к губам, бедра обнимали мои бока, а заветная, соблазнительная попка самостоятельно решала отношения со старым другом, то приподнимаясь, то двигаясь из стороны в сторону. Страсть ударила в голову, я ничего не соображал... да и как? Если вся кровь от головы утекла вниз, туда где вершилось важнейшее дело... и обескровленный мозг уже не был способен что-либо обдумывать, он наслаждался...

Я уже не помнил, как оно было несколько часов назад, но сейчас - бесподобно. Мои руки лихорадочно носились по ее коже, скользя, словно по шелку. Я не мог говорить, только рычал, и она рычала вместе со мной, и дикое пламя разгоралось, норовя спалить обоих, оно залило нас одновременно. Лияра оттолкнулась, от моих плеч кончиками пальцев, качнула бедрами и бешеная сила рванулось из меня. Несколько мгновений распаленная красавица сидела, замерев, ощущая происшедшее... и в изнеможении легла мне на грудь, свернув руки как кошка, под себя. Волосы накрыли мое лицо и защекотали кончик носа, я чихнул. Лияра скатилась на простыню, положила головку мне на плечо и подобравшись губами к уху, прошептала:

- Ты бесподобный любовник, король, но ты уже мертв. - Как удивительно, она сказала то слово, что родилось в моем одурманенном страстью мозгу - бесподобно.

Ее слова обожгли мозг. Убийца! Наемница... что она говорит? Видимо по сбившемуся дыханию она поняла, что ей удалось напугать меня.

- Умереть от любви - это ли не высшее наслаждение? - я постарался все свести к шутке. Солнце уже заливало комнату. Это не королевские покои. Я не настолько глуп, чтоб снимать шлях и раскрывать себя.

- На моих губах - был яд, дорогой. - Сказала Лияра, слезая с кровати и собирая раскиданные по комнате детали туалета. - Я отравила тебя. Еще вчера, и сегодня... ты слизал с моих губ столько яда, что хватило б убить весь этот город. - Она принялась одеваться, пока я тупо смотрел на нее. В чертах лица Лияры проступило отстраненное холодно формальное выражение. Будто галочку поставила в списке выполненных дел. Словно она только что не стонала и не извивалась от страсти... а между нами уже выростала невидимая стена. Она там, а я тут...

- Глупость. - сказал я, - Во-первых, с чего ты взяла, что я - король? А во вторых - я ничего не чувствую... Ты лжешь! Зачем? А если нет - ведь ты умрешь тоже! Зачем? - повторил я, и удивленный ее спокойствием, тоже принялся одеваться.

Лияра взяла с туалетного столика миниатюрную коробочку с губной помадой и кинула мне на постель.

- Отдай своим алхимикам. Это медленный яд. Ты умрешь через сорок восемь часов. И я тоже умру, но немного раньше. Противоядия нет, любимый. - Она улыбнулась. - Я не должна была тебе этого говорить, но... - она затянула пояс на платье, уложила бюст, так, что б оставалась соблазнительная ложбинка, и сказала, - но ты был бесподобен... подарил мне такую ночь, что я решила по своему расплатиться - дать тебе двое суток на подведение итогов. - Она достала из сумочки еще одну коробочку, я онемел и смотрел только на ее губы и глаза. Она не лгала... и детская обида прихлынула к сердцу. За что? Не верю! Нет, я не снимал с себя тяжести грехов, что совершил за бурную молодость и мое правление островной империей Эленсааров, но все-таки, что я лично ей сделал? Или тому, кто ее нанял? И я спросил:

- Кто тебя нанял?

- Ты ее не знаешь, - ответила Лияра, - точнее - не помнишь. Моя мать. - Она произнесла это с оттенком формальности. - Да упокоится с миром ее обиженная душа. Я выполнила ее завещание. - Произнеся заученную ритуальную фразу, Лияра улыбнулась, доставая черный шарик из коробочки, и я прыгнул к ней, стараясь выбить из ее рук... но она оказалась проворнее, кинула в рот, надкусила, и, закатив глаза, медленно упала у моих ног. Короткие конвульсии и все. Я тупо смотрю на тело Лияры.

"Знаю, но не помню", Разум отказывался верить ее словам. Двое суток? Впрочем, всякое в мире бывает. И мне всякое довелось пережить. Не всегда я был императором. Владетелем двух тысяч островов в Южном океане - хозяином морей.

Много лет назад отец отправил меня учиться на материк, в лучшую военную академию Рамбата. Его отговаривали. Сыну императора учиться у республиканцев? Да он наберется там греховных учений о равноправии...

Я подобрал с постели коробочку с помадой, содержащей якобы долгий яд, обул сапоги, поглядел на себя в зеркало: обычный офицер, морской. Даже на капитана не похож. Так, средний офицерский состав какого-нибудь рейдера. Загорелая рожа лица, правда не обветрена, как у настоящих моряков, а одежда? Коричневая кожа. Штаны, куртка, сапоги... на мне нет никаких знаков различия. Рост? Мало ли высоких мужчин? Символ власти я оставил во дворце, как и всегда, когда выхожу в город без охраны. Как короля меня знают совсем другим. Всякий раз, для официальных церемоний маги ретушируют мое лицо. Узнать во мне короля? Как она вычислила, что я король? Как она узнала, где я сегодня буду? Я поднял труп и перенес на кровать. Голова ее запрокинулась и с губ потекла пенная жидкость. Это удержало меня от прощального поцелуя. Я запер двери комнаты на ключ и отправился домой.

Охрана, ночевавшая в харчевне при отеле, заметила меня выходящим, не подавая виду, пристроилась в кильватер, пока я, вроде как озабоченный службой моряк, иду по своим делам. Раннее утро. В этой части город еще спит. Мы вышли из квартала, поднимаясь извилистыми улочками все выше и выше, добрались до стены замкового парка, и пока охрана прикрывала меня от любопытных глаз, я нажал тайный рычаг, отодвинулась часть стены, я шагнул в прохладную сырость перехода. Охрана же осталась там, на улице. Теперь им возвращаться в замок обычным путем.

Чем дальше уходил я от отеля, тем призрачнее становились события ночи, тем ярче последние минуты и мертвая Лияра, лежавшая на кровати... Я не поверил ей. Да она отравилась... это аргумент. Зачем? Чтоб доказать мне истинность своих слов? Чтоб скрыть имя истинного заказчика? Если она и так отравлена вместе со мной, зачем ей нужно было принимать быстрый яд? Значит, есть что-то, что она хотела сохранить в тайне. Что?

Я шел в крошечной темноте, в тишине вязли шаги. Смерть красавицы потрясла. Все бессмысленно. Дико. На ней не было татуировок и знаков клана убийц. Значит - личная месть... Много желающих? Не сосчитать. Что-то текло по лицу, но я не замечал.

Я толкнулся руками в запертую дверь, нащупал рычажки, и она отворилась, пропуская меня в библиотеку замка. Задвинув стеллаж с книгами, я остановился и осмотрелся, приводя мысли в порядок. Правда ли нет ли... У меня двое суток, из которых шесть часов я предавался любовным утехам. Сорок два часа. Если Лияра не лжет. Интуиция подсказывала - не лгала. Что-то случилось со мной. Дыхание сбилось, в груди заломило, к горлу подкатил жгучий ком и, я опустился на колени, по лицу потекли слезы. Шок, в котором я пребывал с момента смерти девушки - нашел выход. Король плачет. О чем, о ком?

Король не имеет права на слабость... он - власть, он - сила, он - символ государства. Он связь между своим народом и Богами. Но я - человек. Да я - звезднорожденный, но я живой еще человек. И смерть, она всегда смерть - страшная, гнусная, обидная. Она никогда не будет красивой. Я - повидал смерть.

Я плачу второй раз в жизни, в моей взрослой жизни. Детские слезы не в счет. В тот раз я готов был убить себя, меня удержали... в этот раз меня убивают, а я плачу о смерти девушки...

Я целовал ее незнакомую, обольстительную, распуская ремешки и шнурочки на платье, покрывал поцелуями каждый дюйм ее обнажающегося тела, мои руки горели... сердце рвалось из груди... она запрокидывала голову, откидывая волосы от шеи, позволяя целовать ее, и звонко смеялась. Я добрался до груди и обезумел... небесная красота, божественное тело... Как зовут тебя? - спросил я, когда мы устали и взяли небольшую передышку. "- Зачем тебе мое имя? Блуд не повод для знакомства, я же не спрашиваю твое... - ответила она, смеясь. - Разве тебе мало меня?" - она права. "- И все-таки, я хочу знать твое имя." - настоял я. И она, притягивая меня к себе, прошептала - "Лияра!".

Глаза мои высохли. Я поднялся. Зачем я ходил в порт? Найти себе девку на ночь. Нашел. Лияру. Уже слышу голос Редрика:

- Не королевское это дело - по кабакам блудей собирать!

Что я ему скажу, что я всем скажу? У меня сорок два, нет уже сорок часов... Я должен, что я должен? Должен успеть.

Допустим, она действительно отравила меня. Я должен узнать - за что и как она меня нашла? Мне станет легче? Да, мне станет легче. Но главное - кто ей помогал? Настоящий враг где-то рядом. Я обидел мать Лияры? Так смертельно обидел, что иного способа отомстить мне, кроме смерти - она не нашла? Глупая девочка... глупая.

Я подошел к шнуру звонка, подергал. Мгновенно явился коридорный лакей.

- Слушаю, Ваше величество!

Я протянул ему коробочку с помадой.

- Отнеси это алхимикам. Пускай выяснят - что там. И передай Редрику, что я у себя.

Лакей поклонился, забрал коробочку и исчез. Я осмотрел полки с книгами. Зачем? Действие автоматическое, но сегодня я смотрел на старых друзей, которые никогда не предадут. Наверное, я их вижу последний раз. Семейная библиотека Эленсааров. Миллионы томов. Древнейшие книги. Кому теперь вся эта мудрость достанется? Я должен решить - кому.

Я дошел до своего кабинета, молча ответил на приветствие караула у покоев. Король отдал честь офицерам охраны. Я не смотрел на их лица. Последний парад? Рано еще открывать кингстоны. Рано.

На стене табло. Я давно велел моим магам его изготовить. И те постарались. Обратный календарь Хуора Эленсаара. На полированном камне светится число 45074 - дни. Сто двадцать три года, восемь месяцев и десять дней. Вот сколько мне еще жить. Таков удел звезднорожденных. Жить двести лет и умирать молодыми, полностью истощив ресурс.

Я еще не стар. Совсем не стар. Мне всего лишь семьдесят семь лет, а выгляжу я на тридцать. И до самой смерти мой организм замер на возрасте тридцать лет. Теперь моя жизнь укоротилась на сто двадцать три года, восемь месяцев и восемь дней. Смотрю на табло. Оно не знает. Мертвый, зачарованный на обратный отсчет камень... напоминание.

Я подошел к окну и раздвинул гардины. Солнце уже поднялось над морем. Шум прибоя не доносится до замка, а голос города остался по другую сторону. Ветер залетел в распахнутое окно и пошевелил волосы. Это сквозняк. Я обернулся. В кабинет вошел Рэдрик. Мой старый добрый друг. Слово старый не годится для пятидесятилетнего мужчины. Но он не звезднорожденный. Он не знает срока своей смерти. Это привилегия династии королей. Когда-то, тысячи лет назад наша семья пришла в этот мир. Откуда? Предки стерли эти данные из архивов и накрепко запечатали за собой дверь... Как потом выяснилось - не так уж крепко, если юная магичка, ученица, случайно сумела их распечатать. Дожил ли кто-нибудь до срока? Большинство. Болезни редки среди нас. Отец. Да. Отец умер, как и было рассчитано. В 200 летний день своего рождения. Час в час. Брат? Если бы не брат... не был бы я королем... во всяком случае, не сейчас. Брат был старше меня на семьдесят пять лет. Первенец. Отец еще не был королем, когда он родился. И уже был - когда родился я. От его последней жены. Между мной и братом была и есть - наша сестра - любимая Анита- Амра. Где она? Отец ее выдал замуж за герцога Лиды. Лидийского владыку. Она - звезднорожденная. Но она - женщина. А они менее устойчивы к болезням и более эмоциональны. По закону, я могу передать трон ее сыну, а ее назначить регентшей, до его совершеннолетия. Правда, на это нужно согласие его отца. А самое главное, преемник должен быть коронован еще до моей смерти. А вот это, при условии, что я действительно отравлен - невозможно.

Рэдрик кашлянул.

- Что с тобой, мой король? Ты на себя не похож.

Я вздрогнул. Задумчивость не к лицу владыке. Да, Анита - это хорошее решение, но не если не найдется иного. Нужно немедленно отправить за ней корабль. Корабль... это трое суток до Хабига - порта Лиды, сутки как минимум она возьмет на сборы и еще трое суток сюда - итого - неделя... Я уже буду мертв. Пускай она приедет, хотя бы на похороны. Я повернулся к Рэдрику.

- Что? - осознание вопроса пришло чуть позже. - Да. Так. Задумался. - Не умею я врать. А Рэдрик слишком хороший друг, чтобы его обманывать. - Вот что. - я положил на стол ключ из отеля. - Сделай так: в номере, что снял капитан Эленкорт ты найдешь на постели труп девушки, нужно без лишнего шума доставить его лекарям - я хочу знать о ней все.

Рэдрик изменился в лице.

- Тебя хотели убить? - он мучительно скривился, - Ну, я же предупреждал тебя! Ну, почему ты никогда меня не слушаешь?

- Хватит скулить. Рэд. Сделай, как я сказал. Я должен до обеда знать о ней все. Кто она, откуда, как попала на остров, с кем встречалась? Ее имя. - я запнулся, - да, узнай ее полное имя. - раздражение, видимо, проскочило в моих словах.

Рэдрик стал смирно.

- Что еще прикажете, Ваше величество? - обиделся

- Ну, не надо, - Я обнял друга, - не надо. У меня сегодня трудный день. Она действительно хотела меня убить. Не она первая, не она последняя... Вольная наемница? Она не похожа на воительницу.

- Может, мне объяснишь, что произошло? Ты ее убил?

Я покачал головой.

- Нет, она убила себя сама - отравилась.

- Нормальное дело, - кивнул Рэдрик, - обычная практика, чтоб не выдать заказчика.

- Она сказала, кто заказчик. - Произнес я тусклым голосом.

- Да ну? И кто же?

- Ее мать.

Рэдрик удивленно выкатил нижнюю губу.

- А кто ее мать?

Тут я развел руками.

- Ума не приложу, но меня она знает.

- Ладно, я пошел выполнять. За обедом обсудим, - сказал дружище Рэдрик, складывая письмо и отходя к двери, - время есть. Тебе, наверное, стоит отдохнуть, поспи.

За ним закрылась дверь. А я усмехнулся. Поспи... поспишь тут. Рэд вышел, а я, повинувшись порыву нахлынувшего бешенства сорвал со стены камень с цифрами и запустил в окно. Мне не стало легче. Нужно работать. Правда это или нет, нужно работать! Так, будто это правда. Это мои учения. Мои... испытания.

***

Курьера с письмом Аните я отправил сразу, как только ушел Рэд. Но это долго. Я заканчивал писать план реформ, когда вошел дежурный и доложил:

- К вам, магистр Фигула, Ваше величество. - Время: девять утра. Быстро он. Молодец.

- Пропусти!

Фигула Старгер - глава алхимиков Империи. Ровесник Рэдрика. Выбрит до блеска, или зельем каким мажет макушку, чтоб волосы выпадали и не росли. Фигула пришел в рабочем балахоне, в руках держит лист, на лице глубокая задумчивость. Я не вытерпел.

- Ну, говори! Что там?

Нет, он, все-таки, подошел к столу и протянул лист. Я пробежал глазами:

1. Ореховое масло
2. Пигмент улитки тыр-быр-фыр,
3. экстракт коры дерева хрен-поймешь,
4. Состав не содержит токсичных веществ.

Что это значит? Лияра все-таки лгала? Пугала меня? А чего хотела? Отравиться у меня на глазах?

- Это что, шутка?

- Никак нет, Ваше величество, - это обычная губная помада. Довольно дорогая, судя по игридиентам. На рынке в порту такая коробочка стоит примерно одну золотую монету.

- Ого!

- А что вы ожидали в ней обнаружить?

- Мне сказали, что там медленный яд. - Белесые брови на лице алхимика полезли к затылку.

Он пискнул, а я спросил: - Неужели ничего нет?

Фигула промокнул платком лысину.

- Ваше величество, мы ничего не нашли. А вы знаете, нет такого яда, чтоб его невозможно было обнаружить. Хоть следы, хоть что...

- Покажите баночку магам. - На лице алхимика промелькнула гримаска. - Не надо! Не надо гримасничать, Фигула! Мне ваши симпатии-антипатии по херу! - Я стукнул кулаком по столу. - Сейчас Вам доставят труп девушки. Я хочу, чтоб вы с магами ее исследовали досконально и доложили мне! Бросьте все силы на это дело. Даю час на выяснение!

Фигула удалился. Снова вошел дежурный офицер.

- Ваше величество ждут в зале.

Ах... забыл. Тренировка, два часа. А зачем она мне теперь? Отменить? Нет. Никто ничего не должен знать. Нет бедствия страшнее, чем паника. Лияра действительно сделала королевский подарок щедрости подарок.

Тренировка закончилась через полчаса.

- Ваше величество сегодня вы бились хуже, чем вчера. - Тренер говорил чуть опустив глаза, и вся фигура его выражала уважение. - Я слышал, вы провели бессонную ночь?

Вот трепачи! Все трепачи! Ну да... да... я... что я? Я ходил сегодня в порт, как и в другие дни. Сволочи, все сволочи и болтуны.

- Раньше ты меня не упрекал за это. - Я судорожно ловил ниточку памяти, - Полковник Барреда.

- Раньше ваше Величество не показывали столь скверных результатов на тренировке. - Тренер меня огорчил, а я никак не мог восстановить дыхание.

- Так плохо?

Он поклонился.

- Раньше вы меня не подпускали так близко. Вы устали?

- Да... что-то мне неважно, Барреда.

- Давайте, отложим на завтра?

- Пожалуй, так будет правильно.

Я отдал мечи подбежавшим ассистентам и на ватных ногах направился в бассейн.

Проходя мимо зеркала в раздевалке, увидел поседевшего мужчину... Рэдрика? нет, не его... там был я, только выглядел как Рэд... на все пятьдесят. Вот оно!

Я разделся и прыгнул в бассейн. Вода приняла меня, выбросила на поверхность. В несколько гребков я выплыл на середину и лег на воду, глядя на прозрачные квадраты купола и бирюзовое небо. Она не лгала. Отрава есть и работает. Что-то мне скажут маги и алхимики?

В бассейне появился Рэдрик, присел на бортик.

- Король! - я не переворачиваясь, на спине поплыл к нему.

- Рассказывай.

- Девушка лежала, как ты и сказал. Мы упаковали ее в мешок для грязного белья и на тележке прачки вывезли из отеля, потом погрузили на повозку...

- Может быть, ты мне каждый камень на мостовой, попавший под ваши колеса, пересчитаешь? Короче! Кто она? - мне все тяжелее скрывать напряжение и раздражение.

Рэдрик замолчал, видимо перематывая в памяти приготовленное повествование до того момента, когда нужно было рассказывать о Лияре.

- Ее зовут, звали, Лиярвениза Аль Фахрадина... - он заглянул в карточку регистрации в порту, - Саланго, Ар Сияддин - это ученое звание.

- Она - агхабитка? - смутная догадка забрезжила на краешке сознания.

- По рождению да, асахи. А по гражданству, - он снова поглядел в карточку, - Республика Рамбат. Цель прибытия на Саармэ - наука.

Я перевернулся в воде и уцепился за край бассейна.

- Какая наука? Любви? Так она - профессор!

- Нет, мой король, она изучает бабочек, насекомых... Ты ведь бывал в Рамбате? Я слышал, ты учился в молодости там? Знаешь университет в Белизе?

- Да кто его не знает? Военная академия там же.

- Верно... Вот она - преподаватель из этого самого университета, - Рэдрик поглядел снова в карточку и запнулся... - Ты знаешь, сколько ей лет?

- Двадцать-двадцать пять... - выдал я свое предположение.

- Сорок четыре. - Я погрузился с головой... вот-так да... я вынырнул.

- Сильна стала магия лекарей!

Рэдрик усмехнулся.

- Труп я передал Фигуле, они уже копаются в кишочках...

- Замолчи!

- Молчу.

Я задумался над сказанным. Вылез из воды, вытерся и принялся надевать приготовленную чистую одежду - льняную рубаху и штаны. Что мне сказать Рэдрику? Само собой, я должен ему рассказать об отравлении, но не сейчас. Он молча наблюдает за мной.

- Ты неважно выглядишь, Хуор, - сказал он. - Безумные ночи любви должны заряжать энергией и молодостью, а ты словно постарел. Я ж говорю - тебе нужно выспаться.

- На том свете высплюсь, - пошутил я, и, только произнеся фразу, ощутил насколько истинен ее мрачный смысл.

Я поманил Реда за собой и вернулся в кабинет, где уже не отсчитывались дни, оставшейся моей жизни. Мой друг, кажется, не заметил пропажи.

У дверей караульный офицер протянул мне пенал с письмом.

- Корреспонденция, Ваше величество.

Я взял письмо, осмотрел цилиндр, кроме надписи: *Королю Хуору Эленсаару - лично*. Ничего.

- Кто принес?

- Ваш секретарь!

- Позови!

С письмом в руках я прошел к себе. Рэдрик следовал за мной, заглядывая за плечо и изучая его издали.

Я не спешил раскрыть цилиндр, осмотрел его и обнаружил печать отеля. Значит, письмо пришло не почтой.

Вошел секретарь. Парень - лет двадцати. Выпускник Сааремского университета. Когда его направили ко мне, как мне доложили из ректората - парень сильно расстроился. Ничего. Мне лучше видно, что ему нужно. Гениев в экономике и так хватает. Этот нужен мне.

- Кто доставил письмо?

- Рассыльный гостиницы "Фьорд", Ваше величество. - секретарь побледнел. Он всегда бледнеет, когда я к нему обращаюсь.

- Диппочту отправили? - спросил я, чтоб сменить тему.

- Так точно! Рейдер отошел полтора часа назад.

Я взял лист из пачки на столе и написал распоряжение для Фогта Саббата - начальника тайной полиции. Сложив пополам, протянул секретарю.

- Передашь, кому указано, немедленно и лично. Можешь идти, я позову, когда будешь нужен. - Секретарь взял листок, поклонился и ушел.

Я уселся за стол у окна, так что свет шел слева, пригласил Рэдрика занять место напротив. Осторожно вскрыл цилиндр с письмом, вытряхнул скрученные листки, оболочку отдал Рэдрику - изучать, а листки расправил и придавил гранитным пресс-папье.

- Видимо, "Фьорд" это где она остановилась. - Рэд кивнул, - да, так указано в карточке порта.

- Когда она прибыла на остров?

- Вчера утром, на Лидийском транспорте "Хариб". Документы, видимо были в порядке, ее сразу пропустили в город.

Я не читая еще послания, внимательно поглядел на Рэдрика.

- Выходит, дамочка лихая баба... была уверена, что именно вчера встретит меня?

- Не факт...

- Ты веришь, что наша встреча была случайной?

- Ни на минутку... очевидно, что все спланировано, только вот с отравлением у нее ничего не вышло, оттого она и покончила с собой. - Я промолчал.

- Думаю, ее кто-то встречал. - сказал я, - Фьорд и кабак Шхера - на разных концах острова.

- В смысле?

- В прямом. У нее есть информатор на острове. Тот кто встретил ее, и тот, кто точно знал, что я вечером выйду в город. - Теперь Рэдрик уставился на меня.

- Хочешь сказать, что в замке есть предатель?

- Это очевидно. Как она смогла узнать меня? Откуда она знала, что я пойду снимать проститутку именно в этот кабак? Поселилась то она на другом конце города?

Рэдрик пожал плечами.

- Очень притянута, действительно. Не нужно быть звезднорожденным, Хуор, чтобы понять это. Если предположить, что ее встречали, и встречающий знал, что ты пойдешь в город вечером, то почему ее не поселили именно там же?

- Значит, встречавший не знал, куда я пойду. Вот что, Рэд, составь мне список всех, кто был в курсе вчерашней прогулки. - Я поглядел на часы. Десять утра. Еще четыре часа моей жизни улетело. Я поднял распрямившиеся листки.

"Если ты читаешь это письмо, значит, я уже мертва, а ты скоро умрешь следом за мной. План моей матери удался. Ты, конечно забыл о ней. Зачем королю помнить о всяких "букашках"? О девках, которые нужны ему лишь для одного - постельной радости. Понятное дело, ты - звезднорожденный, знающий срок своей смерти. Биологической смерти. Кто моя мать? Одна из 123 выживших в бойне, которую ты устроил пятьдесят пять лет назад во время Асахайской войны. Она поклялась отомстить тебе за все 12000 смертей, за кровь на твоих руках. Однажды она попыталась это сделать, но неудачно, оставив лишь шрам на твоей груди. Она очень хорошо описала тебя - убийца Хуор. За полвека ты нисколько не изменился, и мне не составило труда опознать. Привычки твои тоже не изменились. Ты все также вечерами бродишь по кабакам в поисках развлечений. Найми майора Эленкорта, как тебя называли в Рамбате, или инженера

Эленсаара, как тебя стали называть в Лиде, где ты строил плотину на Пронге... уж тем более императора Хуора первого Эленсаара - было нелегко. Но я нашла. Нашла и отомстила.

Ты, конечно уже отдал помаду для изучения алхимикам, и те лихорадочно ищут противоядие. Напрасный труд. Этот яд сделан специально для звезднорожденных. И теперь ты стареешь, только очень быстро... завтра к вечеру ты превратишься в трухлявый пенек, в импотента, и содохнешь. Твои лекари, вероятно, глумятся над моим трупом... мне все равно. Я уже с мамой, и мы обе счастливы, что ты не доживешь до своего двухсотлетия, что ты не свершишь громады своих планов и, главное - ты умрешь, не оставив наследника! Будь ты проклят!

Лиярвениза аль Фахрадина.

P.S. Да! Одну коробочку этой помады я от твоего имени отправила твоей сестре герцогине Лидийской - Аните-Амра. Путь тебя согревает мысль, что она тоже не доживет до своего двухсотлетия!"

Я положил письмо на стол. Я все вспомнил. Рэдрик, увидав мое лицо, протянул руку за письмом.

- Можно?

- Читай. - Я отдал листки. Рэдрик принял письмо, читал несколько минут, а я уставился слепыми от внезапно набежавших слез глазами в окно... Память моя... идеальная память. Хотел бы забыть - да не забудется.

Пятьдесят пять лет... все было как вчера. 21 год мне, я выпускник Высшей военной школы в Дереторе - пригороде столицы Рамбата - Белиза. Дереторская академия. Курсант Эленкорт - отличник боевой подготовки. Артиллерист. Да, моя военная специальность - артиллерия. Баллисты и катапульты, паровые и пружинные. На сжатом воздухе - самых разных систем. У меня прекрасная память, я произвожу вычисления углов и баллистических траекторий за секунды в уме. Я держу в памяти все данные орудий. Асахайская война. Теория превентивного удара. Небольшой народ Асаха в горах. Независимый и гордый. После заключения договора о разделе мира - Асахай отошел к Рамбату. Они не пожелали покориться. Они объявили, что не станут платить податей неверным. Религиозные фанатики. Они убивали сборщиков, отрезали им головы и отправляли посылки в управление налогов. Они объявили войну республике Рамбат и захватили пять приграничных городов. Это война мышей и кошек. Чего они добивались? Армия Рамбата вышла угомонить распоясавшихся фанатиков.

Лейтенант Эленкорт принял батарею и так хорошо воевал при осаде Фафра, что после разрушения города был вызван в ставку Верховного главнокомандующего, награжден орденом "за Боевые заслуги!" произведен в звание майора и командира артдивизиона, а это 300 орудий и полторы тысячи единиц прислуги. Я получил маленькую армию и предписание передислоцироваться в распоряжение 3 армии.

У меня был порученец из солдат. Смышленный малый шестнадцати лет. Как его звали? Серик... да Серик Оорт. На марше мы шли через перевал, чтоб сократить время на десять дней. Передовой отряд заметил крепость в скалах. Над башней развивался зеленый флаг Асахи. Боевая крепость. Разведанных о ней не было. Секретный объект? Я отправил парламентаров с предложением сдаться. Армия Рамбата теснила противника в долине. На что им надеяться в этом горном гнезде? Парламентары не вернулись. Из-за крепостной стены вылетел мешок с головами. Кроме них там был кусок козьей шкуры с безграмотной надписью: "Вы все умрете нивернай сабаки!" Я отдал приказ атаковать. Орудия расположились полукругом и тремя рядами. Я обстреливал эту крепость день - двенадцать часов, в надежде, что найдется хоть одна трезвая голова, которая спустит боевое знамя и поднимет сигнал о сдаче. Полдня они огрызались. Их снаряды недолетали даже до первой линии моих батарей. От ударов дрожала земля. К вечеру я дал команду прекратить. Серик возбужденно уговаривал отпустить его на переговоры. Меня мучили сомнения. Я собирался послать предложение о сдаче в том же мешке, в котором получил головы моих солдат, а Серик летел к воротам крепости на своей рыжей лошадке. Лошадка вернулась через час, волоча за собой его труп. С этого момента бомбардировка крепости не прекращалась трое суток. И уже когда от нее осталась лишь гора дробленого камня, командиры орудий и вся прислуга пошли на приступ.

Мне хотелось отомстить за Серика... Я ждал, что уцелевшие защитники крепости выйдут в рукопашную... но не вышел никто. Мы принялись разбирать завалы, складывая трупы перед крепостью на лугу. Из взрослых мы насчитали семьдесят четыре старика и пятьдесят старух, семьсот женских трупов, остальные были мальчишки и девчонки не старше тринадцати-четырнадцати лет. Мы нашли уцелевших десяти летних девочек и мальчиков с малышами и младенцами в подвалах, куда добрались к исходу третьих суток. Я этого не видел. Меня связали и положили в обозе, отобрав при этом все ножи. В тот день я плакал первый раз в жизни. Я проклинал себя и войну и Асахских фанатиков... Друзья-офицеры напоили меня вусмерть... трупы закопали, детей обозом отправили в комиссию по перемещенным лицам. Помню, отрезвев немного, я стоял, глядя на повозки с детьми... одна девочка из старших подбежала ко мне, плюнула и что-то гневно кричала, проклиная.

Добравшись до 3-й армии, я подал отчет, следом рапорт об отставке. Меня рвало при одном воспоминании о войне.

Предводители агхаббитов Асахи, узнав о гибели "орлиного гнезда" покончили с собой. Война закончилась. Народу асахи запрещено селиться и создавать места компактного проживания. Им запрещено также отправлять религиозные обряды противоречащие законам республики. Однако, желая видимо сгладить вину перед малым народом, меня судили. Как военного преступника. Приговор прозвучал странно: *"За невыполнение приказа, самовольное вступление в боевые действия без приказа руководства, использование имущества армии Рамбата в личных целях: лишить майора Эленкорта званий и орденов, как опозорившего честь офицера и изгнать из страны"*. Странно, но я к тому моменту уже два года был в отставке. Приговор принял с равнодушием. Уехал в Лиду, куда меня пригласила сестра и там занимался строительством плотин на реках. Строительство и гидротехнические установки - моя гражданская специальность. После работы я традиционно шел в корчму, там обязательно находилась смазливенькая девица не отягощенная моралью. Так прошло одиннадцать лет. От сестры прибыл порученец и привез письмо, в котором сообщалось, что наш брат тяжело болен и мне надлежит немедленно выехать домой. Эрик пятый Эленсаар - император-ученый. Он занимался... черт, я даже не могу толком понять, чем он занимался. Что-то связанное с высокими энергиями и пространством.

Я отправил необходимые письма руководству строительства, и в тот вечер в деревенской корчме встретил чернобровую горянку лет двадцати. Мы пили за мой отъезд. Она танцевала, аккомпанируя себе колокольчиками на ногах и руках, поддерживая ритм ударами в небольшой бубен... она танцевала для меня! Помнится, захмелев, я обнял ее за талию и спросил:

- А со мной станцуешь? Давай, кто кого!?

Она кивнула и потащила за собой в круг между столами. Посетители корчмы хлопали, а мы танцевали. Она крутилась вокруг меня. Это было соревнование, кто истощится скорее? Откуда ей было знать, что звезднорожденные не устают. Мы двужилые, стожилые... и конечно, она повалилась мне на руки, а я, получив награду понес ее к себе в комнату под одобрительный хохот и аплодисменты посетителей корчмы.

Она отдалась добровольно, я бы даже сказал - с удовольствием, и, лежа рядом со мной, она спросила на ломаном лидийском:

- Ты мой замуж?

Я отодвинулся и покачал головой.

- Нет... мне не нужна жена... - я ждал слез. Чего угодно. Но она вдруг взвилась, оседлала меня и чудом я перехватил ее руку с кинжалом, уже рвущем кожу на груди, я откинул ее. А она рычала и шипела:

- Ты умрешь, неверный! Убийца! Ты умрешь, будь прокляты! - Я отобрал у нее кинжал. Кое как перевязался. Собрал вещи и ушел. Через сутки я уже был в порту, а через неделю прибывал на Саармэ.

На месте "Горного гнезда" большая могила. А имя Хуор у народа асахи означает - дьявол. Как мне потом рассказали, у асахи ходит легенда, что демон смерти Шихра вселился в Хуора - меня. Бред.

Значит танцовщица и агхаббитская девочка из крепости - это один человек - мать Лияры? И тут меня словно подбросило. Ну конечно - это она! Рэдрик, положивший письмо на стол, удивленно уставился на меня. Я ничего не успел сказать. Вошел дежурный.

- К вам магистр Фигула и Легир Арахенский, ваше величество!

Вовремя, ничего не скажешь.

- Пропусти! - Я скатал письмо и засунул обратно в пенал. Рэд прочел, о том, что я отравлен. По его поведению, было заметно, что он рвется что-то спросить, но я, глядя на входящих, только приложил палец к губам и качнул головой "не надо".

Магистр Фигула и глава магов Легир, вошли, я указал им на кресла у стола и осведомился:

- Ну, господа специалисты, что вам удалось выяснить?

Фигула взял слово первым, видно, они так заранее уговорились.

- Когда вы, ваше величество, распорядились показать помаду магам, вы были правы. Помада действительно отравлена. О свойствах этого яда уважаемый Легир расскажет лучше меня. - я перевел внимание на мага, но боковым зрением наблюдал за Рэдриком. Тот с момента прочтения письма сделался суетлив, и пока маг не начал докладывать, быстро проговорил:

- Я вас покину ненадолго, ваше величество?

Я кивнул. - Рэд выскочил из кабинета.

Легир разложил перед собой листки.

- Ваше величество, в коробочке с помадой яда как такового - нет. Для простых людей она абсолютно безвредна. Ореховое масло, составляющее основу помады, зачаровано исключительно на кровь звезднорожденных таким образом, что фактор, стабилизирующий процесс старения - разрушается, а само старение многократно ускоряется.

Фигула кивнул, и тут в его глазах загорелось понимание. Я жестом остановил его порыв.

Что ж вот все и подтвердилось. Легир замолчал, глядя на меня. А Фигула, понявший, молчал, как я приказал.

- Да, уважаемые, меня отравили. - я проговорил это спокойно и с некоторой усмешкой.

Только давайте без ненужных эмоций... все слова поберегите для похорон. У меня не так много времени, чтоб тратить его на эмоции. Что вы можете доложить по девушке?

Фигула вышел из ступора и сбивчиво принялся рассказывать:

- Начну с того, что она - звезднорожденная. ее биологический возраст недобирает до физиологического. Состояние ее органов соответствует примерно двадцати пяти - тридцати годам. В крови ее еще сохранились остатки стабилизирующего фактора старения. Фактически она отравлена дважды: ядом из помады и быстрым ядом растительного происхождения - слезики - растение широко распространенное на землях империи. Шарики с этим ядом можно купить на рынке в порту, моряки его используют для травли крыс. - Я кивнул. А Фигула продолжал: - при вскрытии, однако обнаружилось, что девушка тяжело больна. - Я насторожился.

- Поподробнее!

- У нее в очень тяжелой форме развивался рак крови, ваше величество, если б она не отравилась, она умерла бы через пару месяцев. - Я понял. Понял очень многое. Лияра - кукла, марионетка... мой враг дергал ее за невидимые ниточки. Асахи и кровная месть - такой удобный инструмент.

Оба специалиста чуть не хором обратились:

- Ваше величество, позвольте нам попытаться спасти вас?!

Я усмехнулся.

- Валяйте. Что от меня нужно?

- Ваша кровь, - сказал Фигула, доставая из кармана балахона стеклянный цилиндр, в котором каталось несколько прозрачных капель.

Я засучил рукав, скрутив его жгутом, и несколько раз качнул кулаком, протянул алхимику. Он приложил цилиндр крышкой к руке, щелчок - в сосуд ударила тонкая багровая струя, рассыпавшаяся алым бисером по стенкам. Когда сосуд наполнился, еще раз щелкнуло, Фигула положил кровь на стол, осмотрел место инъекции. Там остался маленький кружок от присоски.

- Все нормально, - сказал я, опуская рукав. - колдуйте.

Я позвонил в колокольчик. Вошел дежурный офицер.

- Секретаря, живо! И распорядитесь подготовить мою яхту. - Я поглядел на специалистов. - Магистры Фигула и Легир останутся в замке под домашним арестом. - Те аж подпрыгнули. - До особого распоряжения. - Я их успокоил, - не волнуйтесь, сутки - двое.

Офицер отдал честь и вышел.

- Значит так, господа специалисты, вы знаете больше, чем мне б хотелось. Но в том нет вашей вины. Сможете создать противоядие - честь вам и хвала. А не сможете... - я увидел, как они напряглись, - побудете в замке до моей смерти, я не хочу, чтоб эта информация растеклась по островам.

Маг и алхимик удалились. Вошел секретарь, с ним начальник тайной полиции. Секретарь доложил о нем, я взмахом руки остановил его.

- Сынок, сядь тут, - я указал на еще теплое от зада алхимика кресло. - Если ты думаешь, что у меня ранний склероз, и мне нужно напоминать в каком звании и как зовут начальника тайной стражи, то ты ошибся. - Парень побледнел. Я достал из стола бутылку Салийского два бокала и открывалку. - Займись-ка. - и, пока парень открывал и наливал, обратился к главному контрразведчику империи.

- Что вам удалось выяснить о ней?

Генерал Саббат, а по нему не скажешь что он генерал - очень неприметная скромная личность, не садясь, принялся докладывать:

- Особа, связи и знакомства которой вы поручили нам установить, прибыла на Саармэ вчера в час по полудни, на лидийском транспортном судне "Хариб". Согласно ее документам, она - исследователь насекомых, сотрудник Вализского университета, откомандирована в Саармэ для отлова бабочек на островах Халанского архипелага.

- Посреди учебного года? - засомневался я.

- Я тоже удивился, но как мне объяснили наши специалисты, у этих тварей короткий период вегетации - размножения, они вылупятся из куколок через три дня, неделю будут спариваться, завалят яйцами все острова, после чего разом сдохнут. Трупы и яйца являются частью пищевой цепи, каких-то птиц и рыб... - я кивнул. Все логично. Ученая дамочка едет в мою империю - ловить редких бабочек, останавливается на сутки на моем острове, встречает меня, узнает, травит, травится сама, при этом, будучи смертельно больной, перед тем как встретить меня, пишет и оставляет письмо на мое имя, с точным указанием утром отправить его во дворец. Что-то во всей этой истории не укладывается. Хорошо, она живет - не тужит у себя в Рамбате, ее фанатичная мамаша накрутила ей мозги насчет кровной мести, но она не торопится ее исполнять, пока... пока не узнала, что сама смертельно больна? Или у нее не было яда? Или вообще что? А, может быть, у нее не было плана... У меня сложилось стойкое ощущение, что ее будто вели за руку. В таком случае - кто вел?

- Хорошо. Дальше? - я взял один бокал поставил его перед генералом, жестом пригласил его сесть. - с кем она встречалась?

Генерал взял бокал, не садясь, поднес к губам.

- Офицеры пьют стоя! За здоровье вашего величества!

- Тогда и я встану, - сказал я, поднимая бокал, - Замечательный тост.

Мы отпили по полбокала. Генерал, наконец, сел.

- Официально ни с кем. Но один из наших общих знакомых оказывался в тех же местах, где была она.

- Хорошо, Саббат, и кто же он?

Генерал положил передо мной листок со списком. Я пробежался по именам, должностям, уперся взглядом в знакомое имя обведенное в рамочку.

- Уверен?

- Так точно, ваше величество, имеются свидетели, рапорта.

- А подробнее?

- Он был в порту во время прибытия транспорта, мы его не допрашивали пока (я вздохнул), потом он около часа что-то искал на рынке, как мы выяснили - купил кое-какие украшения, якобы для любовницы, коробку крысиного яда - на соке слезвики. Она остановилась в гостинице "Фьорд", он тоже там был. Второй раз он зашел в отел Фьорд вечером. Сидел в харчевне. Она там ужинала. После чего она вышла в город и в кабачке "Шхера" встретилась с высоким мужчиной, снявшем номер в отеле "Саармэ" под именем капитана Эленкорта.

Я кашлянул и перевел тему опять на вероятного шпиона: Саббат сейчас обескуражен. Не надо его недооценивать. Сейчас он Лияру считает моим агентом, который помог мне найти резидента в замке. Пусть так и считает.

- Надеюсь, вы не делали обыска в его апартаментах? - генерал отвел глаза. - Я был о вас лучшего мнения, Саббат.

- Все сделали очень аккуратно, ваше величество. Мы б не решились без вашего распоряжения, но приобретение им яда насторожило. Кстати, по результатам осмотра выяснились любопытные вещи.

Секретарь мой заскучал. Я остановил жестом Саббата, на листочке написал записку, протянул ее секретарю.

- Держи. У пятого пирса стоит моя яхта. Лети стрелой. Яхта тебя доставит на Раавен, записку отдай матери. Дальше следуй ее указаниям. Ты меня понял? - секретарь снова побледнел, кивнул, но тут же исправился, вскочив смирно, отрапортовал:

- Так точно, понял, ваше величество. Разрешите выполнять?

- Давай! Только помни, задание особой важности и очень секретное.

Секретарь, преисполненный осознанием важности своей миссии, убежал выполнять.

- Продолжим, Саббат. Какие же вещи выяснились?

- На входной двери были установлены так называемые "флажки", вы знаете, что это? - генерал собрался мне объяснять, я махнул рукой. - тайные метки, оставляемые жильцом - никакой магии, но ясно показывают - были ли незваные гости в доме.

- Знаю. "Флажки" законом не запрещены. Что дальше?

- Не запрещены, да, но сам факт подозрителен. Три флажка на входе. Внутренние двери тоже помечены. В прихожей установлена любопытная штука - счетчик незнакомцев.

- То есть?

- Да, такая вот коробочка с цифрами, как только новый человек входит в дом делает плюс один.

- И где он ее взял?

- Как мы узнали, эти счетчики были заказаны сетью магазинов с простой целью - считать посетителей. Выпускают их мастерские при академии магов. Студенты подрабатывают.

- Опять все - легитимно. Но вас то он сосчитал! Как же выкрутились?

Генерал смущенно улыбнулся.

- Да, в общем, просто. Купили точно такую же, поставили на входе на КПП гарнизона замка и прогнали три роты. Как только число сравнялось с нужным, установили в его прихожей.

Я кивнул, улыбнувшись. Самое простое решение - самое верное.

- Это все странности?

- Нет. Мы нашли у него шифровальную доску. - Я знаю такие штуки. Шифровальная доска относится к изобретению магов Рамбата. Когда я учился в академии и служил в их армии, мы широко пользовались ими. Накладываешь на доску лист, пишешь донесение, потом на краю доски выставляешь ключ - текст на листе меняется на зашифрованный. Прочесть можно на такой же доске, если знаешь ключ. Расколоть такую шифровку без магии невозможно. На взлом дается одна попытка. Если не удалось прочесть - все. Даже доска не поможет - шифровка просто уничтожается в труху.

- А вот это уже улика! - я оживился. - Надеюсь, вы не наследили?

- Мы очень старались, ваше величество.

Я позвонил в колокольчик и снова явился дежурный офицер.

- Министра обороны - немедленно! Саббат, срочно закрыть порты империи по категории "три". Начаты полномасштабные учения в шести флотах. Готовьте приказы по своему ведомству. Предупредите резидентуру в Рамбате, Харзе, Гернизе... активируйте точки выхода десанта в Дереторе. Этого говнюка сразу не берите, пускай подергается и накосячит... Главное, не дайте ему покончить с собой. Он много знает. И должен все рассказать. - Я в бешенстве. Но не зол. Это рабочее состояние холодного рассудка. Если б мне сейчас дали возможность стереть с лица земли Рамбат, я делал бы это медленно... Ничего, они еще попляшут.

Генерала сдуло с места.

Дежурный вернулся, убрал бокалы и бутылку, протер стол. Я ему сказал:

- Экстренное совещание совета министров сегодня на пять вечера. Оповестить всех. - Он отдал честь и вышел.

Явился министр обороны.

- Добрый день, Ваше величество! - адмирал Мирель Параведра. Мирель - имя и мужское и женское одновременно. И моего министра это конфузит.

- Здравствуйте, адмирал.

- Что-то случилось?

- Пока нет, адмирал, если б случилось, вы б получили приказ о мобилизации. - Это я так шучу. Адмирал оценил, улыбнулся.

- Но ведь есть причина для столь неотложного вызова, ваше величество?

- Да, адмирал. Есть. Вам надлежит разослать флотам приказы...

- Я внимательно слушаю. - Параведра достал блокнот и приготовился записать. А я подошел к большой карте мира, раздвинул шторы и принялся указкой передвигать кораблики по морям.

- Первому и третьему флотам - блокировать подходы к империи в проливах. Проверьте и проведите суточные учения с фортами. Четвертому флоту подойти к территориальным водам Рамбата, но не пересекать черту. Ждать приказа. Пятому флоту занять оборону у Лиды. Держать воздух. Летающие шары есть не только у нас. Привлеките магов с военной кафедры академии. На трое суток перекрыть внутренние моря. Рыбакам сообщите - будет выдана компенсация за причиненный ущерб. - указка уперлась в небольшую островную группу на юге. - И еще адмирал - архипелаг Раавен - это особая зона. Беспрепятственно может туда или оттуда ходить только моя яхта. Все понятно?

- Так точно, ваше величество. - адмирал озадачился, но виду не показал, как его удивил мой приказ. - Вы можете объяснить?

- Дорогой мой адмирал. - я закрыл карту, подошел и обнял за плечи верного служаку, - в свое время. Сейчас - не могу. Выполните приказ. Да, и флотам передайте: в бой без крайней нужды не вступать, только в случае нападения. На провокации не реагировать. - у адмирала волосы поднялись. - Наша задача - не допустить войны.

- Но кто вероятный противник?

- Я полагаю, что попытается вмешаться в наши внутренние дела республика Рамбат. Выполняйте, адмирал. Через сутки вам все будет объяснено. А пока - начните учения так, как если б началось вторжение...

***

Двадцать один год назад я занимался составлением карты империи. Дело в том, что она насчитывает до двух тысяч островов, более менее пригодных для жилья, и почти столько же непригодных. За три с половиной тысячи лет существования династии звезднорожденных, карта империи расширяется, на нее наносятся новые объекты. Каждый новый император считал своим долгом открывать и присоединять к владениям новые острова. Я сумел переплюнуть всех. Жизнь не стоит на месте, наука - тоже. Каждый раз на коронации уже тысячи лет в империи проводится фестиваль. И каждый год в небо над островами взмывают легкие бумажные шары со свечой внутри. Феерическое зрелище. Все запускают, клеют, запускают... и вот я возвращаюсь на Саармэ. Брат Эрик, исхудавший и облысевший назначает меня преемником, еще до его смерти проходит коронация, я - император... и ночью с городской площади Саармэ взмывают светящиеся шары. Я повернулся к сидящему в кресле Эрику и спросил:

- А почему они поднимаются? - хотя ответ уже родился в моем мозгу.

- Теплый воздух стремится вверх, - сказал Эрик, - а внутри свеча... вот и взлетает. - Он произнес это, и мы поглядели друг на друга и поняли мысль посетившую нас. - Только не лезь туда сам, - сказал Эрик, потому что ненужных слов мы не говорили... - пошли солдата.

Это не в правилах Эленсааров. Через месяц, во дворе замка я испытал первый шар, поднявшийся на триста метров (сколько каната хватило) подогреваемый жаровней с углем. Шар поднял почти полтонны груза. Дальше все было как обычно. Через год воздушные шары выпускались на фабрике, использовались и в армии и для снятия планов. А спустя три года появились сигарообразные шары с гребными как у кораблей винтами и паровыми двигателями.

На одном пустынном островке картографы обнаружили развалины. В архив ушли тонны отчетов, рисунков, чертежей. Островок с развалинами оказался стратегически выгодной позицией для строительства военной базы и порта. Но не успел я издать указ о строительстве, как ко мне примчались археологи и завопили, что там уникальные памятники древнейшей культуры, и ост-

ров надо объявить заповедником. Я - человек считающий себя культурным, хоть и король. Я понимаю, что такое исторические ценности. Я выбрал другой остров в пределах видимости этого. Но про развалины не забыл. Тем более, что в архивах нашел упоминание и об этом островке и о строении на нем. Пока шло строительство порта и базы, я несколько раз навещался с инспекцией. По моим данным, археологи, несмотря на громкие вопли о ценности строений, так до них не добрались. И я решил стать первым, кто посетит заповедный островок.

Четверо матросов, лодка, спокойное море... плеск весел, легкие брызги и вот уже днище скребет по песку. Мы вышли на берег, выволокли лодку и пошли по острову. От бухты берег круто взял вверх, поднимаясь, я увидел, что остров с трех сторон окружен манграми, одна бухточка и скалы. Я поднимался все выше, забыв о сопровождающих матросах, бедняги устали, пока гребли, а уж лезть за мной на плато им было совсем нелегко. Поднявшись я увидел развалины. Когда-то это было величественное строение - ступенчатая пирамида, будто расколота надвое точно посередине высотой порядка ста метров. Однако, уцелела только одна половина, вторая, обращенная к морю больше подверглась влиянию ветра и песка. Больше всего мне хотелось увидеть остров сверху, и я принялся подниматься по метровым ступеням уцелевшей части пирамиды. Почти добравшись до самого верха, я оглянулся, увидел, как на плато к пирамиде выбираются мои матросы, что на противоположном берегу имеется печаный пляж, на котором валялась доска с парусом... кто бы мог быть? Потом взгляд мой сместился на сухую каменистую площадку у пирамиды и я увидел, что из черной тени в щели между половинами пирамиды выбегают странные существа, что-то среднее между обезьянами и лягушками. Я не слышал звуков, ветер дул от меня, но я видел, как падали матросы, пораженные стрелами или еще чем-то. Пришельцы увидели меня и полезли вверх. Восемь. Их тела в солнечных лучах отливали металлическим серо-зеленым блеском. Выпученные глаза сверкали, а в плоских безгубых ртах они держали кривые ножи. Пока передние лезли, зажав в зубах клинки, задние поднявшись на пару ступеней, подняли что-то напоминающее арбалеты, и выстрелили... порыв ветра уберег меня от стрел. Я отламывал куски кладки и швырял в ползущих тварей. Краем глаза заметил внизу что-то огненное. Швыряя очередную глыбу в лезущих тварей, я увидел, как к подножию вышла фигура явно женская на голове которой полыхал огненный куст. Их предводительница? Эта мысль исчезла сразу, как только девушка вскинула руки и с них слетели синие молнии, ударившие в верхних тварей, те дико заорали, из их ушей и ртов повалил дым, и они прямо на моих глазах принялись разваливаться, а ветер уносил пепел. Молнии ветвились, и все больше тварей сгорало. Наконец, последняя исчезла. А я принялся спускаться вниз, не сводя глаз с девушки.

Это было еще то чудо. В облегающих штанах из змеиной кожи, держащихся на бедрах, талия, толщиной с мой бицепс, и топ из змеиной же шкуры, готовый лопнуть. Зеленющие глаза и огненная грива. Лет ей от восемнадцати до двадцати. Она нахально рассматривала меня, а потом спросила.

- И какого дьявола вы туда полезли? Что вы вообще тут делаете?

Я развел руками и объяснил.

- Так, мы тут строим неподалеку, вот... приплыли посмотреть - что здесь? А вы - кто?

Она продолжала смотреть на тупицу-строителя, потом с небольшой долей презрения - самую чуточку, что б я понимал кто есть кто, сказала:

- А я тут практикуюсь в магии. Учусь в академии. - Интерес ко мне погас окончательно. Но я настоял.

- А поподробнее?! Как зовут? Кто родители?

- А кто вы такой, чтоб задавать такие вопросы? - рыжая направилась к телам моих матросов.

- Скромный строитель, спасенный могущественной волшебницей от злобных тварей. Кстати - откуда они повылазили? - она снова посмотрела на меня, Я обошел ее и принялся осматривать матросов. Убиты все. - Помоги мне. - я перешел на ты. - нужно спустить и погрузить тела в лодку.

- Я устала, - заявило рыжее создание.

Тогда я сложил тела в тени, и повел ее за собой. Пока я греб к острову, где шло строительство, она смотрела на воду.

Я снова спросил:

- Так откуда взялись те твари? Чего они от меня хотели?

Она пожалала шелушащимися от загара плечиками и ответила:

- Я не знаю, похоже, там портал в другой мир. Я второй раз на этом острове. Сама удивляюсь.

Ее звали Сиби - Сибилла Траален. Она была студенткой академии, училась на отделении тепловых процессов, в просторечии называемом "магией огня". У нее еще с младенчества обнаружилось способности к пирокинезу. Ее родитель управляющий всей группой Раавенского архипелага - губернатор. Девочка сильно удивилась в первый раз, когда на причале, раскрылось кто я. Она жутко засмушалась. Второй раз, - когда я издал указ "за особые заслуги перед империей" присвоить Раавенскому архипелагу статус герцогства, и передать эти земли в пожизненное владение Сибилле Траален. Так юная магичка стала герцогиней Раавенской.

Развалины оказались вратами. Из летописей выяснилось, что таких врат в мире всего пять. И именно из этих пришли звезднорожденные, основавшие островную империю Эленсааров. Тысячи лет врата считались неактивными. И вот, упражнения юной магички снова оживили их. Это судьба. А я верю в судьбу. У врат был оборудован пост из военных и магов. Запечатать их больше не удавалось и периодически из черной щели на остров выходили самые разнообразные существа. Те, что проявляли дружелюбие оставались на острове, агрессивные - уничтожались. За двадцать лет остров с вратами сильно изменился. Его окружили насыпные острова, Организован гарнизон и карантинная служба. Я настрого запретил мои магам самим соваться туда.

***

Я устал. Разговоры и раздумия. Нервное напряжение - все это изрядно утомило меня. Я распорядился закрыть прием для всех кроме секретаря до пяти вечера. Поел немного и лег спать прямо в кабинете на диванчике. Отрава действовала, и я это чувствовал. Слабость накатывала порциями. Хотелось спать, но сон не шел.

Около сорока лет я правлю империей, что создавали мои предки, отец, брат... И все они доживали до срока. Брат первым нарушил этот порядок, умирая на сто сороковом году. Все Эленсаары - ученые. Такова традиция. Брат посвятил себя империи и изучению мгновенных перемещений. Это его и сгубило. Он ведь не случайно, заметив мою мысль о воздушном шаре, сказал - солдата пошли. Сам он никого не посылал, все испытывал на себе. Благодаря его изобретению, между крупными островами существует сеть "дверей" - официально, а секретно двери выведены во все посольства моей Империи в Мире. В случае необходимости могу хоть армию перебросить. И все благодаря - Эрику! А я... я - запасной вариант. Императоры оставляют потомство и, как правило, двух мальчиков: один наследник престола, второй - запасной вариант. Младшие братья находили себя в науках и ремеслах, управляли землями или искали приключения. Так и я в шестнадцать лет уехал в Рамбат, под именем Эленкорта поступил в военную академию... но война и военная служба не принесли мне радости. Намного приятнее было строить плотины и турбоприводы для фабрик и заводов в герцогстве Лида. Каждый звезднорожденный оставляет о себе память в мире. Мое правление за сорок лет привело к созданию мощнейшей морской армии и торгового флота. На треть увеличилось и население и площадь империи. А главное, именно мои корабли первыми отказались от парусов и перешли на силу пара... Так исторически сложилось, что в империи не было рабства, как на материках. Не было и демократии. Неписанный закон кастового деления на социальные слои. Звезднорожденные правят. Высшее сословие - это ученые, маги, чиновники и военные, среднее - это торговые люди, крестьяне, рыбаки и ремесленники, и низшее - всякие бездельники: артисты, писатели, журналисты, поэты, нищие... то есть люди - живущие за счет других, развлекающие, или в виду отсутствия талантов - обычные попрошайки.

При Эрике были заложены, и при мне уже начали работать три Академии, пять университетов, масса школ и специальные учебные заведения. Я успел провести учебную и социальную реформу, согласно которой любой человек может обратиться и сменить кастовую принадлежность. Это происходит со студентами, курсантами. В семьях среднего сословья нередки случаи появления детей, достигших высшего уровня. Родители счастливы и гордятся. Нет, все-таки я неплохой король. Я хочу, чтоб меня любили... Не боялись, не ненавидели - а любили.

Третий раз Сиби удивилась, когда я появился в ее доме на острове Тесла, где расположена крупнейшая академия магов. Она еще не отошла от свалившейся на нее "радости" с титулом, поэтому приняла меня не очень приветливо. Мы говорили тет-а-тет, и заключили деловое соглашение, подписанное нами обоими и не требующего заверения стряпчим, так как мы оба землевладельцы. И мы оба выполнили договоренность.

Лияра - моя дочь. Я это понял, когда Редрик сообщил о ее возрасте. Доклад мага и алхимика утвердил меня в этой догадке. Вспоминаю прошедшую ночь и уже ничего не чувствую. Правда, стыда или вины нет. Что случилось, то случилось. Похоже, Лияра тоже не знала, что я ее отец. Фанатичная асахайка внушала ей мысль о кровной мести, естественно не раскрывая, что ее кровник - отец.

Заболела спина. Несильно заныла. Я поворочался на диванчике, устраиваясь удобнее. Нет худа без добра. Отравление короля привело к раскрытию шпиона Рамбата. Он пока не знает, о том, что раскрыт. Это можно использовать. Вызвать генерала Саббата? Нет, пожалуй, сейчас мне нужна Сиби... я хочу ее увидеть.

Отворилась дверь, вошел дежурный.

- Прибыл ваш секретарь и герцогиня Раавенская, ваше величество.

Я поднялся, вдруг ощутив налившиеся свинцом мышцы, суставы отозвались тягучей болью. Как это ужасно - стареть.

- Проводи их в зал для приемов, найди Рэдрика, Саббата, скажи, что я их жду. - Я принялся переодеваться в королевские одежды. Все согласно этикету. Лакеев не люблю. Не привык. Дежурный вышел, я через приоткрытую дверь слышал, как отправил вестовых. Сам же вернулся и помог мне закончить наряжание. Я принял у него символ власти - золотую цепь с гербом Эленсааров, надел на шею. Очень символично. Почти двухкилограммовая обуза легла на мои плечи. Я подошел к зеркалу. Уже около шестидесяти. Разрушен фактор стабилизации старения. Я усмехнулся.

Я всегда хорошо играл в шахматы по памяти. Обойти меня в прогнозировании ходов? Это сложно. На что рассчитывали интриганы Рамбата, подсылая Лияру? Внезапная смерть императора вызовет хаос? Возможно. Да я ей памятник поставлю, моей дочке, Лияре... ее гордыня разрушила все планы Рамбата. Зачем им хаос в империи? У этих республиканцев есть особенность, они искренне верят, что тот образ жизни и общественного уклада - лучший и единственно правильный. Их до усрачки пугает факт, что империя Эленсааров владычица морей. Раз силен - значит опасен. Им не удалось перевербовать меня пока я учился у них и служил. Теперь, когда империя могущественна и независима - они напуганы. А со страху легко наделать глупостей.

Вошел Редрик, он не может смотреть на меня. Я видимо резко повернулся, сразу прострелило в спине, на мгновение перехватило дыхание.

- Рэд, давай без соплей. - Он кивнул, пальцами промокнул внезапно покрасневшие глаза. - Я тебя кое с кем познакомлю.

Редрик кивнул.

- А что говорят лекари?

- Ничего не говорят, ищут.

- Может, кинуть клич по островам?

- Ага и создать панику. Рэд, король перед смертью обязан объявить преемника. И я это сделаю. - в глазах его промелькнуло беспокойство.

- Но кто?

- Узнаешь, - я пошел к залу для приемов. Рэд пошел впереди - отворить двери.

- Я полагал, что знаю о тебе все.

- Это иллюзия, дружище. Всего обо мне не знает никто. Иначе б я не был звезднорожденным. - кажется, я его немного обидел. Но плевать. Сейчас мне плевать.

Мажордом объявил о моем входе в зал. Золотой герб согнул мою шею. Я постарался развернуть плечи. Все-таки я вышел к женщине.

Она ничуть не изменилась, разве что огненные волосы ее уложены, да одета согласно этикету. И он ее томит, также как меня. Рэд идет рядом со мной. Он знает герцогиню Раавенскую Сибиллу, он знает ее и как ректора Раавенской академии, и как начальницу охранного гарнизона у звездных врат. Сейчас он узнает ее еще больше.

Сиби отпустила руку моего секретаря. Мальчик опять побледнел, он стоял, пока его мать выполняла предписанные этикетом правила и приветствовала императора.

Я обнял ее. Сиби привычно дернула головкой. Она никогда не любила нежностей от мужчин. Но сдержалась и даже ответила на поцелуй. Я взял ее под руку и развернулся к Рэдрику.

- Позволь представить тебе, дорогой мой друг, мою жену - Сибиллу и моего сына - Эрика, наследного принца, герцога Раавенского. Секретарь покраснел и встал рядом с матерью. Рэдрик от удивления онемел. - Я же говорил, что всего обо мне не знает никто. - Я протянул руку и привлек к себе Эрика. - Я вижу твоё удивление, дружище... представь себе удивление совета министров через... - я поглядел на часы, - пятнадцать минут. Мажордом понял мой намек, вышел, вернулся через пару минут, этого времени как раз хватило Рэдрику на то, что б поздравить Сиби и Эрика.

- Совет министров в полном составе ждет императора! - объявил мажордом.

Повторилась реакция Рэдрика умноженная на пятнадцать. Вышли Фигула и Легир, авторитетно доложили, что болезнь, поразившая императора, не поддается исцелению. И я объявил своим наследником Эрика Эленсаара, назначив коронацию на завтра на утро.

Саббат в зале совета арестовал помощника министра обороны, начальника дворцовой охраны, обвинив его в шпионаже в пользу Рамбата. Вызвали посланника республики и вручили ему ноту протеста. Я во всем этом уже не принимал участия. Ужинал с семьей. Сиби, всегда очень сдержанная на эмоции, вдруг захлюпала носом. Эрик ее утешал, а я сидел за столом, ждал пока они успокоятся.

Рэдрик готовил коронацию. Новость летела по островам. Неожиданное событие. Все знают, что на их века моего правления хватит, и вдруг вот - те на! Не судьба.

До утра Эрик писал под мою диктовку, все, что я не успел завершить. Моя ясная голова еще соображала. Пока соображала. На рассвете я устал и отключился. Проснулся через два часа. Сна не было. Пришли маг с алхимиком.

- Выпейте, ваше величество, это вас поддержит. - я выпил. Да, взбодрило. Значит, противоядия не нашли. Пришел Рэдрик. Помочь мне одеться. Я спросил:

- А где тело той девушки? Лияры?

- Мы собирались его отправить на родину. Она - подданная Рамбата.

- Гражданка, - поправил алхимика Рэдрик. - в Рамбате нет подданных.

- Ну да.

- Лияру захоронить здесь. С почестями. - Я остановил Редрика, который хотел что-то возразить. - Ни о каком отравлении чтоб не заикались. Она оказала мне большую услугу, сообщив дату смерти. Вину за отравление, свалите на шпиона, я доверял ему, он вполне мог это сделать. Это будет хорошей шпилькой Рамбату. - одевание закончилось. - и поводом к обвинению во вмешательстве в наши внутренние дела. Мы оторвем у них кусок территории. Чтоб не повадно было впредь императоров травить..

Объявили коронацию. Почетный караул. Два почетных караула, мой и Эрика. Гимн Эленсааров. Эрик подошел ко мне и опустился на колени, я снял с себя символ власти - герб Империи и возложил его на сына. Эрик шестой Эленсаар ощутил на своих плечах тяжесть золота, символизирующую тяжесть ответственности за страну.

- Храни страну и традиции звезднорожденных, сынок. - Сказал я негромко, лично ему. Он закусил губу, как всегда побледнел и кивнул, произнеся охрипшим от волнения баском:

- Клянусь, отец...

Как и положено, он объявил амнистию, день коронации - праздничным днем. Эпоха Хуора Эленсаара уходит в архивы.

Я вернулся к себе, слабость накатывала все сильнее. Появилась трясучка в руках. Я вспомнил, что Лияра отправила яд и сестре, но предупредить ее вряд ли успею. Однако, нужно попытаться. Я вызвал дежурного.

- Позовите ко мне Сиби... герцогиню Раавенскую.

Она пришла быстро. Я обрисовал ей ситуацию. Она ненадолго задумалась, вызвала дежурного и дала ему мою записку для Аниты.

- Сиби, Анита не глупая, она хорошо меня знает, что последнее, что я ей бы послал - так это косметику. Но вас женщин предсказать невозможно. Надо ее предупредить... да времени мало.

- Не волнуйся Хуор. Твоя воздушная кавалерия - великое открытие в империи. В моем гарнизоне есть парочка толковых магов, они доберутся до Лиды за сутки. Если Анита не пользовалась помадой, они ее предупредят.

Я успокоился. Я хочу покоя. Я устал жить.

Я лежу в темноте. Нет, кругом светло, но глаза мои потухли. И слух доносил лишь равномерный гул невнятных голосов. Где в сумерках идут приготовления к запуску бумажных шаров со свечой внутри. Я уже ничего не могу сказать. Мое сердце отсчитывает последние минуты жизни.

В ночное небо взмывают светящиеся шары, тысячи и тысячи поднимаются все выше и выше к звездам, славя нового императора.

Мое сердце остановилось.

ЕВГЕНИЙ ГИРНЫЙ

Как солдат три раза ходил к Вратам Смерти

Я хочу рассказать, как я трижды ходил к Воротам Смерти и трижды возвращался в этот мир. Думаю, четвертый раз будет последним. Эти записки я оставлю своему старинному другу – вампиру и библиотекарю с планеты Трансильвания Франтишеку Пиште. Как существам бессмертным эти записки особенно интересны вампирам. Пишта клятвенно поклялся мне, что напечатает мой труд на лучшей бумаге, какую только можно найти в Трансильвании, на печатном дворе господина Дракуля, и разошлет экземпляры этой книги по другим планетам, где проживают обычные смертные. Не то, чтобы я искал популярности и славы сочинителя, но я никогда не слышал истории, подобной моей. Было бы просто некрасиво унести в могилу столь интересные сведения о мире по ту сторону этой самой могильной плиты. Поэтому, подбодрив себя рюмкой красного вина и жареным хлебцем, я беру перо, окунаю его в чернильницу и приступаю к повествованию...

В первый раз я был убит в незначительной стычке передовой заставы непобедимого войска Искандера Краснобородого с отрядом диких кочевников, не признающих никаких правил ведения цивилизованной войны, а потому позволяющих себе такое вопиющее нарушение вышеуказанных правил как сражение верхом на верблюдах. Эти стремительные в своих движениях животные свирепы не менее своих хозяев. Их шкура, состоящая из роговых пластин, жестких как панцирь, надежно защищает их от дротиков и стрел. Только тяжелые мечи рыцарей способны сокрушить эту шкуру и проникнуть до их трехкамерного сердца. Если эта зверюга войдет в раж, она даже способна выдохнуть огонь, хотя я сам этого не видел. Впрочем, я вообще мало что успел увидеть в том походе. Это было, кажется, на планете Возрожденного Света, как называли ее историографы Искандера Краснобородого. Бедуины, населяющие пустыню, которую они с большой фантазией называли Пески и которая занимала почти половину всей суши планеты, именовали эту планету то ли Верблюжьим Пометом, то ли Почечным Камнем Желтого Дива, божества с плоским задом, чтобы равнять пески, и длинным твердым фаллосом, чтобы делать им колодцы в редких, но изумительных по красоте оазисах. Я был всего лишь странствующим наемником с собственным арбалетом и нагрудником из кожи кракена, подаренным мне когда-то одной русалкой на планете... Черт, забыл! Ну, да ладно. Когда всю жизнь болтаешься от портала к portalу, с планеты на планету, можно забыть даже свой размер обуви, а не только названия планет, большей частью вообще труднопроизносимых. В тот роковой вечер наша застава обосновалась на вершине большой песчаной дюны. Пески потихоньку начинали петь свою вечернюю, тоскливую как старая шляха, песню, которая стихнет лишь за полночь, когда космический холод пробьется сквозь остывшую атмосферу до самой земли. Тогда мы еще не знали, что при соответствующем ветре дюны способны стремительно передвигаться по пустыне, подобно морским волнам. Когда поднялся ветер, мы поспешили прикрыть спины щитами, а головы накидками. Мы не почувствовали дви-

жение дюны и не заметили его, потому что дюны впереди двигались с той же скоростью и в том же направлении. Пока основной лагерь войска боролся с перекатывающими через него барханами, мы скользили вперед на вершине такого бархана, даже не подозревая об этом. В результате мы в прямом смысле слова свалились на головы кочевников, устроивших привал возле древнего, как сам Желтый Див, мавзолея. Бой был жарким и коротким. Песчаная пыль кружилась в воздухе, из песчаных вихрей выскакивали обезумевшие от ярости и ветра верблюды, теньями скользили закутанные в белые балахоны кочевники. На какое-то мгновение я очутился перед черным провалом входа в мавзолей и оттуда на меня глянули три пылающих огнем глаза, каждый величиной с круглый щит. Не помню, успел ли я выстрелить хоть раз, когда сильный удар по затылку (верблюд лягнул, что ли?) погасил мое сознание, как огонек свечи...

Я распахнул свои горячие от боли глаза прямо в холодное звездное небо. Некоторое время я умиротворенно созерцал эту красоту, пока воспоминание о бедуинах не проникло в мой мозг пением сигнального рожка. Я медленно приподнялся на локте, готовый к тому, чтобы упасть и притвориться мертвым в случае тревоги. Но зрелище, открывшееся моему взору было настолько странным, что я тут же забыл и о бедуинах, и о головной боли. Я лежал на некоей тропе из серебряного песка. Но главная странность была в том, что эта тропа не лежала на твердой земле, как и положено тропам, хотя бы и серебряным, но тянулась извилистой лентой сквозь космическое пространство. И слева от тропы, и справа, и над ней, и под ней не было ничего, кроме черной пустоты, полной звезд и комет. У меня не хватило духу встать на ноги, голова тут же шла кругом при мысли о том, что я свалюсь с тропы и буду вечность падать в никуда, пока через десять тысяч лет мое иссохшее от тоски и недоедания тело не притянет к себе какая-нибудь косматая звезда и не поглотит его. На тропе действовала вполне нормальная сила притяжения и я обратил внимание, что если я буду двигаться в том направлении, куда повернута моя голова, то буду двигаться вверх. Подумав и посоветовавшись с инстинктом наемника, я пришел к решению двигаться именно вверх. Серебряная пыль была мягкой и теплой и я полз на четвереньках довольно резво. Не знаю сколько я полз, но после некоторого числа вечностей тропа вдруг расширилась и закончилась широкой площадкой, тоже висящей в межзвездном пространстве подобно сцене греческого театра. Я поднялся на ноги и гордо выпрямился. Если уж мне суждено разыграть шута перед жаждущими зрелищ богами, то я, по крайней мере, сделаю это с достоинством наемного воина. Аплодисментов и тухлых яиц не последовало. Отравленных стрел и верблюжьих копыт тоже. Несколько воспрянув духом, я стал оглядываться. Прямо передо мной на площадке во всю ширину возвышалась изящная арка, по виду из слоновой кости, вся покрытая мелкой резьбой. На внутренней поверхности арки торчали массивные петли для ворот из блестящего металла. Самих ворот не было. За аркой тоже не было ничего, даже звезд. Просто густая непроницаемая тьма, словно бархатный занавес. Слева от арки стоял маленький домик из обожженного кирпича с какой-то кривой железной трубой. Из трубы валил дым и взлетали к небу искры. Не зная, что и думать, я подошел к домику и, найдя приземистую дубовую дверь, вошел. Это была кузница, поражающая только своей крохотностью. Маленький горн, маленькие меха, небольшая наковальня и сам кузнец в половину человеческого роста. Если это был гном, то это был какой-то странный гном – без бороды и без напоминающего печеное яблоко носа. Данных гномьих атрибутов у него и не могло быть по той простой причине, что на бычьей морде борода не растет, и уж тем более не бывает яблочного носа. А для минотавра он был слишком крохотен, вот с тем и возьми его! Кузнец что-то довольно мычал себе в нос и лихо стучал молотом по раскаленной докрасна металлической полосе. Я уже настолько свыкся со странностями данного места, что совсем не удивился, заметив, что тень хозяина кузни гоняет лодыря в то время, когда сам хозяин трудится в поте бычьей морды. Она, его тень, развлекалась тем, что плясала джигу, играя на тени флейты, и время от времени размахивала тенью шляпы. Над наковальней была прибита большая подкова, светившаяся уже знакомым мягким серебристым сиянием. Неожиданно кузнец поднял свою рогатую голову и уставился на меня.

- А чтоб ни дна вам, ни покрывки, волкам суицидальным! – воскликнул он, в раздражении швыряя молот на наковальню, отчего сноп искр на мгновение осветил темное помещение. – Ну, что вам не живется в мире живых? Какое проклятие влечет людей к смерти до срока? Чем вас ма-

нит к себе холод могилы и беспредельного одиночества? Неужто нельзя было дожидаться, пока я закончу ворота?

- Прошу простить меня, господин, - склонился я в поклоне. – Но поверьте слову солдата, я очутился здесь совсем не по своей воле. Такова наша солдатская судьба, кривая с косою не особенно спрашивает нашего мнения.

- А... гм-м... хр-бр... - сердито забормотал про себя кузнец, а потом неожиданно весело произнес:

- Ну, коли так, то, думаю, не грех сделать небольшой перерыв и похвастаться уже сделанным. Идемте!

Он вытеснил меня за дверь, но я успел заметить как его тень обернулась серой мышкой и скрылась под лавкой. Мы вышли на площадку и мастер подвел меня к арке.

- Видишь эти петли? – самодовольно сказал он, указывая на них рукой. – Настоящая углеродистая сталь! Можешь быть уверен, когда я в свое время запру эти ворота за твоей спиной, никакой некромант, никакой некромаг не сможет сломать их. Мой молот и моя честь порукой тому, что вы сможете там, за воротами, вкушать вечный покой или вечное блаженство без вмешательства посторонних и порой достаточно зловредных сил. Но только при том условии, что вы не будете закатывать истерик и рваться туда до срока. Если ворота останутся открытыми, недоконченными, то вы легко станете добычей какого-нибудь мага или духовидца. Быть заключенным в разлагающемся теле по прихоти какого-нибудь некроманта – проныры, бродить неприкаянным духом по развалинам замков или сидеть в хрустальном шаре – это не лучший вариант смерти.

- Мастер, я и не стремлюсь умирать! Если бы знать, как выбраться отсюда, я не стал бы докучать вам своим присутствием и отвлекать от столь важной для моей бессмертной души работы! – сказал я, с трудом отрывая взгляд от манящей уютной бархатной тьмы за воротами.

- Ага, чувствуете, как она вас манит и влечет к себе?! А вы не поддавайтесь ее коварным нашептываниям. Всему свой срок, придет и ваш. А пока, мой друг, слушайте внимательно. Вы пойдете прямо по этой тропинке вниз. Через какое-то время вам встретится демон с вольфрамовыми крыльями и рубиновыми глазами. Он предложит вам партию в покер на все богатства мира. Вы, конечно, вольны принять предложение. Если выиграете, то вернетесь в мир живых самым богатым в Галактике человеком. Проиграете – и нищета будет кусать вас за пятки всю оставшуюся жизнь. Вопрос в том, выиграете ли? Я бы на вашем месте просто заехал бы ему кулаком в лоб. Кулак у вас солдатский, крепкий. Потом вам встретится старуха с никелевой ногой и торчащим изо рта клыком. Она предложит вам сыграть в кости на любовь самой красивой девушки Галактики. Если выиграете - сами понимаете, если проиграете – будете всю жизнь глотать золу одиночества. Мой рецепт вам уже известен – кулаком в лоб без лишних разговоров. Последним на вашем будет каменный сфинкс, который предложит сыграть в загадки на всю славу мира. Помните, мой друг, голова – не самое сильное место солдата! Бейте, мой друг, кулаком, бейте! Ибо проигрыш в этом состязании неминуемо приведет вас в ад, а не к этим воротам. Впрочем, выигрыш приведет туда же. Если вы сделаете, как я сказал, вы вернетесь к жизни тем самым человеком, каким ушли из нее и, как знать, не лучшее ли это из возможных возвращений?

Он хитро посмотрел на меня снизу вверх и потянулся.

- Ну, мне пора возвращаться к работе. У меня, тоже, знаете, свои сроки. До свидания, дружище, я верю в ваш здравый смысл.

Он протянул мне закопченную руку и я с удовольствием ее пожал. Потом я повернулся спиной к арке и, чувствуя на загривке ее ласковое дыхание, ступил на тропу.

С демоном я поступил согласно совету хранителя моих ворот. Я даже не дал ему заговорить и с ходу заехал кулаком в лоб. Рогатая голова демона загудела и вдруг он рассыпался на куски. Вольфрамовые крылья упали в бездну, а глаза, выпав из глазниц, покатались к моим ногам. Я наклонился и поднял их. Это были два рубина небывалой величины. Каждый из них стоил немало. Поколебавшись, я пожал плечами и сунул их в кошель. Солдату не пристало бросать трофеи на поле боя. Иначе, зачем и воевать? Со старухой я пытался быть вежливым, но старая карга ни с того, ни с сего набросилась на меня и даже успела пнуть меня своей никелевой ногой в коленку. Разозлившись, я схватил ее левой рукой за клык, а правой отвесил ей крепкую затрещину. Тут меня поджидал сюрприз. Из-за спины старухи вдруг появилась симпатичная девчушка в простеньком

платье и удержала мою руку. Она посмотрела на меня и украла мое сердце. Я отпустил старую перечницу и не моя вина, что она вдруг рассыпалась пеплом, верно? Дальше мы пошли вместе с девчушкой и дошли до сфинкса. На какое-то мгновение я заколебался. Какой солдат не мечтает стать сотником? Но тут моя возлюбленная положила свою русую голову мне на плечо и мои сомнения растаяли как дым. Я больше не хотел быть солдатом и слава мне была как-то ни к чему. Я не стал бить сфинкса в лоб. Мне не надо было даже того, что могло бы перепасть мне после хорошего удара. Я просто шагнул мимо и...

Я лежал на горячем песке под лучами ослепляющего солнца. Моя голова покоилась на коленях русской девушки, укравшей мое сердце по ту сторону жизни. Она напряженно вглядывалась вдаль, но стоило мне шевельнуться как все ее внимание обратилось на меня. Я провел рукой по ее лицу.

- Это не было сном, - утвердительно прохрипел я.

Она покачала головой и улыбнулась.

- Вставай, мой любимый, - сказала она. – Нам нужно идти. Сквозь пустыню и жажду, от отчаяния к надежде.

Я встал. Вокруг лежали тела моих товарищей. Какие-то твари копошились вокруг них. Я решил было перенести все тела в мавзолей, но оттуда раздалось такое злобное шипение, стоило лишь приблизиться к нему, что я оставил эту затею. Солнце разлилось слепящим огнем по всему небу. Песок стонал под ногами, как живой. Подобрал меч и свой арбалет, я подошел к девушке. Ее точеная фигурка так и просилась в мои большие грубые руки.

- Как тебя зовут, любовь моя? – спросил я, осторожно прижимая к себе ее хрупкое тело.

- Софья Элеонора Мария Анжелика де ла Пьедад Нотакэ-эн-Такэ из рода Наблюдающих за Ростом Камней, - ответила моя возлюбленная, весело щуря глаза, чем свергла меня в великое смущение.

- А меня зовут Джон Длинная Рогатина, - представился я, краснея от стыда.

- Я люблю тебя, Джон, - просто сказала она, обнимая меня.

- Я люблю тебя, Анжелика, - прошептал я, касаясь губами ее теплых губ.

Путь сквозь пустыню был тяжел и изнурителен. Будь я один, возможно, я сдался бы на милость песков и джиннов и ветры рассеяли бы мои кости по всей пустыне. Но я был не один. Поддерживая друг друга, мы с Анжеликой брели от бархана к бархану, от миража к миражу, питаясь яйцами каменных черепах и добывая воду, убивая гигантских скорпионов, имевших на брюхе кожаный мешок с запасом влаги. Вода была тягучей и солоноватой, но утоляла жажду, а большего и не требовалось. Изможденные, обожженные солнцем и ветрами, мы вышли к неизвестному portalу. Им пользовались крайне редко, а может быть и никогда. Никаких следов пребывания здесь бедуинов я не обнаружил. Особого выбора у нас не было. Взявшись за руки мы с Анжеликой шагнули в мерцающий овал...

На Мировом Древе Иггдрасиль мы прожили десять счастливых лет. Иггдрасиль – система из четырех планет, жестко связанных между собой ветвями гигантского дерева, раскинувшего свои ветви в космическом пространстве на миллионы лиг. Вся эта инженерно-биологическая конструкция вращалась вокруг желтой звезды, именуемой Кузней Тора. Планеты были заселены преимущественно воинственными викингами, использующими имеющиеся в их распоряжении порталы исключительно для набегов на другие планеты. Из их числа многие из болтающихся по Новой Земле завоевателей набирали себе телохранителей и личную гвардию. На Дереве жили эльфы – красивые существа с зелеными волосами и светящимися во тьме глазами. Они приняли нас радушно и без лишних вопросов. Мы жили в прекрасно оборудованном эльфами-умельцами дупле, бродили по бесконечным ветвям с магическими фонариками в руках, принимали деятельное участие в многочисленных праздниках эльфов, танцевали на широких листьях. Именно там я был убит во второй раз. По своей беспечности и глупости я попал в сети Черного Грибка. Эльфы рассказывали мне об этих страшных паразитах, некогда проникших на Дерево через один из порталов, открывающихся раз в тысячелетие. Тогда, триста лет назад, эльфам пришлось выдержать страшную битву с ордой Черных Грибков. Это были коварные безжалостные существа, извергающие яд и злобу. Победа была одержана ценой тысяч и тысяч жизней. К счастью, в эту борьбу вмешались викинги, которым вовсе не улыбалось иметь в соседях не добродушных эльфов, а хит-

рого и злобного врага. Покинув свои планеты и пробравшись к местам битв по ветвям Древа, викинги налетели на пришельцев, ловко уворачиваясь от ядовитых плевков и кромсая топорами податливую мякоть грибков. Враг был побежден, портал закрылся и мир вернулся на Иггдрасиль на следующую тысячу лет. Но уничтожить всех Черных Грибков так и не удалось. Они расплозились по Мировому Древу, прячась в темных местах, куда никогда не проникает ни один луч солнца, и раскидывая там свои ядовитые сети. Со временем грозные разумные Грибки выродились, одичали. Они годами неподвижно сидят в своих логовах, питаясь соком Древа, их разум находится в спячке. И вот однажды я неловко перепрыгнул с ветки на другую, нога поскользнулась и я рухнул в мешанину листьев. Листва сомкнулась над моей головой и дальше я падал в кромешной тьме. И вдруг страшная судорога скрутила мое тело. Я задохнулся от дикой боли и... очутился перед знакомыми воротами. Мастер-хранитель, похоже, только-только навесил на петли одну из створок ворот – настоящее произведение кузнечного искусства, и теперь, отступив на шаг, любовался своей работой. Увидев меня, он помрачнел и насупился, а я поспешил поднять руки и скороговоркой выпалил:

- Простите меня, мастер, я снова здесь совершенно случайно! Древо свидетель, я не хочу умирать! Меня ждет красивая и любящая жена и маленький сын. Помогите мне, мастер, еще раз. Я хочу вернуться!

- Никогда еще не встречал такого беспокойного клиента, - сказал мастер, улыбнувшись и протягивая мне руку. – Ну, здравствуй, дружище, эк тебя, однако, зацепило! Пойдем-ка ко мне, выпьем эля, поговорим, раз уж выпал такой случай.

Мы прошли в кузню. Тень мастера тут же выскользнула из темного угла и уселась на тень лавки с тенью трубки в зубах. Моя тень вела себя как полагается, повторяя мои движения и не претендуя на свободу и независимость. Хранитель ворот прошел в дальнюю часть помещения и вернулся с двумя кружками пахучего великолепного на вкус эля. Мы осушили по полкружки, а потом я рассказал ему о своей жизни, об Анжелике, об эльфах и викингах. Мой рассказ явно доставил ему удовольствие.

- Эх, - сказал он. – Давненько я не был в мире живых. А ведь у меня тоже когда-то была семья.

- Но разве вы не можете вернуться? – спросил я.

Мастер покачал головой.

- Я нахожусь в этом мире между жизнью и смертью по собственной воле. Мои руки нужны здесь. Когда-нибудь я построю Ворота Смерти для себя, но пока время для этого не пришло. Допей эль, друг, он поможет тебе преодолеть боль.

Я осушил кружку до дна, в моей голове зашумело и я, на этот раз мгновенно, перенесся обратно в свое корчащееся от боли тело. Боль не отступила, но оказалась вполне переносимой. Я выпрямился. Мои руки и ноги были опутаны какими-то нитями, которые светились во тьме. Именно они жгли мою кожу. К счастью, сеть была здесь уже давно и успела выдохнуться со временем. Яд действовал не так сильно, да и сами нити легко рвались. Мне удалось высвободить правую руку и я дотянулся до кинжала на поясе. Сеть затряслась и завибрировала. Ко мне из черной листвы выползал светящимся студнем грибок. Величиной с верблюда, бесформенная тварь нависла надо мной тяжелой ртутной каплей. А потом она прыгнула. В последний момент я выставил вверх руку с кинжалом и набрал в легкие воздух. Теплая вязкая пульсирующая масса обволокла меня. Тело вспыхнуло огнем. Сжав зубы, я кромсал кинжалом эту тушу, вверх, вниз, вправо, влево... Неожиданно моя голова оказалась снаружи. Я глотнул воздух и принялся орудовать кинжалом, рассекая подрагивающий студень. И тут грибок закричал, мучительно, пронзительно. Его тело обмякло и выпустило меня из тисков. Я опять полетел во тьму, ударился об что-то бедром, выронил кинжал и упал на широкую, освещенную солнечными зайчиками ветвь. А ко мне уже спешили эльфы с ближайшего поселения, растревоженные жуткими воплями умирающего грибка...

В третий раз я пришел к Воротам по своей воле. Мы жили в Форте Северной Звезды, маленьком древнем городке на планете Рассветных Туманов, когда Король Чума отнял у меня Анжелику. Она умерла в страшных мучениях, а я ничего не мог сделать, только сидеть, сгорбившись, у ее постели, ловить ее исполненные мукой и состраданием взгляды и душить нагло прущую из всех

щелей тоску. На этот раз я пришел к Воротам седой и старый, кутаясь в плащ, как в тишину. Обе створки были уже на месте, тьма за воротами манила обещанием забвения. Кузнец сидел перед воротами на табурете, преграждая мне дорогу, и курил трубку.

- Пусти меня, - взмолился я. – Будь другом и на этот раз! Я все равно уже мертв...

- Ты не мертв, - возразил мастер, останавливая меня движением руки. – У тебя есть сын.

Вспомнил ли ты о нем? А ему ведь так же больно, как тебе.

- Но что же мне делать! – вскричал я. – Вырвать сердце?!

- Вырви, если так нужно, - спокойно ответил хранитель, глядя на меня исподлобья своими бычьими глазами. – Будь же человеком, черт тебя возьми! И не ищи спасения в других мирах, нет там спасения. Оно в твоём сердце, в твоей душе и в твоём сыне.

Я упал на колени и разрыдался. Я оплакивал Анжелику, я оплакивал сына, я оплакивал себя. И со слезами из сердца ушли отчаяние и ожесточение, а вернулись бесплодная человеческая гордость и упрямство наемника, воюющего ради войны.

- Вот таким ты мне нравишься, - сказал мастер, выбивая трубку об каблук сапога. – Если тебе это поможет, то могу сказать, что осталось только выковать хороший надежный замок.

Я поднялся.

- Особенно не спеши, - сказал я, вытирая слезы. – У меня еще много дел. У меня сын, черт побери!

Хранитель развел руками.

- А тут уж как получится. У меня, знаешь ли, тоже свои сроки.

- Значит, скоро увидимся. – сказал я. – За мной бутылка вина.

- Договорились. А теперь извини, работа...

Я сижу под синим небом и желтым солнцем. Я слежу за своими играющими внуками и думаю об Анжелике. В кармане плаща лежит бутылка старого выдержанного вина из подвалов господина Дракуля, а значит, лучшего вина в этом мире. Думаю, я умру, когда отложу в сторону перо. Ну и пусть. Моя внучка София похожа на Анжелику, значит, ее будущий сын будет похож на меня, а его будущая дочь на Софию, а следовательно, на Анжелику. Нет спасения в мирах иных...

«История моего бедного друга, умершего на прошлой неделе, кажется мне очень интересной и... неправдоподобной. Я никогда не замечал за ним склонности к фантазированию и сочинительству, но эта история представляется мне сказкой, сочиненной моим другом для того, чтобы рассказывать ее долгими зимними вечерами внукам, сидя у камина. А впрочем, какая разница?!»

Франтишек Пишта, архивариус Его Сиятельства графа Дракуля.

ЮЛИЯ СКУРКИС

Эйя

- Кто я?

"Обычно, заметив движение среди корявой, безлиственной растительности, меня окликают: 'Эй, ты!', поэтому я называю себя 'Эй, я', то есть Эйя. Когда жизнь делает такой крутой поворот, не дурно бывает поменять имя. Рвать с прошлым нужно по полной".

- Если говорить откровенно, то я - привратник междумирия. Меж-ду-ми-ри-я говорю. Что тут непонятного? В вашем языке нет такого слова? 'Нудный мне предстоит вечерок'. - А я вот много языков знаю. Попытаюсь объяснить. Порталами пользуешься? Ага, уже легче. Они, сам знаешь, разными бывают: наземные, водные, атмосферные... Не читаю я тебе лекцию! Ходят тут всякие. Больно надо мне с тобой разговаривать. Пойду лучше, ноги разомну. Остаться? М-м-м. Ладно. Но только, чур, не перебивать. Итак,... На чем я остановился? Угу. Порталы могут быть периодические и аperiodические, общедоступные или наоборот такие, куда без пароля не войдешь, а еще постоянные и самые интересные - блуждающие. Что в них такого особенного? О-о-о, брат! Да, это

я так, образно. Конечно, какой ты мне брат (студень чмокающий). По-твоему, для чего нужны порталы? Вот именно, для того чтобы раз и мгновенно оказаться там, где надо. Или, где не надо. Хе-хе-хе. Так вот,... Да, да, я уже подхожу к самой сути. Среди блуждающих порталов есть феномен: те, что, открываясь (естественно, когда и где им вздумается), образуют всасывающую воронку, в которую попадают все, кто оказывается в зоне ее охвата. Никогда не задумывался о самом пути внутри портала? Ну, смекаешь? Экий ты тупой, право слово. Ладно, скажу прямо, сам ведь не догадаешься. Междумирье не является одним из миров паутины, это мир внутри портала. Кого только сюда не затягивает. Что-то ты бледный, гость дорогой. На-ка вот, глотни. Да, не выбросило тебя на другую сторону! Застрял. Как? Такая вот аномалия. Представь, что ты выпрыгнул из окна и завис в воздухе вместо того, чтобы, как полагается, достичь земли. Умеешь зависать в воздухе? Хм. Тогда не понимаю, какие у тебя могут быть проблемы. Как долго ты тут проторчишь? Так ведь никто этого не знает (лукавлю немного). Мрачновато здесь, не спорю, но я привык. Солнца нет, но и темноты не бывает. Вечный, тягучий сумрак.

Молчим. Гость шевелит усиками с органами зрения на концах. Приглядывается. Да, флора здесь странная: у местных кустов и деревьев отсутствуют листья и вообще они чем-то похожи на кораллы. И меня часто терзают подозрения, что кислород поступает в этот мирок через разевающие свои рты порталы. По крайней мере, пищи здесь хватает. Правда, на мой взгляд, она просто отвратительна. Именно на взгляд. А как бы вы отнеслись к мясистым, скользким, к тому же ползающим мхам и лишайникам? Впрочем, это я их так называю. Не имею ни малейшего желания знать, чем они являются в действительности.

- Ну, бывай, - говорю я, поднимаюсь и ухожу.

У меня есть занятие поинтересней, чем сеанс психотерапии для новоприбывших. Один из предыдущей партии подарил мне флягу. Не пустую. Посижу у костерка. Эх, хорошо.

Чем меньше оставалось во фляге содержимого, тем благодуще становилось мое настроение.

- Не пригласишь на огонек?

От неожиданности я вздрогнул. Опять она. Да, сколько же можно!? Наступит ли конец этой попытке?

- Что пьешь? - она бесцеремонно выдернула у меня флягу.

Я молча смотрел, как гостя ее опустошает, и боролся с желанием немедленно вернуть свою собственность. Наверное, мне стоило бы устыдиться жадности, но сами бы посидели тут с десятков лет. Самогон из лишайников? Лучше уж креозот.

Она ничуть не изменилась, все тот насмешливый прищур, только прядка седины в челке намекает, что не все так гладко было в ее жизни. Интересно, что думают об ее исчезновениях дома? Сама-то она ни разу не усомнилась в том, что этот серый мирок - часть ее сада. Лучше бы ей не брать в рот спиртного.

А дальше по накатанной. Утром, которое здесь ничем не отличается от любого другого времени суток, просто соответствует моим биологическим часам, я лежал, боясь пошевелиться и потревожить спящую женщину, что доверчиво пристроила голову у меня на плече. Опьянение вином и ее телом уже прошло. Как и бесчисленное множество раз до этого и, наверное, после я до конца цикла буду избегать контакта с Триш. Да, так ее зовут. Она причмокивает во сне, как ребенок. Я стискиваю зубы, в очередной раз мысленно себя проклиная. Тепло ее дыхания ощущается сквозь плотную ткань куртки, пряди волос разметались ореолом вокруг головы. Я аккуратно переложил Триш, освободив плечо, и тихонько ушел. Даже не оглянулся.

- Эй! Эй ты, герой любовник! - догнал меня возглас. - Вот так и уйдешь?

'Эй, я. Конечно, уйду. Я всегда так делаю'.

Все-таки я оглянулся.

- Ты кричал во сне, - сообщила она.

- Неудивительно, - ухмыльнулся я, - Прости, мне пора.

- Подожди, я с тобой.

- Я не хочу, чтобы ты шла со мной.

Она, как всегда, обиделась и, насупившись, отвернулась. Будет плакать.

- Господин привратник, - донеслось из-за кустов, - мне необходимо срочно вернуться!

'Новенький? - я пригляделся. - Да, с этим я еще не беседовал. Но откуда же он знает, что я привратник?'

- Мне рассказали о вас в поселке, - сказал подбежавший паренек, мелко подрагивая длинными заостренными ушами, исколотыми так, словно их на швейной машинке прострочили и в каждую дырочку воткнули побрякушку. - Если я немедленно не вернусь, моя невеста выйдет замуж за другого! Мой друг тоже любит ее.

- Если твоя девушка ушла к нему, то еще неизвестно кому из вас больше повезло.

- Немедленно выпустите меня! - взвизгнул юнец.

Он бы, пожалуй, и с кулаками на меня набросился, да только весовые категории у нас оказались очень разные.

- Почему ты думаешь, что я могу тебя куда-то выпустить?

- Но как же... Вы же привратник.

- Вот именно. Я при воротах и не более того. Ты ведь не станешь вопить на дверную ручку и чего-то требовать. Сама по себе она не способна отворить дверь. К ней нужно приложить силу. Понимаешь? Ее кто-то должен повернуть. Вот мы и будем сидеть здесь и ждать.

- Чего? - оторопело спросил мелкий скандалист.

- Силу, - усмехнулся я и зашагал прочь.

В поселке повсюду горели костры. Обитатели поджаривали на палочках местную 'флорофауну'. Я никогда долго не задерживаюсь на этом стойбище и ни с кем не сближаюсь. Грязно здесь до умопомрачения, да и собратья по несчастью с трудом уживаются. Не люблю дразги. Нажитое временными поселенцами имущество (кособокие хатки и самодельная утварь) переходит по наследству следующим. Все течет, все меняется - абсолютно неприложимая к этому миру и ко мне фраза. Поселенцы каждый раз новые, а ситуация все та же. Безвыходная. До поры до времени, конечно, и только в отношении них. Я же застрял здесь на неопределенный срок. Брожу по округе и, как могу, помогаю вновь прибывшим. Есть некая закономерность в том, что, приближаясь к критической точке (пространство-то не резиновое), междумирие начинает засасывать 'гостей' все чаще, словно пускаясь наперегонки с притекающей ко мне силой. Да, я не только дверная ручка. Уже скоро.

В гротескно-уродливом лесу увидел раненого дракона. Не похоже, что он собирался умереть, но был очень плох. Приподняв голову, он посмотрел мутным взглядом и неожиданно метнулся ко мне с удивительной для его состояния прытью. Я отскочил в сторону. Кто их знает этих ящеров, что у них на уме.

- Я уз-с-снул тебя, - прошипел он, - Ты - прив-ф-фратник.

- Называй, как хочешь, - отмахнулся я.

- Мне нуж-ш-шно с-сроч-ш-шно вернутьс-с-ся, пока дорог-х-хие с-с-сородич-ш-ши не рас-с-сташ-ш-шили с-с-сокровиц-ш-ш-а из-с-с моей пещ-ш-шеры.

- Ничем не могу помочь.

- Ты не понимаешь-ш-шь! - взвился дракон.

- Нет, это ты не понимаешь! Еще не настал момент.

- С-с-сделай для меня ис-с-сключ-ш-шение.

- Ты, хоть догадываешься, о чем просишь?! - возмутился я.

Дракон пристально посмотрел мне в глаза. Я покачал головой.

Снова наткнулся на Триш, такую грустную и одинокую. 'Я подвернула ногу, - сказала она. Увидела каких-то странных существ, испугалась и оступилась. Я знаю, что все это только у меня в голове. Врач говорил'.

Представляю себе, что думает этот доктор, слушая рассказы Триш обо всех тех существах, что обитают в ее саду, и какие ставит диагнозы. Кто эта женщина? Моя жена. Вернее, она была ею до того, как я стал привратником. Но она об этом не помнит. Глупая история. Я застал ее с любовником. Его убил. Триш испугалась, бросилась бежать и упала на лестнице. Она выжила, поправилась. Вот только все забыла. И меня тоже. Я был оправдан. Состояние аффекта и все такое. А потом я бросил Триш. Не мог ей простить. Портал, наверное, только этого и ждал.

И все-таки я нарушил данное себе обещание. Триш, чтоб тебя (никогда больше сюда не заносило)! Мы провели вместе несколько последних дней цикла. В ту ночь я разбудил ее своими криками. Боль за грудиной нарастала, пульсировала. Конвульсии выгнули меня дугой. Следовало прогнать Триш накануне, но я не смог. Еще никто из поселенцев не видел, как я открываю для них дверь. Триш прижимала меня к земле и что-то кричала. Мне послышалось 'Марк'. Чего только

не померещится. Боль слилась в одну точку в области сердца. Прости любимая. Прости за то, чего ты не помнишь. Быть может, тогда и я прошу себя.

Когда я очнулся, серый мирок был первоначально пуст: ни одной живой души, кроме меня. Никто не знает, сколько раз мне еще доведется умереть. Страшно? Да. И каждый раз, как первый. Я отдаю междумирию жизнь, оно отпускает пленников, стабилизируется и возвращает меня. Кто бы знал, как я устал от этого бесконечного пинг-понга. Согревает только призрачная надежда, что это мрачное чистилище однажды отпустит меня, когда в аду, наконец, освободится местечко. И я пойду по внешнему кольцу из мира в мир. Всего-то и надо потерпеть тысячу лет. Все лучше, чем это бесконечное повторение. А может быть, я чего-то не понял? И пойму ли?

Я лежал и тупо пялился в серую хмарь. Силы восстановятся - смогу перекусить. Потом поброжу по пустому селению, поищу что осталось мне в подарок. Тихо то как. Что это? Голоса? Уже?! Какое странное мелодичное стрекотание. Нет, этого языка я не знаю. Сил нет голову повернуть, чтобы рассмотреть прибывших. Возможно, они меня заметили, но приближаться не топятся.

- Чертов портал! Опять вышел из строя!
- Ох, и наkostenяют нам в Гильдии за недосмотр.
- Нельзя сказать, чтобы он совсем не работал. Тогда мы бы сразу отреагировали.
- В общем, ты прав.
- А вот и временный привратник в кустиках прохлаждается.
- Извиняться и расшаркиваться будем?
- Жалобу может подать. А то и в драку ползет. Тебе это надо?
- Действительно. Хотя сейчас он слишком слаб для таких подвигов.
- Ладно, давай работать.

Я все же преодолел силу тяготения и сумел повернуться на бок. Два тонких, как стебельки прищельца уселись друг против друга и переплели конечности. Я до сих пор испытываю противоречивые чувства, вспоминая то, что видел. На их телах начали вспучиваться пузыри, из которых вылуплялась давно и навсегда опротивевшая мне флорофауна. Она множилась и расползлась во все стороны, облепляла 'кораллы'. Причем каждая особь была раза в полтора-два крупнее местной. Что бы это значило? Может междумирие - площадка для нереста этих стеблеподобных? Додумать эту мысль я не успел из-за яркой вспышки, ослепившей меня. Я зажмурился, потом долго тер слезящиеся глаза, а влага в них все пребывала и пребывала. Вы когда-нибудь так реагировали на солнце?

ЕВГЕНИЙ ГИРНЫЙ

Король Чума

Зовут меня Александра. Я родилась в крохотном пограничном городке с поэтичным названием Форт Белого Озера. Он расположен на южной границе Империи и когда-то действительно был фортом первопроходцев, отвоевавших у бескрайних джунглей небольшую территорию ценой несоизмеримых жертв. Джунгли эти совсем непростые - они прямо кишат магическими существами и исполнены Силы под самые макушки самых высоких деревьев. Для нас, жителей пограничья, магия - такое же естественное явление, как гроза, ветерок в летний день или прополка огорода. Поэтому, когда я прибыла в столицу империи Санкт-Николасбург, я была уязвлена до глубины души тем фактом, что магию в столице просвещенной державы никто не воспринимал всерьез. У меня был свой план устройства своей жизни в столице и лично мне он казался гениальным. Почему все пошло наперекосяк?...

Уж не знаю, что за рок витает над моей головой, но я довела свой план до его воплощения и чувствую себя последней дурой. Прошел месяц с тех пор, как я получила в городском муниципалитете лицензию частного сыщика "на проведение следствия и дознания по делам, связанным с использованием магических сил, предметов, колдовских и прочих чар, волшебных зелий и магического принуждения". Видели бы вы рожи эти чиновников, когда я убеждала их в необходимо-

сти присутствия в таком большом портовом городе сыщика по магии! Если бы я при этом не применила самую чуточку вышеупомянутого магического принуждения и личного обаяния, то не видать бы мне лицензии, как своей, извините, задницы. Хождение по чиновничьим кабинетам заметно повлияло на мой лексикон. Наконец, документ лежал у меня в кармане и я козочкой сбежала по лестницам помпезного здания муниципалитета, провожаемая из окон недоуменными, растерянными и тоскливыми взглядами толстых и лощеных чинуш. Ага, достопочтенные мешки с салом, зацепила я вас за живое? Ну и черт с вами, не до вас! Две недели у меня ушло, чтобы подыскать подходящее помещение для конторы. Это обязательно должен был быть отдельно стоящий дом, желательнее в глубине дикого сада, обнесенного декоративной решеткой, с выходами на параллельные улицы, не очень далеко от полицейского участка, но и не очень близко, с удобным подъездом для экипажей. Да, еще чтобы в доме был камин и зловещий подвал. И все это за умеренную плату. И я нашла такой дом! Это была большая победа и моя самоуверенность возросла до небес. Я уже воображала себя крадущейся по темным улицам, закутанной в черный плащ, или врывающейся в тайный воровской притон, окутанной магическим пламенем и раскидывающей злоумышленников как кегли. Еще две недели ушло на то, чтобы обеспечить газеты города материалами для рекламной полосы. "Вы чувствуете зловещее вмешательство сверхъестественных сил в вашу судьбу? Вы слышите, как по ночам мертвецы скребутся в вашу дверь? Вы потеряли покой и душевное спокойствие без всяких видимых на то причин? Наймите частного сыщика по магии и морок будет рассеян и мир снова станет для вас чистым и ясным! Ля-ля-ля... бла-бла-бла... адрес такой-то, приемные часы, почтовый ящик слева от входа." Вот таким шедевром рекламного искусства меня осчастливили в рекламном агентстве "Байрон, Рэнк и Почкин-Загорский". Результат их рекламных изысков был просто ошеломляющим. Уже через полчаса после продажи первых экземпляров газеты возле моей уединенной конторы стала собираться толпа "потерявших покой и душевное спокойствие" и просто любопытствующих зевак. А еще через полчаса, когда колокола собора святого Мефодия прозвонили ко второй службе, в дверь моей конторы начали просачиваться непрерывным потоком неуравновешенные типы и неудачники, видящие в преследующих их несчастях заговор магов или вмешательство не более и не менее как самого Сатаны. Сколько чепухи мне пришлось выслушать за эти восемь часов! Сначала я мягко пыталась растолковать этим чудакам, что они ошибаются, приписывая случаю вмешательство духов и демонов, но только нажила себе смертельных врагов, потом я начала мягко намекать на то, что за определенную плату могу решить их проблемы, что мгновенно заставляло их тушеваться и retirроваться с обещанием еще зайти. К концу дня я уже была крутым экспертом по неуравновешенным типам и лишь насмешливо фыркала и выставляла их за дверь после первых же сказанных трагическим шепотом слов. Я уже готова была закрыть лавочку за двадцать минут до конца рабочего дня, когда на тенистой дорожке, ведущей к дому, появился человек, выгодно отличающийся от тех, кто путал мою контору с сумасшедшим домом. Это был молодой и очень подвижный паренек явно иностранного происхождения. У него было смуглое скуластое лицо, узкие раскосые глаза, черные волосы, заплетенные в длинную косу, перевитую коричневой лентой и широкая жизнерадостная улыбка. На нем был обычный темный костюм, какие любят банковские клерки, но было и еще кое-что, что не дозволено клерку - он шел по острым камням дорожки босиком, двигаясь при этом с изяществом дельфина. Мой истерзанный мозг настойчиво требовал выставить вон и этого посетителя, но чувство долга перевесило. Назвался груздем... К тому же я вдруг сразу почувствовала симпатию к этому энергичному юноше, даже если он в итоге окажется буйно помешанным! Он склонился передо мной в странном и красивом поклоне и заговорил на всеобщем языке:

- Меня зовут Ляо Ци-Шэнь. Я уроженец великой страны, которую у вас называют Катаем, уж не знаю почему. Я изучал в университете вашего прекрасного города торговое и дипломатическое право, но два стандартных месяца назад умер мой покровитель, оплачивавший мое обучение. Его наследники не сочли для себя возможным, получив пять миллионов лянов серебра, выделить пять лянов для завершения моего обучения. Сегодня меня с дружескими напутствиями и отеческими пожеланиями выставили из университета. Уважаемая Ищущая Истину, позвольте заметить, что вам нужен секретарь, а мне нужна работа.

При виде его улыбки я не могла удержаться, чтобы тоже не разулыбаться, как деревенская девка, соблазняемая городским хлыщом. Этот парень мне явно нравился и все тут.

- Уважаемый Ляо Ци-Шэнь, Ходящий Босиком, мне действительно нужен умный и расторопный секретарь. Но боюсь, я не смогу принять ваше предложение. За сегодняшней день я не видела даже тени ломаной полушки. Зато услышала много такого, что не пожелала бы услышать и врагу. Тем более некрасиво будет с моей стороны переложить этот неблагодарный труд на плечи секретаря, которому, быть может, мне вскоре нечем будет заплатить.

- Древняя мудрость говорит: "Ступай медленно, если хочешь вернуться". И еще: "Первый день торговли всегда в убыток". Назначьте мне плату из полученной прибыли и не думайте больше об этом. Сосредоточьтесь на работе, а хлопоты оставьте мне. Мы, китайцы, имеем четырехтысячелетний опыт в подобных делах.

- А вы, льстец, уважаемый Ляо Ци-Шэнь! Что ж, я готова воспользоваться вашими услугами, но учтите, весь риск нашего предприятия делим пополам.

- Я готов, Ищущая Истину. В конце концов, хуже уже просто некуда.

Так начала свое существование контора "Саша и Ляо. Магический розыск". Я отвела Ляо комнату на втором этаже дома, что по крайней мере избавляло меня от скуки по вечерам. Каждый вечер Ляо выполнял в саду комплекс физических упражнений, который он называл "у-шу". Я никогда не думала, что человек может так красиво двигаться! Мой небольшой жизненный опыт и недолгая жизнь в море (об этом я как-нибудь расскажу отдельно), внушили мне неважное мнение о возможностях человеческого тела. Но "у-шу" перевернуло мои представления по этому поводу. На третий день я робко попросила научить меня хотя бы маленькой частице упражнений. Ляо согласился с радостью и теперь мои вечера были заняты неуклюжими попытками повторить движения моего учителя. В общем, первая неделя нашей деятельности прошла на редкость весело. Ляо сидел в беседке около ворот и развлекался каллиграфией и сочинением стихов в мою честь, время от времени вежливо и настойчиво выпроваживая беспокойных посетителей, а я сидела в кабинете, читала женские романы и бесилась от скуки. К началу второй недели я довольно язвительно поинтересовалась у Ляо, не слишком ли он усердствует в роли Цербера? Ляо лишь пожал плечами и вернулся к своей каллиграфии. А я вернулась к своим романам. Перемены грянули, как всегда, неожиданно. На десятый день унылого и бесприбыльного существования нашей компании Ляо вошел в кабинет с гордо поднятой головой.

- К вам клиент, уважаемая госпожа. Я сказал, что вы заняты размышлениями над странным и запутанным случаем и попросил его подождать в приемной.

Я сидела, закинув ноги на стол, ела шоколадные конфеты, купленные на последние деньги фирмы, и читала какую-то розовую муть о мужчинах "с широкими плечами, узкими бедрами и серыми глазами". Сообщение Ляо было подобно молнии из снежной тучи. Я попыталась одновременно сунуть роман в ящик стола, убрать конфеты и принять позу, более приличествующую молодой женщине. Мне удалось выполнить задуманное на две трети. Роман полетел в ящик, коробка конфет под шкаф, а я потеряла равновесие и под треск ломающегося стула рухнула на пол. Грохот был, скажу я вам! Будто кит упал. Сомневаюсь, чтобы принятая мною поза была одобрена попечительским советом женских гимназий, и я была благодарна Ляо за то, что на его лице не отразилось ровным счетом ничего из того, что он наверняка обо мне подумал. Он через стол подал мне другой стул и сказал:

- Я сообщу клиенту, что на вас было предпринято магическое покушение.

- Зови его быстрее, не томи! - трагическим шепотом произнесла я, пытаясь пригладить вдруг вышедшие из-под повиновения волосы.

Ляо вышел и через минуту вернулся в сопровождении мужчины лет тридцати пяти, одетого со вкусом, хоть и несколько провинциально, с изящной тростью в руке. У него было умное, открытое лицо, большие сильные руки с длинными пальцами. Обычно он носил пенсне, но больше для солидности, чем по необходимости, он не был женат и у него не было собаки. Больше мне мой дедуктивный метод ничего не подсказал, но я решила, что для первого раза я провела анализ на должном уровне. Ляо принял у него шляпу и замшевые перчатки и объявил:

- Доктор Антон Владиславович Даль, действительный член Медицинской академии.

Доктор поклонился и шагнул к столу. Возможно, он ожидал, что я протяну ему руку для поцелуя или сделаю книксен, или еще что-нибудь такое-этакое, но я лишь сухо кивнула и представилась. Доктор с легкостью принял предложенный мною деловой стиль беседы.

- Я искренне возмущен этим вероломным нападением на вас, - сказал он. - Если вы нуждаетесь в медицинской помощи...

- Нет, спасибо, - сказала я. - Все в порядке, досадный инцидент, не более. Ляо, будьте так добры две чашки чаю. Вам с молоком, лепестками розы или жасмином?

- К-хм... А знаете, с жасмином я бы попробовал, - сказал доктор, улыбнувшись.

Ляо исчез, а я продолжила, пытаясь скрыть дрожь в руках:

- Итак, уважаемый Антон Владиславович, я слушаю вас.

- Знаете, моя история будет довольно долгой и какой-то нелепой. Я не вижу во всем происшедшем никакого смысла, но в том, что за всем этим кроется что-то зловещее и темное, у меня нет никаких сомнений. Если позволите, я начну немного издалека...

ИСТОРИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ВРАЧА

Как вы уже, наверно, догадались я - провинциальный врач. Наш городок носит название Форт Северной Звезды и находится в самой крайней точке нашей северной границы. Дальше только никем не обследованная степь. Все что известно об этой степи, так это то, что двести лет назад войско диких кочевников налетело на город подобно саранче, а после трехнедельной осады вдруг исчезло в одну ночь. Надо заметить, что город наш окружен древней каменной стеной. Существует легенда, утверждающая, что пока стоит стена, будет стоять и город. Поэтому власти города следят за состоянием этого архитектурного памятника, хотя это несколько и нелогично в наш век пороховых пушек и дирижаблей. Не буду врать, что я стал провинциальным эскулапом по доброй воле. Я закончил медицинский факультет с золотой медалью и мечтал об исследовательской работе и собственной клинике в столице. Как оказалось, об этом мечтали многие, среди них и такие, которым я бы не доверил срезать мозоли. У меня была золотая медаль, у них были дяди, тети и приятели отцов на высоких постах. Как вы догадываетесь, дяди и тети оказались более весомым аргументом при распределении вакансий. Я получил место в Форте Северной Звезды и после месячной гонки за теплые места был рад, что мне вообще досталось хоть что-то. И знаете, я не жалею, что так получилось. Есть в этом приграничном городке какое-то очарование, то ли дыхание древности, то ли сон степи... За двенадцать лет практики я полюбил этот город белых стен, мощенных камнем улиц, старинных бронзовых фонарей. В темные дождливые ночи, при тусклом свете экономичных ламп, я принимал роды, вскрывал гнойники, зашивал раны, откачивал захлебнувшихся собственной рвотой алкоголиков, успокаивал мучимых дурными предчувствиями пожилых дам, спасал кошек и собак от многочисленных кошачьих и собачьих напастей, и никогда не сетовал на судьбу. Именно в такую ночь ко мне прибежал учитель гимназии Александр, тоже из обделенных родственными связями вольнодумцев, с которым мы очень легко сошлись и подружились. Возможно, нас сблизило то, что оба мы искренне любили свое дело, постоянно оказываясь, в силу наших профессий, в эпицентре людских проблем, в самой гуще событий, истоки которых порой не были нам даже известны. Врач и учитель - если представить судьбу в виде поражающей молнии, то мы неизбежно должны были притягивать на себя все небесные искры, высекаемые богами и демонами себе на потеху. В ту ночь Александр ввалился в прихожую моего дома в таком виде, что мысль о поражающей молнии была как нельзя кстати. Взъерошенные волосы, блестящие серебряными каплями очки, галстук, сбившийся на плечо, торчащие мокрые манжеты, разноцветные носки - именно так и должен выглядеть посланец судьбы.

- Быстрее! - закричал он с порога. - Боже, там такое происходит! Может, это по твоей части, черт разберет, дьявольщина какая-то! Бери все свои инструменты и таблетки, все что есть, да, побыстрее, ради всего святого, черт возьми!

- Погоди ты, объясни толком! - орал в ответ я, натягивая узкие брюки на широченные пижамные штаны и запихивая стетоскоп в нагрудный карман взятого напрокат для недавнего светского раута фрака.

- На кой черт тебе фрак! Нашел время! - голосил Александр, не слушая меня. Ребенок в опасности! - наконец-то выпалил он главные слова и мы бросились в холодную мглу, уже молча и сосредоточенно.

Мы промчались по центральному бульвару сквозь строй тусклых фонарей, свернули в лабиринт узких переулков, ворвались в пахнувший ревматизмом и туберкулезом подъезд двухэтажной

лачуги, протопали по визжащей лестнице на второй этаж и протиснулись в крохотную квартирку, где истинным и единственным хозяином была нищета. В ближнем углу, скорчившись, лежал полуголый мужчина с разбитой головой. Удар был страшен, весь угол был залит кровью, перемешанной с мозговым веществом. Я инстинктивно шагнул в его сторону, хотя уже понимал, что этот мир закрыл свой счет к бедняге, поставив в своем гробу жирную кровавую точку. Александр свирепо дернул меня за рукав и гневным кивком головы указал на стоявшую у дальней стены скособоченную кровать. На кровати бился в конвульсиях юноша лет шестнадцати-семнадцати. Я бросился к кровати, зачем-то выдергивая из кармана застрявший стетоскоп. В следующее мгновение я понял, что ЭТО только выглядело, как юноша. Его лицо было искажено гримасой, но это еще было лицом страдающего человека, а вот его тело уже не было не только телом мальчика, но даже человеческим телом. Кости, мышцы и сухожилия деформировались, скручивались жгутами, выпирали буграми, кожа пузырилась, покрываясь жесткой шерстью, на моих глазах истощенное тело превращалось в мощный торс чудовища. Я тут же вынес себе диагноз - прогрессирующая шизофрения с ярко выраженными галлюцинациями, но было ли то галлюцинацией или нет, а долг врача есть долг врача. Я бросился к этому извивающемуся существу и, увернувшись от когтистой лапы, прижал ладонь к мокрому детскому лобу. Даже сейчас я затрудняюсь внятно и бесстрастно рассказать о том, что произошло, когда моя ладонь легла на горячий лоб больного. Я внезапно почувствовал, как пульсируют от боли набухшие лимфатические узлы, как что-то теплое и шершавое отчаянно мечется под сухой кожей и вот уже оно бежит по венам моей руки, горячей волной обжигает сердце и холодной струей врывается в мой мозг. На долгое, очень долгое мгновение я перестаю быть только врачом, Антоном Владиславовичем, я становлюсь одновременно и собой, и шестнадцатилетним мальчиком, чья душа опалена недетской всепоглощающей яростью, мальчиком, отринувшим свою юность, как мешающий делу хлам, темному жестокому делу, и этот неожиданный телепатический контакт, соприкосновение душ - последнее "прощай" рухнувшего в одночасье миру. Я не заметил, как его тело вдруг обрело прежнюю форму. На грязной постели без простыни лежал обычный мальчишка со впалой грудью и худыми руками. Я узнал его и он узнал меня. Мы встречались где-то там, в разрушенном мире, там, за опустившимся занавесом боли, по ту сторону ножа гильотины. Я всем своим существом ощутил его благодарность за что-то, о чем я забыл, и за то, что произошло между нами сейчас. Он открыл глаза и протянул мне руку, нормальную худенькую руку. Его ладонь была сжата в кулак.

- Найди ее, - прошептал он непослушными губами. - Вторая половина...

Он сунул кулак в мою руку и тут наш мысленный контакт оборвался, словно тонкая нить, рассеченная скальпелем. Что-то твердое и мокрое осталось в моей ладони. Его тело задрожало и опять начало изменяться. Тяжелая лапа ухватила меня за плечо и отшвырнула в сторону. Я ударился спиной о подоконник низкого окна и у меня перехватило дыхание. Александр бросился мне на помощь, но вдруг словно налетел на невидимую стену. Из разбитого носа хлынула кровь, на лбу набух кровоподтек, очки переломились надвое и впились в переносицу. Низкий хриплый смех заставил нас забыть о своих увечьях. На обломках кровати стояло порождение ночного кошмара. Приземистое существо с широкой бочкообразной грудью, перевитой тугими мышцами, с длинными руками-лапами, на мощных кривых ногах, с мордой, на которой не осталось ничего человеческого, кроме, пожалуй, выражения злобы в немигающих глазах. Из-под черных губ торчали желтые клыки, с которых сочилась то ли пена, то ли яд. Скулы покрылись серой шерстью и что-то крысиное было в этой морде. Существо опять издевательски захохотало и, дотянувшись лапой через всю комнату, когтем подцепило останки очков.

- Что, учительшка, ты все еще всерьез считаешь, что этим миром правит любовь и справедливость? Посмотри на меня, посмотри на этот город! Теперь здесь буду править я, а разве я похож на любовь? Справедливость? О, да, этого я обещаю в избытке! Я намотаю на справедливость ваши жилы и кишки, я вобью справедливость в глотку этому городу весельчаков! Не знаю, почему я не начинаю с вас! Бегите из этого обреченного на справедливость города! Бегите оба, не оглядываясь. Эй, весельчаки и пьяницы, я иду к вам, дорогие мои, чума на все ваши дома!

Вытянув вверх руку со сжатым кулаком, существо стремительно взлетело к потолку, который взорвался от мощного удара, и вылетело в образовавшуюся дыру. В комнату хлынули горячие струи ливня, комната окуталась паром. В сизой мгле замелькали какие-то уродливые тени, запахло мокрой шерстью и сырой штукатуркой. Потом руки Александра подхватили меня и мы, под-

держивая друг друга, принялись искать выход, натываясь на стены и углы. Неожиданно я увидел под ногами тело убитого мужчины. Оно как-то странно шевелилось, неуклюжими рывками. Потом он повернул к нам бледное мертвое лицо и я увидел его страшную судорожную ухмылку. В следующее мгновение клубы пара окутали его и скрыли от наших глаз.

- Дверь левее! - прохрипел я, толкая Александра в спину.

Мы кубарем скатились по лестнице и плюхнулись в лужу у двери подъезда. Дом содрогался, словно во время землетрясения. Затрещала и покосилась на бок крыша. Внушительный обломок черепицы пролетел в полуметре от моей головы и с шумом разбился о землю. Когда мы отползли на безопасное расстояние, в доме сами собой с протяжным визгом захлопнулись тяжелые ставни и двери, дом словно замкнулся в своей ненависти к незванным гостям. В небе, в черном покрывале туч, образовалась воронка, словно глаз таинственного существа издевательски разглядывал крохотное человеческое гнездо...

В комнату бесшумно вошел Ляо с чаем. Антон Владиславович взял чашку и отпил несколько глотков.

- Вы знаете, это просто великолепно! - воскликнул он, обращаясь к Ляо. - Научите меня так заваривать чай, или это родовой секрет?

- Почему секрет? С радостью научу, вот останетесь у нас на ночь...

- Ну, что вы, я остановился в гостинице и...

- О гостинице не может быть и речи, - вмешалась я. - Все это дело кажется мне намного более серьезным, чем вы можете себе представить. Если вы нанимаете меня для проведения расследования, а вы именно за этим и приехали, то вам придется в свою очередь принять на себя некоторые обязанности. Я считаю ваш рассказ далеко не полным и думаю, нам еще о многом надо будет поговорить после ужина. К тому же у нас есть комната для гостей, поэтому вы никак не стесните нас.

- Я схожу за вашими вещами, - сказал Ляо.

- Ну, что ж, я вижу, что мое дело в надежных руках. Осталось уладить формальности. Вот здесь чек на банк Морозова. Это деньги на предварительные расходы. Это деньги муниципалитета, так что формально вас нанимает город. Я уполномочен вести от имени города переговоры и решить вопрос гонорара в случае успешного завершения дела. Вас устроит сумма ...?

- Вы не захватили с собой тот предмет, который вам дал мальчик? - спросила я, когда мы вечером сидели втроем у камина.

- Как же, он у меня с собой. Должен же я иметь для себя доказательство реальности этого кошмара! Вот, возьмите.

Он протянул мне небольшой предмет, оказавшийся всего-навсего осколком невзрачного красного камня. Скол был гладким и ровным и легко было догадаться что у этого камня есть где-то на белом свете вторая половина. Я осторожно подержала камень над огнем камина и крепко сжав в кулак левой руки, начала потихоньку, слой за слоем сканировать его память. Обычно эта очень кропотливая работа приводит к весьма сомнительным результатам. Ни один суд не примет к рассмотрению сведения, полученные сканированием ауры неодушевленных вещей. Юридическая тонкость заключается в том, что вещи "запоминают" не факты реального мира, а лишь эмоциональную атмосферу некоего места в некий момент времени. А эмоции - дело сугубо индивидуальное. Человека могут с одинаковым успехом довести до бешенства сварливая жена, сломанный карандаш или ворвавшийся с пилой в руках маньяк-убийца. Вещи довольно точно "запомнят" вспышку гнева, но ничего не поведают вам о причинах. С другой стороны, они с той же степенью точности зафиксируют эмоции того же маньяка или жены, создавая таким образом этакую психологическую головоломку для тех, кто решит докопаться до сути происшедшего с помощью сканирования. Все это очень интересно, но уж больно грязная это работенка - копать в чужих эмоциях. Правда, на этот раз меня ожидал сюрприз. Меня вдруг захлестнула волна удивительного тепла и нежности. В моей голове зазвучали тихие детские голоса: "Я люблю тебя, маленькая принцесса!", "Я люблю тебя, мой верный рыцарь!". Этот камень помнил только одно - огромную всепоглощающую любовь, любовь детей на пороге юности, чистую и красивую, какой бывает только любовь детей и тех, кто никогда не взрослеет. Я плыла в этом ярком и светлом море нежности и

доверия и совсем не чувствовала себя виноватой за непрошеное соучастие. Хотела бы я когда-нибудь испытать такую любовь! Я разжала ладонь и вернулась в привычный мир. Доктор внимательно смотрел на меня.

- Вы что-то почувствовали? - спросил он. - Помощь не нужна?

- А вы педант, уважаемый Антон Владиславович! - рассмеялась я. - Ну, разве похоже, что мне нужна помощь?

- Вы необычайно красивы, - сказал он. - А сейчас вы как песня. Нет, в помощи вы не нуждаетесь - это точно.

- Возьмите этот камень, он доверен вам. Ляо, завтра с утра сходи в порт и узнай расписание дирижаблей, идущих на север. Мы едем с вами, доктор. Завтра.

Это был мой первый полет на дирижабле. Представьте себе летящего кашалота с пропеллером вместо хвоста и с привязанной к брюху гондолой. Гондола представляла собой закрытый салон с двумя рядами сидений и маленькими круглыми иллюминаторами вдоль бортов. Мы взошли по шаткому трапу и заняли места. Доктор галантно уступил мне место у окна, заявив, что все это уже видел не однажды. Последним между рядов прошел демонического вида капитан дирижабля. Я заметила, что у него была искусственная рука. Он прошел в кабину пилотов на носу салона и через несколько минут пол под ногами дрогнул, а кресло провалилось подо мной в какую-то бездонную яму. Я прильнула к иллюминатору и увидела, как стремительно уменьшаются строения порта, как город превращается в морскую звезду, выкинутую на желтый берег. Мы поднялись под самые облака и тут ощущение падения кончилось. Повисев несколько мгновений на этой высоте, дирижабль заурчал двигателями и, сначала медленно, а потом все быстрее, устремился вперед. Я всегда знала, что море огромно, если не бесконечно, но я никогда не думала, что и суша может быть не менее велика. Под нами проплывали города, поля, деревеньки, мы пролетели над краешком бескрайней тайги, пресекали ленты больших и полноводных рек. Я была благодарна доктору Далю уже за одно это путешествие. Я сказала ему об этом, но он лишь хмуро покачал головой:

- Еще неизвестно, в какую историю я вас втянул, дорогой мой сыщик. Возможно, вы еще будете проклинать меня.

- Вы забываете одно, дорогой мой доктор, что это моя работа. И вы заплатили мне.

- Я думаю, не совершил ли я ошибку, - пробормотал он.

- Порой вы, мужчины, бываете хуже баб, - рассердилась я. - Если вы приняли решение, то уж будьте достаточно мужественны, чтобы не отступить.

Доктор согласно кивнул, но, кажется, мои слова его нисколько не задели, как я рассчитывала. Не хватало еще, чтобы он передумал! Про себя я решила, что этот доктор может воображать себя каким угодно рыцарем и спасителем безрассудных дам, а я доведу это дело до конца. Больше мы эту тему не поднимали. Доктор стал рассказывать мне историю страны, о битвах, о походах первопроходцев, о загадочной степи, поглощающей экспедиции без остатка, о магических экспериментах с природой, неизменно заканчивавшихся катастрофой, о зрителях тайги и жителях рек. К своему стыду и ужасу, я слышала все это впервые. Я сравнила себя с крабом, который впервые выбрался из благодатной воды на незнакомый и страшный своей непривычностью берег. Господи, вот горе-сыщик! Я поклялась, что когда вернусь домой, то брошу читать романы и переключусь на энциклопедии и толстенные талмуды, виденные мной в книжном магазине...

На седьмой день путешествия на подлете к городу нас ожидала странная картина: на узкой дороге, единственной, как сказал доктор Даль, связывающей Форт Северной Звезды с остальным миром, большая группа солдат торопливо устанавливала поперек дороги желто-черный шлагбаум. Когда на них упала тень дирижабля, они разом подняли головы и принялись что-то кричать и размахивать желто-черными флагами. Но дирижабль летел слишком быстро и уже через несколько секунд на горизонте показались старинные белые башни города. Я ничего не стала говорить доктору, рассудив, что все равно скоро все выяснится. Дирижабль стал снижаться и вскоре уже проплыл между двумя башнями, на площадках которых я разглядела пушки. Моторы натужено взревели, останавливая стремительный бег летательной машины. Понадобилось еще десять минут, чтобы дирижабль опустился точно посередине зеленого поля местного порта. Когда мы сошли

по трапу, нам навстречу устремился растрепанный молодой человек. На лице его были написаны такое отчаяние и тревога, что сердце мое сжалось. Я переглянулась с Ляо, а доктор поспешил к встречавшему.

- Вас не предупредили! - вскричал молодой человек. - Господи, доктор, ну зачем вы так спешили!

- Скажи толком, что случилось? - спросил доктор, крепко взяв друга за локоть.

- Беда, Антоша, большая беда. В городе чума.

Мы застыли, как громом пораженные.

- Чума? Ты сказал, чума? Ты не ошибся? Доктор Ремизов подтвердил диагноз?

- Диагноз? Ты сейчас все увидишь своими глазами. Чтобы распознать чуму, не обязательно быть медицинским светилом.

Доктор Даль повернулся ко мне и с болью в голосе произнес:

- Вот я и втянул вас в беду! Самонадеянный идиот! Я проклят за свою глупость, трижды проклят! Простите меня, если можете...

- Сейчас уже некогда терзаться, доктор, - вдруг сказал Ляо. - Вас ждут больные люди.

- Да... да. Идемте ко мне домой. Вы останетесь там, а я...

Не договорив, он устремился по зеленой траве порта к городу и мы поспешили за ним. Из узкой, зажатой каменными фасадами домов, улочки на нас пахнуло зловонием. Доктор Даль удивленно посмотрел на своего спутника, а тот молча указал рукой на водные каналы. Приглядевшись, я поняла, что каналы доверху забиты разлагающимися трупами крыс. Потом я заметила, что некоторые из них еще шевелились.

- Крысы... Они полезли все разом и подышали прямо на улицах и в домах. Они просто сочились кровью. Это случилось в тот же день, как вы уехали, Антон. К вечеру улицы в городе были скользкими от крови. Я никогда не думал, что в городе столько этих тварей. Вначале мы убивали их и вывозили за город, сжигали, а потом стало не до них. Доктор Ремизов несколько дней отказывался утвердить диагноз. Он все твердил, что симптомы не должны вводить нас в заблуждение, что это совсем не то, о чем можно подумать, все пройдет, все будет хорошо. Но становилось только хуже. И знаешь, Антон, что я думаю... - он покосился в мою сторону и замолчал.

- Кстати, знакомьтесь, это Александр, я рассказывал о нем, а это Александра, тезка, значит. Она специалист по магическим случаям. Она все знает. Я догадываюсь, что ты имеешь в виду. Чума на все ваши дома?

- Да... Боюсь, что так. И в этом случае мы либо все обречены, либо...

- Либо мы разгадаем эту загадку, другого выхода нет, - заключила я.

Я заметила, что на многих домах печально качают полотнищами черно-желтые флаги. Теперь я поняла, что это цвета чумы. Улицы были пустынные, воздух был сырой и тяжелый и эхо наших шагов отваливалось от стен как мокрая штукатурка. Чем ближе мы подходили к центру города, тем больше становилось флажков на домах. Неожиданно из переулка нам навстречу вышли какие-то люди со смоляными факелами в руках и повязками на лицах. Один из них повелительно поднял руку и глухо произнес:

- Стойте! Кто такие?

Но тут он увидел доктора.

- Доктор Даль! Вы в городе! А мы-то думали... Что ж, хоть одна хорошая новость. Вы понимаете, доктор, что я имею в виду.

- Карантинный патруль? - спросил доктор.

- Да. Кстати, вот возьмите факел и повязки. Говорят, дым смолы отгоняет чуму. Может и врут, но тут все средства хороши. Вы еще, кстати, не видели ЕГО?

- Кого? - в один голос спросили мы.

- Короля Чуму, - сказал один из патрульных.

Командир патруля вздохнул.

- Люди утверждают, что по городу разъезжает на здоровенной крысе король Чума и на манер священника кропит дома зараженной кровью. Возможно, это просто чей-то глупый маскарад.

- Это не маскарад, - возразил все тот же патрульный, зябко кутаясь в плащ. - Мой дядя видел этого... короля, а через день заболел. А позавчера его тело сгорело на погребальном пустыре. Увидеть его - верная смерть.

- Ладно, - властно прервал его командир. - Не будем вас больше задерживать, доктор.

Он поклонился и шагнул в сторону, пропуская нас. Александр взял факел, а мы повязали марлевые маски. Мы разошлись, чтобы больше никогда не встретиться. А еще через два квартала мы увидели короля Чуму и его свиту...

Он сидел на спине рыжей крысы величиной с козу, поджав одну ногу под себя и небрежно болтая другой. Его мощный уродливый торс был обнажен и бугрился мускулами. На его широком носу криво сидели разбитые очки. В одной руке он держал книгу, которую читал с неподдельным интересом, другой опирался на плечо худого и длинного мужчины в черном, наглухо застегнутом костюме. Тот шел рядом с крысой ровным шагом, опираясь на большой черный сложенный зонт. За ухом у него торчало канцелярское перо, а под мышкой он нес толстый гроссбух с множеством закладок. Его худое бледное лицо не выражало никаких эмоций. От этой парочки прямо веяло каким-то умиротворением и довольством. За ними следом двигалось существо, напоминающее жабу. С толстым белым животом, ртом до ушей и выпученными глазами, оно шлепало по камням босыми ногами и толкало перед собой тележку, на которой лежало обнаженное тело, принадлежащее очень тучному человеку. Оно было покрыто язвами, которые источали кровь и гной. Жаба держал в руке кропило, которое время от времени окунал в лопнувший нарыв на теле, лежащем в тележке, и брызгал кровью на двери домов. Каждый раз при этом тело вздрагивало в мучительной судороге. Замыкали процессию какие-то призрачные фигуры в пижамах, ночных колпаках, а то и в нижнем белье. Заметив нас, тип в черном остановился и достал из-под мышки гроссбух. Король Чума оторвался от книги и поднял на нас свои желтые безумные глаза. Несколько мгновений он смотрел на нас, а потом вдруг скорчился от хохота. Книга выпала из рук и упала на камни.

- Отложи в сторону свою бухгалтерию, мой серьезный друг! - обратился он к типу в черном. - Это же не кто иные, как наш самоотверженный доктор и глупый учительшка. А это кто с ними? Желтый человек! Это не твой клиент, дружище. А вот кто...

Тут он взглянул на меня и замолчал.

- А впрочем, неважно, - сказал он, переводя взгляд на доктора. - Так даже интереснее. Вы вернулись, доктор, надо же! И как вовремя! Увертюра сыграна, пора поднимать занавес и выпускать актеров. Публика истомилась ожиданием назидательного и захватывающего зрелища, а главный распорядитель спектакля запоздал. Что ж вы, за дело, господа, за дело!

Он опять зашелся сухим кашляющим смехом и хлопнул черного спутника по плечу. Тот с невозмутимым видом поднял зонт и одним движением руки раскрыл его. Черный купол зонта вдруг взметнулся вверх и начал расти. Его черные крылья разворачивались все шире и шире, накрыв собой сначала несколько близлежащих домов, потом весь квартал, а потом его черный свод накрыл весь город и город погрузился во тьму. Прошло несколько томительных и кошмарных минут, прежде чем глаза адаптировались к темноте. Темнота была не полной. Алым язычком дрожал в руках Александра огонек факела, красными огоньками горели на дверях и белесых стенах домов капельки крови, желтые всполохи пробегали по стеклам окон, мертвенный синий свет излучали трупы крыс в канавах. Раздался хохот и черная тень надвинулась на нас. Я увидела прямо перед собой красные глаза крысы, но тут кто-то толкнул меня и я упала. Лежа на холодных скользких камнях, я смотрела как светящиеся призраки людей безразлично проплывают мимо меня, следуя за своим повелителем, в заскорузлых от крови и гноя пижамах. На меня пахнуло холодом и я сжалась в комок, прикрывая коленями и руками сердце. В какой-то момент холод сгустился до обжигающего кожу мороза и вдруг схлынул. Меня бил озноб, когда кто-то накинул на меня что-то теплое и обнял, подняв с земли.

- Саша, выпейте это, - сказал голос доктора. Я послушно разлепила губы. Огненная жидкость опалила мне горло и я закашлялась.

- Что вы ей дали? - раздался встревоженный голос верного Ляо.

- Спирт, - сухо ответил доктор. Неожиданно мне стало весело. Здравсте-мордасти! Давайте все начнем глушить спирт, трын-трава, море по колено! А потом мне стало тепло. Я осторожно выскользнула из объятий собственного секретаря. На моих плечах был накинут невесть откуда взявшийся плед, а сами мы находились в каком-то незнакомом доме. В комнате было тепло и

светло от огня в большом камине и двух десятков свеч в массивных бронзовых канделябрах. Комната была со вкусом обставлена резной мебелью, одну стену полностью занимал стеллаж с книгами. Появился доктор Даль, толкая перед собой столик на колесах, на котором дымились чашки с черным кофе и лежали толстенные бутерброды с ветчиной и сыром.

- Это мой дом, - сказал он с гордостью в голосе. - На первом этаже у меня приемная и кабинет, а здесь, на втором, мои комнаты и комнаты для гостей. Отдохните немного, Александр покажет вам где тут что. Мне нужно идти, внизу люди... Боже, простите меня, если можете!

Я лишь махнула рукой. Он подхватил медицинский саквояж и вышел из комнаты. Я слышала, как разом заговорили люди внизу, в приемной, и сердце мое сжалось. Я не боялась, нет. Мысль о возможной смерти тогда даже не возникла в моей голове. Но мысль о возможной смерти других людей, пусть даже незнакомых, но находящихся где-то рядом, может, в доме напротив, оказалась просто невыносимой. Надо было что-то делать и делать сейчас!

- К черту все! - сказала я оторопевшему тезке, скидывая плед и наспех запихивая в рот бутерброд. - Вы должны прямо сейчас показать мне тот дом, слышите, немедленно!

- Но, может, хоть умоетесь с дороги?

- К чертям собачьим умывание! Перед смертью не надышишься.

Обжигаясь, я отхлебнула кофе из чашки.

- Так вы идете или вас придется тащить? - агрессивно спросила я.

- Идемте, - буркнул Александр.

Когда я увидела этот проклятый дом, я вздрогнула. Александр поднес факел к специальным отверстиям газовых фонарей, стоявших вдоль улицы и синий колеблющийся свет озарил здание. Грязные облупившиеся стены, плесень на углах, полуразбитые двери и окна. Сделав своим спутникам знак оставаться на месте, я начала осторожно приближаться к дому, пытаясь прощупать его короткими импульсами. Но дом был плотно окутан черной зловещей аурой, пробиться сквозь которую я не смогла. Я вспомнила рассказ Антона. Образ ухмыляющегося трупа мне активно не понравился. С чего бы ему ухмыляться? Ладно еще, если это вампир или вурдалак. Тогда, конечно, не избежать порядочной драки со всеми сопутствующими спецэффектами: метанием молний, беганием по потолку и, в финале, отрубанием головы и вбиванием в сердце осинового кола. Впрочем, осинового кола у меня не было, да и голову рубить тоже нечем. Впервые за все это время я подумала, что совершенно не готова к работе сыщиком. Хорошо еще, что на мне брючный костюм, было бы нелепо бегать по потолку в узком платье или широкой юбке. Гораздо хуже, если это гуль. Эта простая мысль заставила меня остановиться. Против гуля у меня есть эффективное народное средство, проблема была в том, как им воспользоваться. Я почувствовала за спиной движение и, резко крутанувшись на пятках, обернулась. Это был Ляо.

- Позволь мне, Саша, пойти с тобой - сказал он серьезно, глядя мне в глаза.

Я не знаю, чем я думала в тот момент, но мне вдруг оказалось нечего противопоставить этому взгляду. Я молча протянула ему руки и мы сплели пальцы, скрепляя таким образом наш союз.

- Хорошо, - сказала я. - Я не знаю, что бы я делала одна, но для двоих у меня есть план...

Мы подошли к подъездной двери. Я толкнула ее рукой. Дверь даже не шелохнулась, запертая изнутри. Ляо сделал шаг назад, примерился и коротким и мощным ударом ноги снес дверь с петель. Дверь рухнула в темный подъезд и оттуда взметнулось облако пыли и праха. Плечом к плечу мы вошли в коридор. Стены были покрыты копотью и мокры на ощупь. Я достала из нагрудного кармана народное средство против гулей и двинулась вверх по лестнице. В комнате на втором этаже стояла настороженная и недобрая тишина. Я постояла у порога, прислушиваясь и приносясь. Пахло, как и следовало ожидать, не амброзией. Стены комнаты и половицы светились белесым гнилостным светом, что было, в общем-то, на руку. Я сделала Ляо знак приготовиться. Мы встали на пороге, а потом Ляо прыгнул вперед. После секундной задержки я последовала за ним. Краем глаза я увидела Ляо, выгнувшегося в неестественной позе. Значит, все-таки гуль. Как и всякий мертвец, гуль не обладает собственной волей. Мертвое тело находится под контролем Темной Воли, присутствующей в мире наряду со Светлой. Все, что совершают вампиры, упыри, вурдалаки, гули и прочие, они делают не по собственному разумению. В этом отношении они безгрешнее людей. Ими движет Темная Воля или Сатана, кто во что верит. Они просто марионетки. Опасность гуля в том, что он является прямым проводником Темной Воли. Она проникает в этот

мир через его мертвые выпученные глаза, полностью подчиняя себе живого человека. А потом следует ментальный удар, разрушающий мозг жертвы и... Короче, вы становитесь гулем. Я знала, что Темная Воля схватила Ляо в свои стальные тиски. На этом и был построен мой план. Гуль, повисший на притолоке над дверью комком синюшной разлагающейся плоти, среагировал мгновенно, сконцентрировав все внимание на Ляо. Это дало мне несколько необходимых секунд. Гуль - существо тупое. Он тут же развернулся ко мне, в то самое мгновение, когда Темная сила рванулась из его глаз двумя багровыми языками пламени. Этот огонь предназначался Ляо, но в результате движения гуля, багровые языки метнулись в мою сторону и... отразившись от зеркала, которое я выставила перед собой, вонзились в глаза гуля. Эффект был потрясающим. Мертвое тело взорвалось изнутри. Куски мертвой плоти, сгустки свернувшейся крови, осколки костей - все это обрушилось на меня, сбило с ног, облепило. Густой смрад ударил в нос. Отчаянный захлебывающийся в ужасе вой уносимой в ад души заставил меня зажать уши. Слышать это было невыносимо. Свернувшись в клубок на скользком от гнили полу, я кричала, чтобы заглушить этот вой. Прошло несколько столетий прежде чем я поняла, что кричу одна. Я замолчала. В наступившей тишине больше не чувствовалось присутствия магии. Я поднялась на ноги. Костюм был испорчен безнадежно. Ботинки были облеплены кусочками мозга. Воняло так, что плакать хотелось от омерзения. Небольшое зеркало покрылось сетью мелких трещин. Я осторожно подняла его и сунула обратно в карман. Когда-нибудь, когда у меня выдастся хоть минутка свободного времени, я закажу самому высокооплачиваемому мастеру серебряную рамку для зеркала. Ляо, выглядевший не намного краше, сидел на полу и потирал поясницу.

- С тобой все в порядке? - спросила я.

- В определенном смысле, - ответил он и улыбнулся. - Ну и воняет же от нас, наверное!

"Похоже, вонь и магия неразделимы" - подумала я, но додумывать эту интересную мысль было не к месту и не ко времени. Меня ждала рутинная работа частного сыщика. Увидев, что Ляо поднялся на ноги и собрался для разминки сделать несколько упражнений, я молча и твердо указала ему на дверь. Окинув комнату внимательным взглядом, он нехотя отступил в коридор. Я выбрала наименее загаженное место, закрыла глаза и, широко разведя в стороны руки, стала нащупывать в ауре окружающих вещей смутные отпечатки прошлого. Двигаясь по комнате, я неторопливо погружала пальцы в тепло энергетических полей и медленно двигалась вдоль ускользающих из настоящего в прошлое информационных нитей. Когда я закончила сканирование, я была внутри такой же грязной, что и снаружи. Мне удалось достаточно точно восстановить события последних дней ввиду их очень сильной эмоциональной насыщенности, если выразиться языком протоколов. А говоря нормальным языком, это был какой-то затяжной безысходный кошмар. Я была ошеломлена и опустошена. Глухое отчаяние сковало мое сердце. Что значат все свершения человеческие по сравнению с бездонной чернотой души одного отдельно взятого мерзавца? Пыль тщеславия... С трудом переставляя ноги и мечтая только об одном - забиться в какую-нибудь щель, черную дыру и тихо сдохнуть там, во тьме и иступленном одиночестве, я повернулась, прошла сомнамбулой мимо Ляо и вышла на свежий воздух, если так можно сказать о воздухе, насыщенном миазмами страшной болезни. Ляо догнал меня и поддержал. Я с облегчением оперлась на его плечо. С другой стороны улицы к нам поспешил Александр. Я с удовольствием воспользовалась и его плечом. Пожалуй, в некоторых ситуациях мужчины бывают даже полезны.

- Ну, что, узнали что-нибудь? - нетерпеливо спросил Александр.

Я вздохнула. Нет, пожалуй, я несколько переоценила полезность мужчин.

- Мне надо подумать, - сказала я, чувствуя безмерную усталость. - Нам всем надо подумать, но не будем же мы думать прямо здесь! Я бы с удовольствием допила бы свой кофе в доме нашего уважаемого доктора.

Кофе, как и следовало ожидать, совершенно остыл. Александр отправился на кухню готовить новый, я направилась в ванную, а Ляо, в ожидании своей очереди, остался на улице. Он скинул рубашку и штаны, швырнул их в мусорный бак и, оставшись в забавной набедренной повязке, принялся за свое "у-шу". За него можно было не беспокоиться и я с наслаждением погрузилась в горячую воду, расслабилась, закрыла глаза. Господи, спасибо тебе за то, что ты сотворил ванну в благости своей! Непонятно только, зачем ты одновременно сотворил чумные бактерии, негодяев и убийц. Зачем, господи? За что? Но за ванну все равно спасибо...

Доктор Даль вернулся в одиннадцать часов. Так как теперь день не отличался от ночи, то часы остались единственным ориентиром во времени. Александру не терпелось обсудить результаты нашего славного похода и я не могла его в этом винить. Все равно сна не было ни в одном глазу. Мы устроились у камина, в котором потрескивали дрова, и я, сосредоточившись, начала свое повествование:

- Я расскажу вам историю простой, бесхитростной детской любви, растоптанной двумя негодьями, растоптанной как бы походя, между двумя стаканами вина. Разумеется, это не точная картина происшедшего, но, я уверена, очень близкая к истине. Итак, в маленьком пограничном городишке жили мальчик и девочка. Ему было семнадцать, ей на год меньше. Они любили друг друга. Я знаю теперь, что такое первая любовь, я чувствовала ее своим сердцем. Это невыразимо прекрасное чувство. Мальчик, в общем-то, уже перешагнул порог взрослой жизни, особенно, если учесть, что рос он практически на улице. Девочка жила в доме отчима - второго мужа ее матери, а может, даже и не мужа. Судьбу матери мне не удалось узнать. Однажды девушка вернулась домой в сопровождении своего возлюбленного. Какое-то смутное предчувствие томило его душу. Когда они вошли в знакомую всем нам комнату, пьяный отчим играл в карты с очередным собутельником. Они были возбуждены и разгорячены больше, чем при обычной игре. Потому что в их игре была не обычная ставка. Увидев падчерицу, отчим вскочил, грубо схватил ее за руку и с силой толкнул к толстяку. "Где ты ходишь, шлюхино отродье! - закричал он. - Иди к этому почтенному господину и делай все, что он тебе скажет. Видишь, друг, я умею отдавать карточные долги," - сказал он с гордостью ублюдка, неожиданно для себя сдержавшего слово. Толстяк перехватил девушку и принялся деловито ее ощупывать. Юноша рванулся к ней, но тут чьи-то крепкие руки схватили его. Он продолжал вырываться, но его держали двое крепких мужчин. Их лица были скрыты платками. Девочка закричала, но толстяк зажал ей рот. От двери бесшумно, как тени, в комнату скользнули еще двое пришельцев. Один с ловкостью, доказывающей его опыт в этом деле, скрутил девушку ремнями, а другой остановился перед толстяком. "Я думаю, что за эту козочку кочевники степи дадут хорошую цену на невольничьем рынке. Думаю, мы в расчете", - сказал толстяк. Предводитель банды лишь молча кивнул головой и сделал знак своим сообщникам. Сильные руки отбросили юношу в дальний угол и в следующее мгновение все четверо исчезли вместе с девушкой. "Ну что, друг, мне пора..." - начал было говорить толстяк, вставая, но ему было не суждено покинуть дом. В этот момент все и произошло. Темная Воля завладела душой юноши. Он отдался ей сразу и без колебаний. Он дал волю своему гневу и отчаянию. Он слышал зов этой Воли, ее обещание, и со мстительной радостью откликнулся на этот зов. И Темная Воля пришла, открыв путь Силе. Темная Воля ворвалась в его душу, его тело, его мозг, его сердце. Сила ворвалась в комнату, превратив ее в ад. Я не могу сказать, что именно там произошло. Это был какой-то ураган боли и ужаса. Негодяи, которым нипочем была чужая боль, очень дорожили своими телесами. Как они испугались, когда первые иглы боли пронзили их! Как они выли и умоляли о прощении! Вы стали свидетелями финала. Отчим стал гулем и сегодня я отправила его душу в ад, толстяка вы видели на той тележке короля Чумы, в которого превратился мальчик, а вот что стало с девушкой, мне выяснить не удалось. А ведь именно это является ключом ко всему делу. Теперь мы знаем, почему это произошло, но по-прежнему не знаем, как это остановить. У нас есть одна ниточка - половинка камня. Вторая половинка была у девушки, и для этих детей камень был талисманом, залогом их любви, их клятвой друг другу. Мальчику удалось в вашем присутствии на мгновение одолеть Темную Волю и передать вам камень. Возможно, он хотел сказать, что, найдя вторую половинку, найдя девочку, мы сможем освободить его от власти Темной Воли. Может, поэтому король Чума не уничтожил нас, хотя мог с легкостью это сделать. Достаточно только было позволить открыть господину Смерти свой грессбух. Что-то в этой покоренной душе сопротивляется Злу, давая вам... нам шанс. Может быть, хотя не факт. Но это единственное, на что мы можем надеяться.

- Выходит, мы так и не знаем главного? - вскричал Александр. - И что мы можем теперь сделать? Ничего?

- Почему же, - сказала я. - мы можем ждать.

- И возделывать свой сад, - задумчиво отозвался доктор Даль. - А большее не в человеческих силах.

Я ничего не хочу говорить о чуме. Я пишу отчет о своем расследовании, которому, вероятно, суждено сгинуть в пыльном и темном архиве полицейского управления Санкт-Николасбурга. Чума - не тема для полицейского отчета. Первый день мы с Ляо ходили с доктором Далем по домам, помогая ему кипятить воду, вскрывать нарывы, делать перевязки, ставить компрессы. А следом за нами к этим домам подъезжали погребальные дроги, забирали тела и вывозили их на Погребальный пустырь. Я не знаю более безнадежной борьбы, чем борьба с чумой. На второй день я осталась в доме одной женщины, в состоянии которой наметились слабые признаки улучшения. Я провела в ее доме двое суток, меняя компрессы и давая лекарства. Она умерла ночью. На утро доктор Даль забрал меня с собой. Он решительно повел меня в свой дом и у меня не нашлось душевных сил, чтобы воспротивиться этому. Я заметила отсутствие Ляо, но у меня язык не повернулся спросить, что с ним. Оказалось, что Ляо вполне справляется с обязанностями врача самостоятельно и даже лучше, как сказал сам доктор. Поэтому его не было с нами, когда на северной башне полыхнула огнем пушка. Доктор Даль остановился и озадаченно посмотрел на меня.

- Что это?

- Пушка, - сказала я.

- Тройной выстрел пушки означает, что под стенами города враг. Так принято издавна.

Словно в дополнение к его словам пушка гроыхнула еще два раза.

- Что-то произошло, - сказал доктор.

- Какая разница, - безразлично произнесла я.

Мы прошли квартал, прежде чем мое измученное черными мыслями и богохульствами сознание сфокусировалось на одной странности. Я заметила, что сквозь плотную ткань кармана докторского сюртука пробивается неяркий свет.

- А у вас карман светится, - дурашливо сказала я.

Доктор Даль сунул руку в карман и вынул половинку камня, которая и светилась ровным алым светом. Несколько минут мы молча созерцали эту маленькую странность. Камень лежал на белой ладони доктора и спокойно излучал сияние, как будто так и надо. Усилием воли я стряхнула усталость.

- Доктор, когда вы в последний раз видели этот камень?

- Не далее, как час назад. Я переложил его из другого костюма, и он выглядел обычно. Как обломок камня.

- Тогда почему бы не предположить, что он засветился именно в тот момент, когда выстрелила пушка? А если это так, то...

- То мы идем не в ту сторону, - сказал доктор Даль, круто разворачиваясь.

На улицах города царил почти непроглядная тьма. Горящие газовые фонари встречались редко. Мертвенное свечение помеченных чумой домов и желтые всполохи в окнах - вот и все освещение. Но камень в вытянутой руке доктора разгорался все ярче. Когда мы добрались до городской стены, камень по яркости свечения не уступал хорошему факелу. На стене уже толпились люди в форме городского ополчения. Впрочем, "толпились" - это явное преувеличение. Их было совсем немного. По крутой лестнице без перил мы поднялись на стену. На башне у пушки при свете факелов я увидела седого военного, который указывал в направлении степи человеку в одежде ремесленника, с цеховым знаком плотника на груди. Саму степь укрывала от наших глаз густая темень, но никакая темнота не могла скрыть блеска сотен костров и мельтешение тысяч искорок факелов. По рядам людей, собравшихся на стене, прошел говор:

- Кочевники! Дети степи!

Ополченцы топтались на стене, неумело заряжая ружья и с некоторым смущением разглядывая стальные рогатины, укрепленные в специальных стойках, стоящих по всей длине стены. Эти рогатины не трогали много лет, и они покрылись густым налетом ржавчины. Все глаза обратились на нас, когда мы поднялись по наружной лестнице на башенную площадку. Доктор Даль зачем-то сжал кулак, который теперь сам горел алым светом. Плотник обернулся к нам и сказал, словно продолжая прерванный разговор:

- Это кочевники, в последний раз они напали на город двести лет назад. Ни ружья, ни пушки их не пугают. Они не обращают внимания на то, чего не понимают. Но вот вопрос: какая могущественная воля привела их под стены города, в котором свирепствует чума и который окутан

тьмой? Степь большая, там много солнца и травы для их табунов. Так что привело их сюда? Как вы думаете?

И тут догадка сверкнула в моей голове. Простой и ясный вопрос, сформулированный плотником, имел только один простой и ясный ответ. В этот момент огненные потоки устремились разом к городской стене и воздух прорезали тысячи горящих стрел, упали, сраженные, первые защитники. Тишину разорвал дикий вой атакующих кочевников. Но все мое внимание было приковано к светящемуся кулаку доктора Даля.

- Раскройте ладонь, доктор, да раскройте же ладонь, черт вас побери!

Доктор разжал кулак, и тут-то все и произошло! Простой осколок камня вспыхнул мягким золотым светом. Несколько секунд он просто пульсировал, словно набирая силу, а потом из раскрытой ладони доктора в черноту неба ударил золотой луч, взрезая ее, словно это действительно была ткань зонта. От горизонта до горизонта черный купол пересекла ослепительно голубая полоса, которая начала стремительно расширяться. Золотой луч потерялся на фоне яркого света, хлынувшего сверху на степь, на стены, на город. Тьма расплзалась в стороны, очищая пронзительно синий небосвод и вот уже нет ее, вот уже только голубое небо и солнце на востоке - яркий, горячий шар. Черная волна кочевников вдруг, словно по неслышимой команде, отхлынула от стены, даже не достигнув ее. Эта волна могла захлестнуть и стену, и весь город в течение десяти минут. Ни тьма, ни свет солнца не могли им в этом помешать. И тем не менее, она отхлынула до самого лагеря, разбитого на расстоянии версты от города. Долгие полчаса не происходило ничего. Камень в руке доктора Даля погас и вернулся в свое естественное состояние. Мы молча стояли и всматривались в шевеление огромного лагеря кочевников. Наконец от лагеря отделилась группа всадников. Они скакали на приземистых лохматых лошадях, подняв высоко вверх руки без оружия. Они подъехали к самой башне и один из них затрубил в рог какого-то животного, протяжно и с надрывом. Из этой группы выехал всадник, одетый побогаче и почище других. Он поднялся в стремях и закричал пронзительным голосом на ломаном всеобщем языке:

- Повелительница Огненных Коней, Повелительница боли и смерти, великая и беспощадная к врагам, призывает человека с золотым лучом в свой мир. Пока гость будет находиться под ее защитой и покровительством, ни одна стрела не покинет колчан и ни один меч не увидит света солнца! Я сказал!

Седой военный положил руку на плечо доктору Дально.

- Возможно, я лезу не в свое дело, доктор, но если вы передадите мне эту штуку, что у вас в руке, я отправлюсь туда вместо вас. Повелительница боли и смерти - звучит не очень-то обнадеживающе. Но я думаю, весть о чуме их тоже не шибко обрадует. Если они уйдут, вы нужны будете в городе и дальше, доктор.

Доктор Даль вздохнул.

- Спасибо, полковник. Но боюсь, это мой бенефис и только мой.

- Вы забываете обо мне, доктор Даль, - откликнулась я.

- Я бы хотел, чтобы ты осталась здесь, Саша, - сказал он с мольбой в голосе, но я была как сталь.

- Вы пойдете туда не умирать, доктор. Этого как раз и не требуется. Умереть проще всего, но вы идете туда не за смертью, а чтобы найти вторую половинку камня. И здесь вам не обойтись без помощника и без магии. Считайте это разведкой боем и не стройте из себя мученика. Вам это не к лицу. К тому же, с этой стороны города нет ворот. Вы собираетесь идти в обход? Стоит ли так испытывать терпение этих молодцов?

- Да, ты права, Саша. Ты каждый раз оказываешься права.

- Для того вы меня и наняли, - хмыкнула я.

Доктор Даль улыбнулся и поднял кулак с зажатым в нем камнем над головой.

- Идем, - просто сказал он.

- Мы будем молиться за вас, - тихо сказал плотник.

На этот раз левитационное заклинание далось мне с трудом. Сказывалась усталость и изматывающее влияние страха. Через несколько минут мы стояли у подножия башни. Кочевники, видимо пораженные увиденным, приближались к нам с опаской. Мы шагнули вперед, выходя из тени, отбрасываемой башней. Дико заикав, кочевники устремились к нам и в воздух с шипеньем взви-

лись арканы. Я успела поднять руки, и веревочная петля захлестнулась на запястьях, обдирая кожу. В следующее мгновение сильный рывок сбил меня с ног. Жесткая острая степная трава уст-ремилась на меня. Меня волокли по земле как мешок! Я сконцентрировалась. Мне удалось при-подняться над землей на ширину ладони. Теперь я скользила по травяным волнам изящной лодочкой. Заарканивший меня дикарь весело неся по степи, не оглядываясь и нимало не заботясь о моей судьбе. Видели бы вы, какое глупое было у него лицо, когда, осадив лошадь перед заставой, он все-таки оглянулся. Вместо окровавленного и стонущего куска мяса он обнаружил отважную амазонку целой и невредимой, к тому же пылающей праведным гневом. Вытянув связанные руки, я выкрикнула простенькое заклинание. Лошадь рухнула, как подкошенная, увлекая за собой кочевника, вид у которого при этом был ну, уже просто глупее некуда. Стоявшие в заставе соратники довольно заржали. Тут подросли и остальные. Доктору Далю повезло меньше, но с ним обошлись не в пример гуманнее, позволив бежать за лошадью, а не волочиться по земле. Он упал в траву, хрипя, и его вырвало. Я кинулась к нему и помогла встать. Наши мучители спешили и, подхватив нас под руки, поволокли в лагерь. Нас притащили в центр лагеря к чему-то, что выглядело как круглая яма, наполненная тяжелым серым дымом. Вокруг нее стояли шесты с надетыми на них белыми человеческими черепами. Нас подвели к яме. Один из кочевников освободил наши руки от веревок. Другой с многозначительным видом воткнул в землю еще два шеста. Я постаралась изобразить презрительную улыбку. Доктор Даль глазами показал на свой сжатый кулак. Значит, камень по-прежнему у него. Это слегка обнадеживало. Кочевники тем временем вооружились длинными копьями и стали издали подталкивать нас к яме.

- Не уроните камень, доктор. Похоже, нас ожидает не слишком приятное путешествие.

- Путешествие? - переспросил доктор. - В эту яму?

- Нет, доктор, в ад.

Не обращая внимания на болезненные толчки копьями, он подошел ко мне и обнял за плечи. Я прижалась к нему и мы шагнули к краю ямы. В следующее мгновение земля ушла из-под наших ног. Мы упали в серую удушливую пустоту и падали тысячу лет...

Мы выпали из серого облака на огромной высоте над неизвестной местностью и, похоже, в другом мире. Внизу под нами расстилалась до горизонта бесплодная каменистая долина, по которой носились без особой системы огненные смерчи, возникавшие на голых потрескавшихся камнях и внезапно исчезающие. Больше смотреть было не на что, да и не до того нам было. Странная долина стремительно надвигалась на нас. Мне пришлось опять прибегнуть к левитационному заклинанию. Мои силы стремительно таяли, а мы еще ничего не сделали. Мне удалось смягчить приземление. Камни оказались горячими. Ветер гнал облака из ниоткуда в никуда. Пока мы оглядывались, прямо перед нами вырос огромный смерч из огня и дыма. Против такого бессильно любое заклинание. Раскаленный столб надвинулся на нас так, что волосы на голове затрещали от жара. Доктор Даль заслонил меня своим телом, подставив огню свою спину. Вот и конец, глупый и бездарный. И не будет больше ничего - ни моря, ни дождя, ни снега. Глупо и обидно! Неожиданно жар схлынул. Через несколько мгновений томительного ожидания я выглянула из-за плеча моего защитника. Огненный столб исчез, а на его месте оказалось нечто странное. Прямо посреди пустыни стоял большой трон из прозрачного, словно налитого внутренним огнем материала. На высокой, изящно выгнутой спинке трона сидел черный ворон с желтым клювом и злыми блестящими глазами. На самом троне восседало существо, по сравнению с которым даже Король Чума выглядел красавчиком. Небольшого роста, оно было настолько тучным, что складки этого безобразного тела свисали по бокам, накрывая по голень маленькие кривые ножки. Лицо этого чудища казалось вывернутым на изнанку. Жутко вывернутые толстые губы, вывернутые ноздри, завернутые вверх веки, обвисшие как у старого моржа щеки. Черт-те что и сбоку бантик. Бантик - не поэтическая метафора. В густой черной гриве существа действительно сиротливо болтался белый грязный бант. И тут мое сердце вздрогнуло от радости. Да, именно так. Потому что я увидела на выпирающей килем груди некий амулет на цветной нити. И этот амулет был половинкой красного камня! Я мягко отстранила доктора от себя, чтобы предоставить себе свободу действий. Неожиданно трон надвинулся на нас, заставив отступить нас на шаг. Я заметила, что трон стоит на ободранных и кровоточащих спинах десятка мужчин, ползущих на четвереньках туда, куда их толкает черная воля повелительницы. Она подалась вперед в своем кресле и уставилась на нас

пронзительными глазами. От нее разило мертвечиной. Я локтем ткнула в бок доктора Даля и глазами показала на амулет. Близок локоть, а не укусишь!

- Жалкие людишки! - прошипело чудище, наклоняясь все ближе. - Вы посмели завладеть тем, что принадлежит мне. Вы посмели использовать это, чтобы спасти свои жалкие жизни! Отдайте мне это!

Доктор Даль отступил на шаг и посмотрел в злобные сверкающие глазки Повелительницы Огненных Коней.

- Это не твое, - сказал он чуть подрагивающим голосом, ну совсем, чуть-чуть! - Что общего у отвратительного чудовища, каким являешься ты, и той девочкой, которой принадлежат обе половинки?

- А-а! - взревела Повелительница яростно. - Проповеди читать будешь! Праведник нашелся, значит! Только где ты раньше был, дорогой ты мой? Где?! Может, стоял в очереди со спущенными штанами?

Застонавшие от напряжения рабы под трон резво заперебирали конечностями и трон навис над доктором черной глыбой, а тот отступал, не сводя глаз со страшного лица. Повелительница Огненных Коней и ада, которая могла убить нас одним ударом черных когтей, почему-то медлила. Мне показалось, что она растеряна и напугана.

- Кр-ружкой кр-рови пр-ромочить бы гор-рло! - неожиданно дурным голосом заорал ворон, ероша крылья.

Над нами нависли тяжелые серые тучи, а под ногами тонко и звучно запели камни. Если у нас и был какой-то шанс, то только сейчас, в сию минуту! Я сжала зубы, сосредоточилась и открыла все шлюзы для подступившей к горлу Силы. В следующее мгновение Сила вздернула меня вверх, в воздух, словно тряпичную куклу, и хлынула наружу из каждой клеточки моего измученного тела. Собравшись в ослепительно яркий луч, Сила ударила прямо в средоточие Темной Воли. Мое тело задрожало от мучительной судороги усталости. Я чувствовала, как внутренний огонь стремительно пожирает меня, высасывая жизнь из клеток. Инстинктивно я попыталась ограничить поток Силы. К счастью, этих минут хватило на то, чтобы ненадолго рассеять, смять Темную Волю. Ответ Темной Воли был страшен. Жесткий беспощадный удар в грудь сбросил меня на камни, как подбитую птицу. Задохнувшись, я скорчилась на горячих камнях, пронзенная острой болью в сломанных ребрах. Но этих мгновений оказалось достаточно, чтобы внести в ряды противника смятение. Не поддерживаемые и не принуждаемые волей Повелительницы рабы рухнули, как подкошенные, распластавшись на земле. Трон наклонился вперед и чудище выскользнуло из него, упав всей своей безобразной тушей в объятия доктора. Извернувшись кошкой, доктор швырнул взывшую от ярости Повелительницу на жесткие камни и прыжком уселся на ее мощную грудь. Сквозь слезы и боль я увидела, как доктор вцепился в амулет на шее чудовища и соединил две половинки камня. Чудище пронзительно заверещало, черный ворон взмыл над нами зловещей тенью, вырастая в размерах, пытаюсь уйти от своей судьбы. А вокруг доктора, сжимающего в руках соединенные половинки талисмана, уже закружился вихрь. Ворон вдруг рассыпался пеплом, Повелительница Огненных Коней истаяла как свеча, а набирающий силу вихрь оторвал меня от камней и, словно лягушку, потащил вверх. Высоко в небе открылся беззубый рот урагана и меня поволокло к нему, как планктон в китовую пасть. А потом я с радостью и облегчением погрузилась в прохладное и спасительное ничто...

На этом и закончилось мое первое расследование. Вихрь вернул нас с доктором обратно в наш мир. Когда я очнулась, я лежала на кровати в комнате, отведенной мне доктором Далем в его доме. В окно ярко светило солнце. Рядом с кроватью сидел в кресле невозмутимый Ляо и смотрел на меня.

- С возвращением, Ищущая Истины, - сказал он.

- Благодарю, Ходящий Босиком, - ответила я. - Давно я тут прохлаждаюсь?

- Двое суток, и, наверное, очень хочешь есть.

- Еще бы, - хмыкнула я. - Кита бы съела.

- Ну, тогда я пойду, распоряджусь, а ты вставай и одевайся.

- Подожди, а как с нашим делом?

- Дело закрыто, - улыбнулся Ляо. - Чума кончилась, солнце в небе. После ваших с доктором подвигов еще не умер ни один больной. Все идут на поправку. Так что вечером доктор вернется домой и мы слегка отпразднуем завершение первого дела конторы "Саша и Ляо".

- Слава Богу! А вот интересно, что стало с мальчиком и девочкой?

Ляо пожал плечами.

- Быть может, мы никогда этого не узнаем, - ответил он.

И все-таки мы это узнали. Однажды, месяц спустя, когда мы с Ляо уже вернулись в Санкт-Николасбург и занимались расследованием вознесения на небо графини Н..., оставившей завещание на имя одного проходимца, мне неожиданно приснился сон. Я была птицей и парила над красивым и аккуратным садом. Я смотрела вниз и видела юношу и девушку, сидевших в тени великолепных деревьев, в изумрудной траве.

- Эй, - крикнула я, но из горла вырвался лишь резкий птичий крик.

Они подняли головы и помахали мне руками. Я узнала их. Я сразу узнала их, хотя никогда раньше не видела их настоящих лиц. Мальчик и девочка.

- Эй, это действительно вы? - опять крикнула я с тем же результатом.

Они засмеялись.

- Это мы, Саша! Это действительно мы! И мы любим тебя, слышишь? Мы любим тебя и будем ждать тебя здесь, в этом саду! Мы еще очень долго будем ждать тебя!

На этот раз я не пыталась ничего сказать, а с удовольствием разразилась победным птичьим клетотом. А потом я проснулась. Моя подушка пахла слезами...

ДЕНИС ЩЕМЕЛИНИН

Кровь цвета ночи

Генуя
Шестое декабря 1425 года
Вечер

Промозглый осенний ветер завывал в подворотнях и закоулках прибрежного района, тербил скукожившиеся флаги и обвислые паруса на мачтах кораблей, стоящих на приколе у Порто Аттико. Непогода прогнала нищих и бездельников с улиц города, распихала несчастных завсегдаев пристани по грязным подвалам и дешевым ночлежкам. Лишь один человек, самый горький пьяница и гуляка среди неугомонной местной братии, сжимая в руке полупустую бутылку дешевого рома, спускался вниз по улице Сан Лоренцо. Мужчину звали Джеромо Лактис и он направлялся к портовым складам на виа Дель Молло, невзирая на пробирающий до костей холод и противную слякоть. Две недели назад его вышвырнули с проходившей мимо торговой шхуны. Выгнали Лактиса вполне заслуженно - он еще легко отделался, потому как в условиях открытого моря воровство нередко и вовсе карается смертной казнью. Но Джеромо, как никто другой, умел определять стороны света даже без компаса и при любых погодных условиях (а еще, твердили матросы на судне, он с той же поразительной точностью умел определять - где и что плохо лежит). До поры до времени, дар уберегал его от неизбежной участи вора и мошенника в условиях открытого океана. Но, после очередной и совсем уже наглой кражи прямо из каюты капитана, терпению последнего пришел конец - вахтенные пинками согнали Джеромо с палубы на берег. Так Лактис оказался в незнакомом порту, без денег, и без надежды. И вот сейчас он, голодный, сильно подвыпивший и готовый на все ради звонкой монеты, направлялся к неприметному лазу возле третьего склада Венецианской торговой компании у пристани Боккардо. Каким ветром в его

обычно пустую голову надуло весть о том, что этот склад недавно облюбовал для хранения товаров известный торговец антиквариатом Антонио Марцани, доподлинно неизвестно. Но Джеромо искренне надеялся, что предстоящая экспедиция заметно пополнит его кошелек, изрядно опустевший за те дни, которые он провел на берегу.

Но планам Лактиса не суждено было сбыться. Внезапно будто сама вечерняя мгла за спиной Джеромо с негромким шипением уплотнилась, сгустилась, образовав правильный вертикальный овал, парящий над землей. По краям образования заструились фиолетово-серые искры, всполохи мертвенно-бледного света брызнули из центра во все стороны. Неизвестно откуда сразу же потянуло сыростью, вязкий мертвенный запах мигом окутал улицу, растекаясь по мостовой, тонкими струйками хлынул в подвалы домов. Провал зашипел, затрещал, взвизгнул, как будто само мироздание выпучивалось, корежилось, разрывалось на части. А затем, прямо из мрака неизвестности, на растрескавшуюся старинную брусчатку шагнул... человек? Высокий, неестественно стройный, посреди сумеречного города он казался воплощением невероятной грации и таинственной неведомой силы. Мерцающий в полумраке ореол бледных волос окружал темное лицо, подчеркивая этим ощущение нереальности. Незнакомец быстро осмотрелся по сторонам, несколько раз резко втянул носом воздух, словно прияхиваясь и замер, с интересом разглядывая Джеромо. Сам Лактис ничего этого не видел, так как все произошло у него за спиной, но отчего-то остановился на месте и насторожился. Напряженными, упругими движениями незнакомец приблизился к нетвердо стоящему на ногах пьянчужке, обошел вокруг него и пристально заглянул в глаза. Джеромо неуклюже отшатнулся, попытался отмахнуться, словно увидел самого черта и не поверил в происходящее. В слабом лунном свете вор сумел разглядеть дорогой темно-фиолетовый камзол незнакомца, щедро усыпанный изображениями омерзительных пауков, вышитых серебряными нитями. Великолепную перевязь, изящные ножны и замысловатый эфес клинка, похожий на клубок мерцающей паутины. А еще Джеромо увидел руки незнакомца - изящные, но сильные, моментально сомкнувшиеся на оружие, едва Лактис попробовал сунуть рука за пазуху, стараясь нащупать припрятанный там нож.

- Аль вир'с ло? - произнес незнакомец тягучим низким голосом, - Гро'эхх' ррраххх? Говоришь ли на языке низших, жалкий?

Последние слова, хотя и произнесенные с каким-то странным гортанным акцентом, Джеромо сумел разобрать. Пусть он и был сильно пьян, но подобного обращения не потерпел бы никогда и ни от кого на свете. Однако этот незнакомец отчего-то внушал ему просто животный, панический ужас.

- А? Что? Ах ты, нехристь... - заплетаясь от хмеля языком пробормотал Джеромо, отшатнулся в сторону, швырнул в незнакомца бутылку, и хотел было убежать. Но не успел. Одним неувловимым движением незнакомец выхватил клинок, и лезвие, словно ожившее в умелой руке хозяина, описало невероятную дугу. Джеромо хрипло вскрикнул и тяжело осел на мостовую, безнадежно пытаясь зажать рукой рассеченное до кости горло.

- Я и не надеялся на достойный прием, но встретить сразу по прибытии грязное пьяное животное - это уж слишком, - сквозь зубы процедил незнакомец, одновременно привычным движением добывая бьющегося в агонии Джеромо. Затем убийца равнодушно перешагнул через умирающего человека, отмерял три широких шага вперед, присел на колена, коснулся ладонью земли и прошептал:

- Ну, здравствуй, родина-мать. Мы вернулись, твои прекрасные блудные сыны. Скучала? Завела себе новые игрушки? Они уже беспокоят тебя? Не волнуйся, скоро мир вернется на круги своя. Мы исправим эту досадную ошибку творца, клянусь именем королевы. Так прими в свое лоно дом Заартал'н'Лолт, гордых, неустрашимых и беспощадных эдморов...

Последняя капля теплой человеческой крови, в полутьме улицы казавшаяся вязким сгустком ночного сумрака, сорвалась с острого лезвия и упала на грязную мостовую. Вечернее небо, только что казавшееся спокойным и унылым, вдруг расцвело всполохами ярких вспышек. Молнии прорезали густую завесу облаков и разом ударили в землю. Грохот небесного молота - грома - спустя мгновение отозвался многоголосьем разбитых стекол.

Вслед за этим, из мерцающего овала вышла первая стройная шеренга хмурых грозных воинов. Подошвы сапог из прочной кожи пещерных свипей бесшумно ступали на камни, холодным мато-

вым светом сияли в полумраке обнаженные клинки из закаленной гамуросской стали, зачарованные самой матерью-хранительницей Заартал'н'Лолт. Десятки и сотни, воины шли, заполняя собой переулочек дона Перлатти, улицу святого Лоренцо, площадь Феррадо...

К незнакомцу приблизился воин в темно-серой накидке, расшитой красными молниями, скрещенными в центре. Отрапортовав жестом руки, вскинутой к груди, он доложил:

- Первый отряд дома на месте, владетель Кай'ё'Рэт. Ждем ваших приказов.

Незнакомец, названный Кай'ё'Рэтом, поднялся и недоуменно взглянул на воина:

- Осмотрись вокруг, Парай'Орн! Тысячи грязных лачуг, мрачные подворотни и промозглые каменные подвалы. Неужели ты не слышишь, как здешние обитатели умоляют нас об избавлении? Идите и помогите всем этим жалким! Немедленно!

- Слушаюсь, владетель!

Парай'Орн прокричал несколько слов на том же странном языке, воины разбились на группы по три и молча, не издавая ни единого лишнего звука, направились к дверям ближайших домов. Удары ручных таранов срывали двери с петель, на деревянные крыши домов летели ярко пылающие факелы, град стрел из луков и арбалетов осыпал раскрытые окна и тех людей, которые проснулись и в ужасе выбегали из своих жилищ. Но и на улице спасения не было.

А из портала выходили все новые и новые отряды. Командиры получали подробные указания от Парай'Орна и немедленно вели угрюмых воинов дальше, в еще не охваченные нападением кварталы. Ветер разносил удушливый запах гари, перепуганные люди металась в пелене дыма, кричали, звали на помощь. А между ними, словно и не замечая жара пламени, внезапно, будто из ниоткуда возникали эдморские убийцы. Не зная пощады, они яростно срубали тяжелыми зазубренными топорами головы ничего не соображающим мужчинам, вспарывали короткими острыми клинками животы кричащих от ужаса женщин, и коротко, резко, неумолимо рассекали беззащитные детские шеи.

Крики и пожары в портовом районе стихли лишь к утру, когда в живых не осталось ни единой человеческой души. А с рассветом воины Кай'ё'Рэта маршировали уже по проспекту Рима, победоносно вступив в верхний город. Самое интересное для эдморов здесь еще только начиналось...

3 марта 1464 года

Неаполь

Буйство красок неожиданно разразившейся весенней ярмарки поражало воображение случайного прохожего. Крестьяне с уцелевших окрестных ферм воспользовались защитой стражи Магистрата и навезли целые горы всевозможной провизии - подводы заполнили площадь от края до края. Мастерские из квартала Сан-Джори выставили палатки, нарочито громко бряцали оружием кузнецы с улицы Пантико, радовали глаз расцветки домотканых пледов и накидок, празднично шатающихся горожан донимали навязчивые уличные мимы. Город оживал после долгой холодной зимы и столь же длительной осады, всего месяц назад снятой с Неаполя четвертой ударной имперской армией под предводительство непобедимого "Испанского хитреца" - маршала Амигеля дель Сорро. Войска, с огромным трудом, но весьма незначительными потерями, сумели отбросить эдморских захватчиков всего на пару десятков миль от крепостных стен. Кровавые сражения на юго-востоке шли день и ночь, множество отрядов бледноволосых шныряло по окрестным лесам, досаждала армии мелкими стычками и представляла серьезную угрозу фермам - но, все равно, усталые и довольные люди спешили урвать у судьбы свой кусочек счастья.

Мужчина, неспешно гуляющий меж торговых палаток, не походил ни на крестьянина, ни на ремесленника, ни, упаси боже - на доверчивого покупателя. Взгляд его серых бесцветных глаз отстраненно скользил по селянам, горожанам, солдатне. Изредка замирая на редких образцах антиквариата, выставленных для торга собирателями древностей. Но ничего достойного его внимания так и не нашлось.

Он уже хотел покинуть торговую площадь, когда его внимание привлекли угрожающие крики людей на противоположной стороне.

- Утопить гаденыша, да! - требовал первый голос.

- Нет, нет, вздернуть! - настойчиво повторял второй.

- Сжечь его! Непременно сжечь на большом костре! - визгливо прозвучал голос епископа Неапольского Мийема Пабуя.

Оставить подобное событие без внимания мужчина не мог. Уверенным шагом он направился к толпе, и при его приближении люди моментально умолкали и почтительно расступались.

- О, у нас высокие гости! Сама Инквизиция пожаловала... - язвительно ухмыльнулся желтизной кривых зубов местный священник, - желаете присоединиться, архимагистр Мартин Ингирами?

- Хочу знать, что происходит, - холодно произнес мужчина.

- Вот, взгляните, поймали бесовское отродье! - не скрывая отвращения, епископ жестом указал на небольшую деревянную клетку. Внутри, на жесткой соломенной подстилке, жалобно скуля и потирая разбитую коленку, из которой сочилась кровь, лежал подросток-эдмор. По человеческим меркам ему можно было дать не больше семи - восьми лет, хотя люди давно уже знали, что бесы живут намного дольше и стареют - гораздо медленнее. Грязный, оборванный, наверняка страшно голодный, он скорчился в углу, обхватив ладонями голову, на которой не было ни единого волоса. Обозленный, полный ненависти взгляд пленника обреченно скользил по лицам людей, окружавших клетку и замирал, натываясь на толстые сучковатые палки или остроконечные пики, которыми горожане, с видимым удовольствием, били и кололи подростка.

Несколько долгих секунд Мартин внимательно смотрел на мальчишку, словно пытался проникнуть взглядом под его темно-серую кожу, разглядеть трепыхающееся сердце, пронзить лысый череп и вызнать мысли юного паукопоклонника. Затем резко отвел взгляд и громко спросил:

- Кто поймал его? Кто хозяин раба?

- Я, монсеньер... - неохотно отозвался невысокий плотный мужчина, судя по одежде - охотник... или же браконьер, черт их теперь разберешь. Официально церковь не поощряла владение людьми, но все же статус раба, которым Мартин наградил подростка, давал тому пусть и небольшой, но реальный шанс выжить. Потому как пленных эдморов всегда сжигали. Так захватчикам мстили за издевательства и пытки над людьми, ведь бледноволосые обожали устраивать кровавые оргии и наслаждаться человеческой болью, принося несчастных в жертву темной богине Лолт. Быстрая смерть от зачарованного клинка считалась в те годы редкой удачей.

- Сколько хочешь? - громко произнес Мартин, - Сколько денег хочешь за мальчика! - с ударением на слове "мальчик" прибавил он. Нотки властности отчетливо прозвучали во второй фразе.

- Не знаю... Сто монет? - неуверенно начал новоявленный рабовладелец.

- Вот, возьми, - Мартин отвязал от пояса мешочек и, не глядя, бросил его в сторону хозяина, - Открой клетку.

Охотник подхватил деньги и повиновался. Мальчишка затравленно взглянул на открытую дверцу. Мышцы его напряглись, он еще больше вжался в угол, и пальцы пленника отчаянно ухватили жидкий пучок соломы - никакого другого оружия у него сейчас не было.

Мартин склонился перед клеткой и тихо произнес:

- Если ты убежишь от меня в городе, тебя наверняка схватят и казнят, ведь я уже не смогу оказаться рядом и помочь. Да и денег в моем кошельке не так много, чтобы выкупать глупого мальчишку еще раз. На твоём месте, я бы старался держаться поближе и не отставать. Понял меня?

Пленник размышлял не дольше одного удара сердца, а затем резко кивнул.

- Отлично. Я рад, что мы поняли друг друга, - усмехнулся Мартин, - Я буду звать тебя Араксин. Иди за мной.

Странная пара неторопливо двинулась через площадь: одетый в строгую мантию тайной службы святой католической церкви мужчина в ранге архимагистра и оборвыш-подросток эдморских кровей. Но ни один человек в округе не рискнул хихикнуть или даже просто усмехнуться, глядя им вслед.

Едва закрылась тяжелая дубовая дверь в доме Мартина, как мальчишка отскочил в сторону, опустил на колени и сжался в углу. Архимагистр грустно усмехнулся:

- Боишься? Это нормально. Страх - это хорошее чувство, не бояться только дураки и фанатики. Но я не хочу, чтобы ты вырос ни тем, ни другим.

При слове "вырос" брови мальчишки недоуменно взлетели вверх - кажется, он и не предполагал, что ему суждено остаться в живых. И, наверное, уже размышлял - зачем высокому седому

мужчине, наделенному немалой властью среди людей, может понадобиться эдморский подросток. Не иначе, этот архимагистр задумал какую-то особо изощренную пытку.

Словно прочтя мысли оборванца, отец Мартин отпер только что запертый им замок на двери и прошел дальше в дом. Произнес на ходу:

- Ты свободен, мне не нужны рабы. Только помни, что я говорил о людях в городе. Пойми - твои сородичи принесли им слишком много бед и несчастий. Тебе все равно, но даже я могу их понять. Вот только оправдать - это вряд ли...

Мальчишка, приоткрывший было створку двери, тяжело вздохнул и нехотя закрыл ее.

- А что значит мое имя - Араксин? - негромко произнес он. Но архимагистр все же услышал вопрос. Он выглянул из комнаты, плотно сжал губы, а затем так же тихо ответил:

- Так звали моего сына. Бледноволосые убили его вместе со всей моей семьей. Мы жили в Генуе...

Кадык на шее мужчины резко дернулся, но архимагистр сдержал чувства, рвущиеся наружу.

- Переоденься, наверху есть комната, там остались кое какие вещи сына... И спускайся ужинать. Да, я очень давно ни с кем не делил пищу у себя дома, поэтому ложка у нас будет одна на двоих. Прости... - с этими словами он обернулся и исчез за дверью комнаты.

Подросток медленно встал на ноги, задумчиво почесал затылок и еле слышно прошептал:

- А что такое - ложка, и зачем она нужна?

Прежде он всегда ел только руками и никогда еще не жил в настоящем каменном доме.

Окрестности Рима

4 августа 1473 года

Сумерки укутали отвесный берег Тибра, невесомой тенью струилась дымка над разогретой за день водой. Скрылась в полумраке старая деревянная пристань, унылые бараки черни и пустующие склады торговцев. Утихли звуки, угасли краски - лишь завораживающе серебрилась лунная дорожка на поверхности вечной реки. Беспokoйный день, полный тревог и волнений, растворился в океане вечности - весь, без остатка.

Юный Араксин Ингирами даже не старался двигаться бесшумно. Это умение, впитанное сыновьями Лолт вместе с молоком матери, давало о себе знать - ни единый звук не нарушил спокойствия и умиротворения, царившего вокруг. Юноша подошел к обрыву, расстелил на шершавом песке тонкую накидку и присел на колени, словно вознося хвалу многоногой темной богине. Так прошло немного времени... Ровно столько, чтобы Араксин смог убедиться в отсутствии слежки или же случайных прохожих. Тогда он встал, свернул накидку, направился к ближайшему хлипкому сараю, отодвинул одну из досок и через мгновение скрылся внутри.

В неровном, дрожащем свете масляной лампы, буквы ложились на лист неровно, строки толкались, сталкивались, словно хотели помешать друг дружке. Юный Ингирами старался, как мог, надеясь, что учитель сумеет пробиться сквозь корявый почерк и слабое знание латыни. Дописав, он еще раз бегло перечитал донесение вслух, опасаясь, что в спешке мог упустить какие-либо важные детали:

-... пятого числа месяца августуса, ...собор святого Петра, ... свой человек среди братии откроет ворота, ...за час до полуночи, ...цель - маршал дель Сорро.

Убедившись, что все в порядке, юноша свернул лист вчетверо и затолкал в узкую щель меж полом и стеной. Именно отсюда ее должен рано утром забрать гонец тайной службы и доставить лично архимагистру Мартину. Тогда у маршала будет еще целый день на то, чтобы подготовиться к нападению, а у Араксина - чтобы незаметно исчезнуть.

Все также бесшумно, юноша выскользнул из сарая и еле заметной лесной тропинкой вернулся в лагерь. Храбрые воины-эдморы крепко спали, уютно устроившись в походных спальниках - свиная кожа и овечья шерсть оказались не хуже, чем истлевшие под гнетом времени плетеные мешки из пушистой невесомой паутины арамехов.

Не дремал лишь караульный. Остановив юношу жестом, он шепотом спросил:

- Хорошо помолился владычице? Готов завтра умереть за нее?

- Да, готов! - тихо, но уверенно ответил Араксин, - но только я постараюсь остаться в живых. Моя жизнь и мой клинок принесет больше пользы хранителям, чем глупая и бессмысленная смерть.

- Ну, да... Твоя правда, - нехотя кивнул часовой.

Засыпая, юноша повторил про себя молитву, произнесенную на берегу. Правда здесь, среди бледноволосых, он не мог рисковать и потому не перекрестился, завершая разговор с Богом. По этой же причине он не носил и крест.

Окрестности Рима 5 августа 1473 года

Еще не проснулись жаворонки, когда юношу разбудил болезненный пинок под ребра. Уже через мгновение он - в полной готовности, одетый, обутый и вооруженный - пережевывал скудный полевой завтрак, давясь и едва успевая запивать черствую пшеничную лепешку горьковатым настоем тысячечвета. Вокруг сновали воины - убирали следы ночевки, точили узкие короткие клинки и смазывали смертельным паучьим ядом наконечники стрел.

Не успел Араксин проглотить последний кусочек, когда к нему подошли трое: двое воинов, имена которых юноша не успел еще запомнить и Марсалорн - предводитель отряда и самый опытный боец в группе.

- Араксин, ты пойдешь в тройке с Мирсулом и Зарланом! - распорядился главный. - Вы должны пробраться в город и в назначенное время оказаться на площади перед храмом Святого Петра. Мимо стражи Магистрата через ворота вам, конечно, не пробраться, но я объяснил Мирсулу, как найти потайной лаз под городской стеной. Это часть старых катакомб, которые вырыли еще первые христиане - по этому ходу они незаметно покидали город, чтобы поклониться своему беспомощному распятому мессии, и возвращались назад, избегая попадать на глаза римской страже. Древние правители империи не очень-то любили святош, и правильно делали, между прочим. Пусть теперь эти труды праведные против них же и сыграют, хе-хе... - злорадно рассмеялся эдморский воин.

Брови Араксина на мгновение взлетели вверх - тайная служба, конечно же, знала о существовании подземелий в Риме. Но архимагистр Мартин пребывал в абсолютной уверенности, что все проходы, ведущие наружу, уже давным-давно завалены или замурованы. Между тем Марсалорн продолжал:

- По этому проходу вы попадете в заброшенный колодец на заднем дворе одного трактира. Хозяина мы уже подкупили, он пустит вас в дом и подберет одежду уличных комедиантов. Переоденьтесь, намажьте белым гримом лицо и руки, наденьте парики - так меньше шансов, что вас узнают. Хозяин покажет дорогу, пойдете на улицу Машерино. Укроетесь в предпоследнем доме перед выходом на площадь. Дом сейчас пустует, останетесь там до вечера. В половине восьмого к вам присоединятся остальные и тогда выдвигаемся на позиции. Все ясно?

- Да! - дружно кивнула троица, и уже через несколько минут маленький отряд отправился в путь.

Попасть в город оказалось много проще, чем того ожидал юный Ингирами. Но подкоп, безусловно, могли бы вырыть и пошире. Однако и так, не обремененные от природы лишним весом, эдморцы всего за час проползли добрые полмили по низкому тоннелю, по колено заполненному грязной вонючей водой. Отыграли костяшками пальцев условленную дробь на задней двери таверны и спустя три вдоха услышали скрежет отпираемого замка. Хозяин, невысокий полный и традиционно лысоватый итальяшка, жадно выхватил из рук Мирсула мешочек с золотом, и, бормоча что-то на своем бестолковом языке, буквально запихал эдморов внутрь. Костюмы оказались малы, обувь натирала ступни, а слишком жидкий грим норовил слезть и показать миру истинный цвет кожи новоявленных комедиантов. Но за долгие годы войны захватчики привыкли к вечной неустроенности и сносили неудобства молча. Все окупится сторицей, если сегодня получится убить одного из лучших маршалов имперской армии. Это деморализует силы людей и позволит повелителю Коё победить в предстоящем сражении за Рим. Если падет столица - сопротивление людей угаснет, и вскоре уже вся объединенная Европа ляжет у ног дома Заартал.

Ах, если бы владетель Кай'ё'Рэт знал, что молниеносная атака и уничтожение Генуи вовсе не станет началом победоносного шествия эдморов по миру людей. Долгие годы слились в века с тех пор, как последний из расы перворожденных покинул эту землю. Люди давно стали другими...

Но первые доклады разведки, казалось, предвещали легкую победу - население близлежащих земель оказалось раздроблено на небольшие города-государства, не имело единого руководящего центра и сколь либо серьезной армии. В результате, молниеносный бросок Кай'ё'Рэта на юг позволил без труда захватить и полностью уничтожить несколько крупных поселений - под натиском захватчиков пали Болонья и Флоренция, Анкона и Перуджа. В плотном кольце блокады оказался Рим, передовые отряды бледноволосых подошли вплотную к Неаполю. Беспощадность воинов и коварство магии Лолт не знали преград. Казалось, еще немного и весь мир падет ниц перед могуществом новых хозяев.

Но внезапно нашлась в мире сила, которая смогла объединить вечно враждующие мелкие поселения, и они начали быстро сливаться в единое государство под знаменем святой католической церкви. Страх перед захватчиками, которых люди моментально окрестили адскими демонами за цвет волос и кожи, сплотил человеческую империю буквально за несколько лет. Первому римскому императору-папе даже не пришлось очень сильно стараться. Отчаявшиеся люди готовы были пойти за любым сильным лидером, лишь бы победить в этой войне - ведь на кону стояло выживание людей как расы. А с дальних окраин объединенной империи на помощь шли все новые и новые отряды человеческих воинов. В ряды католической армии становились германцы и французы, австрийцы и венгры, сербы и даже русские казаки. Так, спустя тридцать девять лет после открытия портала, вместо разрозненного стада вчерашних потомков животных, Кай'ё'Рэт воевал уже с огромной страной, имевшей жесткую иерархию власти и многочисленную армию, дисциплинированную и неплохо обученную. Молниеносное наступление захлебнулось в море человеческой крови. Люди ни капельки не торопились сдать свою землю на откуп пришельцам из-за барьера миров. Магия бледноволосых всегда славилась своим коварством и изощренной жестокостью. Зачарованные клинки воинов помнило вкус крови тысяч и тысяч жертв, но - людей оказалось слишком много! Правда, и это не остановило бы наступление армии дома Заартал'н'Лолт, если бы на сторону людей не встало само мироздание. По непонятным причинам портал в родной мир эдморов закрылся. Подкрепление от дружественных домов-кланов осталось за барьером. Лучшие хранительницы дома Заартал вынуждено покинули поля сражений и принялись искать причину столь неожиданного явления. А в это время имперская армия раз за разом наносила поражения Кай'ё'Рэту. И вот сейчас у бледноволосых появилась отличная возможность перетянуть удачу к себе. Если имперская армия лишится столь умелого и талантливого военачальника накануне главного сражения, исход битвы за столицу новой империи будет предreshен. Такой прекрасной возможности Кай'ё'Рэт ждал очень давно, и именно поэтому Араксина посчитал, что передать сведения о готовящемся убийстве в канцелярию тайной службы - крайне важно.

Но сейчас он напряженно ждал - сидел на полу, расстелив полевую накидку, и сосредоточенно изучал подробную схему внутренних покоев собора Святого Петра. Комната маршала была обведена жирными линиями - подкупленные эдмора мелкие церковные служки, за определенное количество презренного желтого металла, сумели выведать эту тайну, весьма тщательно охраняемую стражей инквизиции. Если бы не продажность людей в целом, и некоторых высокопоставленных чиновников империи в частности, воевать против них стало бы гораздо труднее.

Спутники Араксина тоже не теряли времени даром. Мирсул внимательно наблюдал за улицей, переходя от одного окна к другому. Зарлан только что закончил шлифовать и теперь вновь смазывал ядом кинжал, которым он хладнокровно убил хозяина таверны, едва тот выполнил свою часть сделки. Обычно бледноволосые так не поступали, иначе никто бы не стал иметь с ними дела. Но сегодняшнее нападение было слишком важным, а как иначе получить гарантию того, что жадный итальяшка не побежит в тайную службу, надеясь еще раз перепродать важную информацию?

День тянулся невыносимо медленно, а подходящего момента, чтобы незаметно скрыться, никак не находилось. Араксин всерьез начал волноваться - часы на стене показывали уже около восьми, а никаких стоящих идей в голову так и не пришло. Мирсул и Зарлан постоянно находились рядом, ускользнуть от лучших эдморских разведчиков не представлялось возможным, а времени оставалось все меньше и меньше. Юноша помнил, что архимагистр Мартин, приемный отец и наставник юноши, строго наказал ему любым путем избежать проникновения внутрь собора. В су-

матохе боя юного эдмора легко могли убить, приняв за врага, а терять столь ценного помощника, да еще приемного сына, глава тайной службы вовсе не собирался. Однако юноша ни на мгновение не оставался один, и постоянно находился в поле зрения своих товарищей, как будто им приказали неотрывно следить на юным Ингирами.

Гулкий бой часов заставил Араксина вздрогнуть от неожиданности - пробило восемь. Сразу вслед за этим раздался условленный стук. В открытую дверь ввалились еще четверо эдморов, закутанные с ног до головы в яркие пестрые наряды восточных танцовщиц.

- На переодевание - две минуты, затем выходим! - одной из красавиц оказался Парай'Орн, командир отряда убийц и доверенное лицо самого Кай'е'Рэта. Сердце юного Ингирами забилося сильнее - теперь скрыться не удастся, придется идти в собор. Иначе его раскроют и немедленно убьют.

Внутреннее убранство храма вовсе не поражало роскошью или великолепием - длительная война истощила богатства страны. Сейчас собор больше напоминал военный штаб действующей армии, чем главную католическую святыню. Война, как всегда, преобразила все на свете. Впрочем, в данном случае церкви скорее повезло. До начала войны между людьми и эдморами, католичество не имело и сотой доли той власти, которую получило теперь. Этот храм не так давно представлял собой лишь небольшую базилику с останками апостола Петра. Сейчас же он монументально возвышался над окрестностями, став центром сопротивления всего человечества.

Прячась в рваных складках теней, живущих во внутренних покоях собора там, где не горели редкие смоляные факелы, убийцы быстро двигались по боковому коридору храма. Стражники, охранявшие запасной выход из здания, были мертвы - они не успели даже опомниться и вытащить оружие, когда из шумной галдящей толпы уличных артистов в них полетели тяжелые короткие дротики, пущенные умелой рукой Марсалорна. А вскрыть замок на двери, сделанный всего лишь лучшими умельцами из числа людей, для Мирсула оказалось и вовсе плевым делом.

Парай'Орн, лично спланировавший нападение, продумал все до мельчайших деталей - как проникнуть внутрь, как обойти тайные посты стражи, где расправится с маршалом и даже каким образом незаметно покинуть здание. Не учел он лишь одного - Амигель дель Сорро уже давным-давно покинул храм, в его покоях бледноволосых ожидает засада, а все пути к отступлению перекрыты лучшими бойцами имперской гвардии. Знал об этом лишь Араксин... Знал и никак не мог сообразить - что и как предпринять, чтобы спастись. Но тяжелое дыхание Зарлана, бегущего позади, сводило на нет любые попытки скрыться или избежать схватки. Оставалось резво перебирать ногами, стараясь не отстать от маячащей впереди широкой спины Мирсула.

Они пересекли небольшую залу, расположенную еще довольно далеко от покоев маршала, когда резкий свист арбалетных болтов ударил по чувствительным ушам Араксина. Эдморы среагировали молниеносно, но двигаться быстрее стрел не могли даже они - двое воинов, шедших первыми, замертво рухнули на красивый мраморный пол. Вслед за этим под потолком ярко вспыхнули факелы, заливая все вокруг желтым дрожащим светом и лишая, тем самым, бледноволосых убийц своих естественных преимуществ. По стенам взметнулись резкие колючие тени, ощерились зачарованные клинки, тонко запела в предчувствии свежей крови гамуросская сталь - схватка в соборе началась. Около двух десятков вооруженных гвардейцев бросились на немногочисленный отряд эдморов из боковых дверей залы, имперские воины на верхнем ярусе спешно перезаряжали арбалеты - на их лицах блестел пот, и они изо всех сил крутили тугую рукоятку блока, натягивая струну. Они торопились, ведь пара точных выстрелов могла бы существенно облегчить бой для тех, кто дрался с эдморами мечами и кинжалами. А гвардейцы, заключив отряд убийц в круг, методично наносили удары, стараясь переиграть умелых и бесстрашных темнокожих воинов.

Юный Ингирами несколько раз пытался увернуться, выскользнуть из горячки боя и незаметно скрыться в каком-нибудь укромном месте, но невероятным образом каждый раз оказывался в гуще событий. Он не мог драться с людьми, его вера и его чувства не позволяли ему причинить вред человеку, но иного выхода сейчас не было - или он убьет, или убьют его...

Вот только в рукопашной схватке бледноволосые заметно превосходили людей. Раз за разом на изящный пол собора падали воины империи, раз за разом удовлетворенно выкрикивали победный клич эдморы.

На миг Араксин встретился взглядом с командиром гвардейцев. Тот стоял на верхнем ярусе балюстрады, и лютая ненависть до краев наполняла красным его глаза. И этот взгляд, на понятном лишь воинам языке сказал Араксину - я убью тебя. Юноша отшатнулся в сторону, словно отгоняя видение. Махнул клинком наотмашь, отбрасывая очередного атакующего, и случайно задел шейную артерию гвардейца лезвием кинжала, зажатым в другой руке. Воин с хриплым криком упал на пол, обливаясь хлынувшей кровью, и Араксин услышал полный ярости вопль - кричал командир. Вслед за этим он спрыгнул вниз, выхватил длинный тонкий клинок, почти такой же, как у эдморов, и одним точным выпадом пронзил бледноволосого бойца, отправив его к тем двум товарищам, что лежали неподвижно. А уже через мгновение теснил в угол комнаты еще одного эдмора. Превосходство в схватке внезапно перешло к людям...

Юный Ингирами и сам не помнил, каким чудом сумел тогда выбраться из собора, добежать по ночным улицам до постоялого двора и нырнуть в спасительный лаз. На шатающихся от усталости ногах он брел по окрестным полям, надеясь добраться до фермы Аброзия Ферлио. Он гостил там всего неделю назад, когда хозяин фермы и отец обсуждали между собой маршрут, по которому Араксину предстояло скрыться от возможного преследования. Всего проработали четыре маршрута отступления, но Араксин решил воспользоваться именно этим - ферма располагалась ближе всего от города, да и, что греха таить, обворожительная Люция, дочка Амброзия, очень приглянулась юному эдмору. Впрочем, и девушка не раз дарила улыбку угрюмому и малообщительному чужаку, который непостижимым образом тронул сердце красавицы. Может потому, что юный Ингирами, как никто другой, знал истинную цену свободе и счастью...

Из последних сил юноша постучал в двери и прислонился к стене, опершись на спину. Отер дрожащей от усталости ладонью испарину со лба, отбросил в кусты окровавленный клинок и замер в ожидании. Через мгновение дверь открылась и Араксин, почти без сознания, ввалился в дом. Он и представить не мог, что по его следу, не останавливаясь ни на мгновение, идет командир особого отряда гвардейцев граф Лиентин дель Моргл. Он поклялся, что проклятый бледноволосый, которого он запомнил время схватки в соборе, умрет самой ужасной смертью на свете.

Ферма Амброзия Ферлио 6 августа 1473 года

Розовый куст благоухал, наполняя воздух неповторимым ароматом весны и любви. Раны на теле эдмора затягивались быстро, и сейчас Араксин уже вполне самостоятельно передвигался на ногах, любясь очаровательным профилем красавицы Люции. Девушка отказывалась идти на прогулку, опасаясь за здоровье юноши, но он все же настоял, уверяя - что чувствует себя превосходно. Хотя иногда чуть заметно спотыкался и хватался рукой за стволы деревьев, окружающих живописную лесную тропинку.

Молодые отправились на берег реки, прошли по узкой песчаной полосе на высоком берегу Тибра, спустились к самой воде и больше часа беззаботно плескались в теплой, прозрачной воде. Араксин все никак не мог насмотреться на красавицу - дочку фермера, и поэтому домой они вернулись лишь под вечер.

Еще только подходя к дому, юный Ингирами нутром почуял неладное. Он жестами остановил Люцию и попросил ее не издавать звуков, а сам, осторожно подошел к двери. Приложил ухо к замочной скважине и так замер на некоторое время. Затем, словно успокоившись, медленно отворил створку... и дернулся всем телом, рванулся вперед, резко крикнул так, что стаи окрестных ворон разом взвились в воздух. В доме все оказалось перевернуто вверх дном, старинная резная мебель сломана, дорогая венецианская посуда разбита... Но эти мелочи не имели теперь никакого значения - ведь хозяин дома, его супруга и младшая дочь, с ног до головы покрытые кровью, лежали на большом круглом столе в гостиной. Они еще дышали, но страшные открытые раны на их телах говорили только об одном - им не выжить. А напротив входа, наведя на Араксина взведенный арбалет, сидел в кресле командир гвардейцев, которого юноша видел в соборе.

- Ну, вот ты и вернулся, гаденыш, - скривив рот, произнес граф дель Моргл, - я уже отомстил твоим друзьям-пособникам за смерть моих людей, а сейчас приготовься сдохнуть и ты, бесовское отродье!

Араксин мог бы сказать этому безумному вояке много разных умных и правильных слов о том, что они не противники, и что схватка в соборе - всего лишь нелепая случайность. Но говорить почему-то расхотелось, а черная эдморская кровь на мгновение вытеснила из разума юноши все, чему долгими вечерами учил мальчика мудрый отец Мартин. Он прыгнул, прекрасно зная, что не успеет обогнать болт. Но он слишком сильно хотел добраться до тонкой открытой полоски в дорогах стальных доспехах, за которой виднелось горло чудовища в обличье человека, сидящего напротив. Очень сильно хотел.

Болт разрезал воздух стремительной молнией, блеснул в лучах заходящего солнца и глухо ткнулся во что-то позади. И тут же раздался хриплый сдавленный стон. Араксин, рискуя получить смертельный удар, исхитрился и взглянул назад. И обмер - беспомощно шаря рукой по косяку и пытаясь удержаться на ногах, на землю оседала Люция. Колючее оперение болта торчало прямо посередине ее груди, заливая красным роскошную белизну дорогого китайского шелка.

Больше юный Ингирами не стал терять ни мгновения. Взвившись коршуном, он в сумасшедшем прыжке загнал острие клинка в горло чудовищу, по иронии судьбы родившегося человеком.

Предместья Парижа 4 сентября 1478 года

Далеко в прошлом остался проклятый Италийский полуостров, понемногу утихла боль в сердце, растаяли в тумане времени события пятилетней давности. Хоть память эдморов и гораздо яснее человеческой, но если ты сам очень хочешь забыть, то на свете нет ничего невозможного. А еще из памяти и сердца навсегда вычеркнул отец и все учение святой католической церкви. Поэтому, что даже сам человеческий бог не смог защитить ни себя, ни самую чистую и безвинную из всех своих дочерей своих. Чего же тогда ожидать другим?

Сейчас Араксин служил в особом тайном отряде бледноволосых, охранявших семью Лор'н'рины Лолт, матери-хранительницы дома Заратал. Попал он туда совершенно случайно, сразу после того, как вышел из тюрьмы, где просидел четыре года за убийство графа, и отрекся от приемного отца - архимагистра Мартина. Араксину грозило гораздо более серьезное наказание за гибель дворянина, но благодаря протекции руководства Инквизиции, срок удалось существенно сократить. Однако юноша уже не оценил должным образом вмешательства Мартина - в его душе вместо благодарности жила только пустота и разочарование.

После сокрушительного разгрома армии Кай'ё'Рэта в битве за Рим, война между людьми и эдморами сама по себе незаметно начала стихать. Единой могучей армии дома Заартал больше не существовало. И хотя небольшие разрозненные отряды вчерашних грозных захватчиков еще шныряли по разоренной войной и болезнями стране, приближенные и личная охрана хранительницы дома покинули материк и обосновались на острове Сицилия. А оставшиеся в живых бывшие воины паучьей королевы стали расползаться по стране, потихоньку обосновываться в маленьких уединенных селениях, нередко заводили семьи и даже рожать детей от девушек человеческого рода. Встретить на дороге темнокожего и бледноволосого эдмора, ныне беззаботно возделывающего землю или примерно работающего на хозяина-человека, стало не такой уж большой редкостью. К ним, как и ранее к варварам с севера и востока, постепенно все привыкли.

Не смирился с таким положением дел лишь один только Араксин. Он не верил больше в наивные проповеди христианских священников, но и безумная магия темной богини совсем не прельщала его. Решив, в конце концов, стать простым наемником, он, тем не менее, волею случая оказался на службе именно у своих сородичей. И сейчас, если те обрывки разговоров, которые он намеренно выводил при каждом удобном случае, не обманывали - он сопровождал в тайную поездку по Европе младшую дочь самой владычицы дома.

Еще слухи донесли, что хранительницы наконец-то сумели придумать хитроумный способ открыть порталы в мир, откуда пришли неудачливые завоеватели. Это меняло многое - если сейчас в этот мир придут армии дружественных домов, неустойчивый баланс немедленно рухнет. Вновь пожаром вспыхнет едва угасшая ненависть, опять начнется война, прольются реки крови с обеих сторон...

Юный Ингирами не хотел этого. Он уже не верил в безоговорочную победу эдморов и боялся, что после новой волны насилия, люди не остановятся и уничтожат оставшихся бледноволосых.

Ведь избежать массовой гибели после разгрома в битве за Рим удалось лишь выплатой огромной контрибуции из богатой некогда казны дома. Даже побежденные, воины были нужны владычице гораздо больше, чем презренные желтые слитки металла.

Оставалась последняя ночь - утром отряд намеревался войти в предместья французской столицы. Араксину не спалось. Он чувствовал приближение чего-то непостижимого, таинственного. А еще - юноша стал замечать непонятные пристальные взгляды, которыми его награждали служители культа Лолт. Причины такого отношения пока оставались для него загадкой, которую требовалось разгадать во чтобы-то ни стало.

Главный шатер хранительницы установили на вершине пологого холма, обильно заросшего бурьяном, со всех сторон расположились четыре усиленных дозора стражи. Проскользнуть незамеченным меж постов элитных эдморских воинов не сумел бы никто, потому Араксин еще вечером незаметно подсыпал в пару бутылок молодого виноградного вина надежное сонное зелье. Распитое вместе с караульными, зелье подействовало немедленно, и если бы юноша заранее не принял настой песчаного корня, противодействующий зелью, лежать бы ему сейчас точно так же - вповалку меж брошенных наземь клинков. Все прошло замечательно - кое-чему юношу все же успел научить архимагистр Мартин, в тайне от собратьев по службе изучавший наследие знахарей и ведьм, живших среди людей.

Миновав караульных, спящих глубоким сном, юный Ингирами подполз к шатру, приложил ухо к ткани и услышал голоса:

- Для того, чтобы чары сработали, нужна темная душа, добровольно принесенная в жертву! Мать сказала, что это обязательное условие, иначе заклятие не сработает, - надменный и чуть визгливый голос наверняка принадлежал хранительнице. Араксина всего аж передернуло от презрительных эманаций, которые вполне осязаемо излучала юная Раслин'на Лолт.

- Это невероятная глупость, госпожа! Уж поверьте, госпожа, никто из нашего племени не согласится умереть добровольно. Даже если предположить, что у нас есть души, в чем лично я весьма сильно сомневаюсь, - Араксин сразу же узнал собеседника хранительницы, пускай он слышал этот голос всего один раз в жизни.

- Ваши предположения не играют сейчас никакой роли, владетель. Есть условие и вы должны его выполнить. Совет хранителей и сама мать с огромным трудом получили секрет заклятия, и я не собираюсь обсуждать с вами детали. Или владетель забыл слова клятвы, принесенные на алтаре королевы Лолт? - в голосе Раслин'ны недвусмысленно прозвучали угрожающие нотки.

- Что ж, у меня есть на примете один юнец. Есть у него душа, или нет - не так уж и важно, потому что для него смерть может стать лучшим выбором. Я знаю о нем все - люди внушили ему веру в своего беспомощного бога, а затем гнусно надругались над его чувствами и желаниями. Я уверен, что в его сердце до сих пор живет мечта о мести. Он должен ненавидеть людей гораздо больше, чем даже мы...

- Не знаю, что чувствуете вы, но я людей всего лишь презираю. Ненавидеть можно только равного себе, а люди - они так мало отличаются от животных. Даже их глупая вера... Кстати, ваша идея превосходна - открыть портал в подземельях главного собора Парижа, и показать наивным людишкам, что бесы могут войти в любое место, даже в храм. Представляю себе лица католических святош - им нечего будет ответить, люди перестанут подчиняться церкви и тогда имперская армия развалится изнутри. Просо гениальная идея, владетель!

- Благодарю вас, Раслин'на. Я старался...

- И у вас получилось. Действуйте, владетель Кай'ё'Рэт. Я верю в нашу победу!

- Рад служить вам, хранительница!

На этом разговор закончился, раздались удаляющиеся тяжелые шаги и юноша постарался как можно скорее убраться восвояси, опасаясь попасться на глаза страже. Все, что нужно, он уже узнал и почти сразу догадался, что речь идет именно о нем. Ведь никто другой из свиты хранительницы никак не подходил под описание. Вот только хочет ли он, чтобы бледноволосые вновь наполнили этот мир реками крови и мерзкими отвратительными обрядами во славу темной паучьей королеве?

Араксин вернулся в свою палатку, не раздеваясь лег в походный спальник и крепко задумался. Выходило, что бледноволосые действительно обнаружили способ вновь открыть портал. Ведь не устроили же Кай'ё'Рэт и Раслин'на эту поездку для лишь для того, чтобы таким хитроумным спо-

собом убить его? Даже если бы узнали, что однажды именно благодаря юноше отряд лучших убийц дом попал в засаду - наверняка нашлись бы методы и попроще. Хотя - судя по словам Кай'ё'Рэта, он кое-что все-таки знал о прошлом юного Ингирами! И при этом никак не проявил этого знания, напротив - взял юношу в охрану семьи самой главной хранительницы дома. Значит, слухи не врали и подкрепление для армии эдморов очень скоро может ступить на землю этого мира. И война вспухнет с новой силой...

Араксин встал и принялся массировать виски кончиками пальцев, разгоня застоявшуюся кровь. Неужели только от него одного сейчас зависело будущее этой земли, которую люди называли Европой? Если он согласится, то портал откроется сейчас, если откажется и сбежит - то требуемой жертвой станет кто-то другой и эдморы так или иначе заполучат себе энергию темной души, которая откроет врата. Что же делать? Как обмануть Кай'ё'Рэт, каким образом помешать планам владетеля и юной хранительницы?

А может, действительно - это самый лучший выход для него? Умереть во славу темной богини, как и предписано с рождения любому эдмору из дома Заартал? Открыть портал и уничтожить людей, обманувших его и отнявших у него мечту о счастье и любви? Они ведь вполне этого заслуживают - их подлость, низость и предательство не раз открывало запертые двери и впускало смерть и опустошение в города, поселения, дома... Сколько людей погибло из-за того, что каждый человек думал в первую очередь только о себе и своей корысти. О мелкой выгоде, которую ему посулят эдморские шпионы! А взамен - без каких либо угрызений совести продаст соседа, друга и уж тем более случайного незнакомого человека. И разве не заслужил мучительную смерть проклятый граф дель Моргл, в приступе безумной ненависти убивший всю замечательную семью Ферлио, которая столько раз привечала и дарила заботу юноше? А Люция, юная Люция, не сделавшая никому ничего плохого - за что умерла она? Почему Бог позволил этому случиться?

Араксин подошел к столу, зажег свечу и дрожащей рукой налил себе темного густого вина. Сделал большой глоток и вдруг с ненавистью отшвырнул кружку! Нет, он не будет уподобляться этой отвратительной привычке людей - глушить боль в пьянстве.

Юноша вновь опустился на пол и обхватил голову ладонями. Мысли о Люции не давали покоя - почему, почему он не смог ее спасти, сберечь... В сотый раз юноша вспоминал каждый час, каждый миг, когда находился с ней рядом. Вспоминал ее улыбку, звук ее голоса, слова... В ту ночь, когда он ввалился в дом Амброзия Ферлио - обессиленный и истекающий кровью, Амброзий легко приподнял юношу и донес на своих могучих плечах до кровати. А Люция все ночь не отходила от юного Ингирами, меняла повязки и пила целебным отваром трав. На столе горела одинокая свеча и в ее неровном свете кровь юноши на повязках казалась угольно-черной. Он тогда еще пошутил, что теперь она точно знает - кровь у него эдморская, настоящая, цвета глухой темной ночи. Слова давались с трудом, губы кривились от боли, и в ушах противно шумело. Но он отчетливо услышал слова девушки. Она сказала, что неважно, какого цвета твоя кровь - имеет значение лишь то, во что веришь в глубине души, что считаешь добром, а что - злом. Он ответил, что все понимает, и вот тогда Люция поцеловала его в соленые распухшие губы...

Он запомнил вкус ее губ... И значение сказанных слов. В них выкристаллизовался смысл того, чему долгие годы учил приемного сына архимагистр Мартин. Суть того, что нельзя винить весь народ в грехах отдельных нелюдей, и что нужно, обязательно нужно уметь прощать...

Предместья Парижа 5 сентября 1478 года

Прямо с утра Араксина вызвал к себе сам Кай'ё'Рэт. Когда юноша заглянул в шатер, владетель стоял около стола и с интересом разглядывал небольшой ларец, щедро украшенный самоцветами и позолотой. Заметив вошедшего, военачальник жестом позвал его:

- Мне порекомендовал тебя Марсалорн и его слову я могу доверять. Ведь ты служил именно под его началом во время войны, не так ли? - доброжелательно заговорил владетель.

- Да, вы правы, владетель, - согласно кивнул юноша.

- Марсалорн уверен, что ты отлично справишься с заданием, которое я хочу тебе поручить. Это несложное, но крайне ответственное дело и я хочу, чтобы ты отнесся к нему самым серьезным образом. - Кай'ё'Рэт поднял глаза и его взгляд выражал крайнюю озабоченность.

- Я клянусь, владетель, - пока юный эдмор не мог понять, к чему клонит Кай'ё'Рэт, - что исполню ваш приказ.

- Хорошо, я рад слышать уверенность в твоём голосе, Араксин. - Владетель удовлетворенно кивнул. - Задание состоит в следующем: ты должен доставить в Париж вот этот ларец, - Кай'ё'Рэт указал рукой на то, что стояло на столе перед ним, - и сделать это незаметно. Дело в том, что экипаж хранительницы Раслин'на могут обыскать и найти этот предмет. Сейчас мы путешествуем тайно, и никто не знает - кто мы есть на самом деле. Но если будет найдено Око Миров, нас раскроют и немедленно уничтожат.

Владетель внимательно взглянул на молчавшего Араксина и добавил:

- Теперь ты понимаешь, насколько сложная и одновременно простая задача стоит перед тобой. Артефакт, называемый Око Миров, нужен нам для того, чтобы открыть портал в наш родной мир. Если ты въедешь в городские ворота один, то тщательно осматривать тебя, скорее всего, не станут - мало ли сейчас неприкаянных эдморов шатается по миру. А наша карета спокойно проедет в город - даже обыскав ее, стражники не найдут ничего подозрительного и не заподозрят нас ни в чем предосудительном. В крайнем случае, небольшое подношение начальнику решит любые проблемы - люди обожают деньги, тебе ли этого не знать... - при упоминании людей, Кай'ё'Рэт презрительно скривил губы. - Ты все понял, воин? Я могу положиться на тебя?

- Да, безусловно! - восторженно воскликнул Ингирами. Поручение владетеля его крайне обрадовало. Ведь Кай'ё'Рэт и не подозревал о том, что юноша слышал его разговор с хранительницей.

- Хорошо, - вновь кивнул владетель, - и помни - артефакт сейчас важнее всего на свете. Ты должен, во что бы то ни стало, доставить Око Миров в четверг, ровно в полночь, к собору Парижской богородицы. Я встречу тебя, и мы вместе откроем портал. Ты станешь героем, помни об этом, Араксин!

- Я не забуду этот день! - ответил юноша.

- Не сомневаюсь, - Кай'ё'Рэт улыбнулся, - подойди ко мне и протяни руку.

Араксин повиновался, не понимая - что все это значит. Владетель взял в руки ладонь юноши, внезапно резко сжал ее и юный Ингирами почувствовал резкую колющую боль. Он инстинктивно одернул руку и увидел, как из крохотной ранки на пол скатилась капля темной крови.

- Это наша гарантия. Теперь я уверен, что ты не захочешь сбежать вместе с уникальным и крайне важным артефактом, - пояснил Кай'ё'Рэт, укладывая в маленький футляр тонкую короткую иглу, - Теперь в твоей крови медленно действующий яд. Это редкостная гадость, которая приведет к страшной мучительной смерти в том случае, если через трое суток ты не примешь противоядие.

И только Араксин хотел было сказать, что он думает по этому поводу, как владетель остановил его жестом:

- Пойми, это необходимо. Сейчас беспокойное время и мы не можем доверять даже самым преданным воинам. Так будет лучше для всех - тебя не станут искушать опасные мысли, а мы будем точно знать, что артефакт окажется в нужном месте и в нужное время. Вот, держи, - Кай'ё'Рэт подал Араксину ларец, - и отправляйся немедленно. Ты должен попасть в город раньше нас. Артефакт понадобится через три дня, в ближайшее полнолуние. Но лучше подготовить все заранее. Поторопись!

- Я выполню приказ, владетель, - с этими словами юноша покинул шатер и уже через несколько минут выехал в направлении Парижа. А через некоторое время в голове юноши окончательно созрел хитроумный план.

Париж 6 сентября 1478 года

Ювелир рассматривал безупречный небесно-голубой камень несколько долгих томительных минут.

- Что ж, думаю, я смогу подобрать для вас точную копию этой бесценной красоты. Но стоить это будет...

- Деньги не имеют для меня значения, - нетерпеливо оборвал его Араксин.

- Хорошо... Тогда подождите немного, - с этими словами старик исчез за маленькой дверцей, укрепленной кованой решеткой. Ждать пришлось долго и юный эдмор начал уже беспокоиться, как вдруг ювелир вынырнул из-за прилавка с двумя очень похожими друг на друга камнями в руках. Вот только Око Миров чуть заметно светилось в приглушенном свете мастерской. Спутать два камня можно было только при очень ярком освещении, но вряд ли в подземельях Нотр-Дамма таковое отыщется. Впрочем, Араксину не оставалось ничего другого, как только надеяться на удачу, потому что времени придумывать что-то еще уже не осталось.

- Это обычная стекляшка и она ничего не стоит, - прошептал старик, - Только помните, что вы меня не знаете и никогда не видели! - в глазах человека ясно отражался страх за себя, ведь ювелир связался с бледноволосым. Но там же светилась и жажда наживы - цена, которую он заломил за копию артефакта, оказалась просто невероятной. Но юноша всего лишь усмехнулся про себя - сейчас все это уже не имело значения.

- Договорились, - нетерпеливо ответил Ингирами, сунул в протянутую руку старика тугой кошель с монетами и торопливо вышел из лавки.

Подменить артефакт не составило большого труда, но Араксин всерьез опасался, что перед церемонией Око Миров заберут, и подмена обнаружится. Но приходилось рисковать - яд определенно действовал, потому что юноша чувствовал небольшую слабость и головокружение. Пока эти симптомы предстоящей гибели не сильно беспокоили юношу, но отчетливо давали понять - тянуть с противоядием не стоит. Именно поэтому он решил придти в собор и попытаться спасти свою жизнь. Надеясь, что подмену обнаружат не сразу и он успеет получить противоядие и покинуть место проведения ритуала. Умирать ни ради темной королевы, ни просто там он пока что не собирался...

У входа в собор его встретит сам Кай'ё'Рэт, и приказал следовать за ним в подземный зал для проведения церемонии. Они спускались по узкому темному проходу, редкие масляные лампы освещали путь, и несколько раз Араксин чуть не подвернул ногу. А владетель как будто родился в этих подземельях, он двигался легко и быстро, будто скользит по шершавой поверхности каменных степеней. Юноша все ждал, когда же его посвятят в план предполагаемого действия. Но владетель, кажется, вовсе не собирался этого делать. Юный Ингирами всерьез забеспокоился - первоначально он собирался преспокойно доставить Око Миров в подземелье, а затем отказаться от предложения умереть во славу темной богини. Представляя, какие в этот момент лица будут у хранительницы и владетеля. Ведь если план Араксина удастся, и никто не заметит подмены - то портал не откроется уже никогда. А Око Миров, покоящееся в самом глубоком месте на дне Сены, уже никто не сможет найти.

Десять огромных смоляных факелов освещали маленькую залу, расположенную, казалось, так глубоко, что прямо под утрамбованным земляным полом громко шептались адские создания. У дальней стены, на возвышении, расположился грубый деревянный трон, на котором сейчас гордо восседала сама Раслин'на Лолт в длинной темно-синей мантии, расшитой серебристыми нитями так, что одеяние казалось окутанным мерцающей паутиной.

Едва захлопнулась тяжелая дубовая дверь, как Кай'ё'Рэт почти что вырвал ларец с артефактом из рук юного эдмора. В тот же миг, с обеих сторон, к юноше подошли два высоких сильных воина, незаметно появившихся из ниш вдоль стен, и крепко его схватили.

- Ведите его сюда! - жестко приказал Кай'ё'Рэт, указывая на большой круглый камень, лежащий на полу в центре залы. Юный Ингирами вздрогнул - неужели хранительница хочет провести ритуал прямо сейчас? Ведь Кай'ё'Рэт говорил, что открыть портал можно только в полнолуние, а до него еще целых три дня! И почему ему ничего не сказали о добровольном жертвоприношении? Неужели они разгадали его намерения?

Воины грубо толкнули Араксина в спину, он шагнул вперед, делая вид, что повинует, а затем изо всех сил рванул назад, стараясь сшибить конвоиров с ног. Подобной прыти от него явно не ожидали - первый воин отлетел в сторону, когда юноша ударил его головой в живот. Второй, вместо того, чтобы схватить Араксина руками, принялся вытаскивать клинок из ножен, теряя драгоценные секунды...

До спасительной двери оставался всего один шаг, когда Раслин'на, словно нехотя, взмахнула рукой. Воздух в зале в один миг будто сгустился, посерел, пропитался смрадной сыростью темно-

го колдовства, отвратительной слизью повис на стенах и потолке. Из огромных вспухших наростов к Араксину метнулись сотки тонких скользких нитей, оплели руки и ноги, повалили на пол. Он судорожно вырывался, сбрасывая с себя мерзкую паутину, но все новые и новые нити тянулись к нему, сковывали движения, невыносимо жалили обнаженные участки кожи, отсекали путь к спасению...

А всего в паре шагов от юноши стоял владетель Кай'ё'Рэт и взалхлеб смеялся над безнадежными попытками юноши вырваться из оков заклатья. Еще бы, ведь он не видел ни слизи, ни страшных нитей - перед ним на грязном полу корчился от ужаса и бился в приступах невыносимой боли приемный сын архимагистра Мартина, старого и ненавистного врага владетеля. Кай'ё'Рэт искренне и беззащитно наслаждался мезтью, ведь сейчас несчастный находился в полной его власти.

- Все, хватит с него, - чуть слышно проговорила Раслин'на и вновь коснулась ладонью невидимых простым смертным магических полей. Заклатье исчезло, но обессиленный юноша уже не мог самостоятельно подняться. Все те же двое воинов схватили его за руки и потащили к алтарю, бросили на центр камня и отошли подальше.

С огромным трудом Ингирами чуть приподнял голову и, борясь с накатывающей тошнотой, взглянул на хранильницу. С его пересохших губ беззвучно сорвалось:

- Я все же перехитрил вас...

Но Кай'ё'Рэт услышал эти слова. Он подошел ближе и, злорадно ухмыляясь, ответил:

- Нас нельзя переиграть, глупец! Никакой артефакт для ритуала не нужен, требуется лишь твоя жизнь, добровольно принесенная в жертву. А ты в этот зал пришел сам, по собственному желанию, и потому все условия выполнены...

Араксин хотел закричать от злости, но из его горла вырвался лишь сдавленный хрип. Они перехитрили его, подло и предательски. Все это - одна большая ловушка, тщательно спланированная владетелем и юной хранильницей. А он, словно последний глупец, сам взошел на алтарь, надеясь обвести вокруг пальца самых хитрых и лживых эдморов на свете - правителей дома Заартал'н'Лолт.

- Закрой глаза и вознеси хвалу матери-хранильнице Заартал'Лолт, - нараспев проговорила Раслин'на, слегка покачиваясь в ритуальном трансе, - так ты будешь меньше страдать...

Но юный Ингирами не послушался. Он из последних сил попытался встать, уже чувствуя, что по телу струится смертельный холод, а вокруг алтаря разливается искрящаяся тьма. Но изменить что-либо он уже не мог. И в голове его, успев на мгновение обогнать волну ледяной смерти, пронеслась последняя отчаянная мысль - неужели его смерть принесет новую войну, водоворот ужаса и страха захлестнет мир, сотрет с лица земли живущие здесь народы, разорит страны.... Он с радостью отдал бы все на свете, не задумываясь, умер бы - и сделал это совершенно добровольно на самом деле - за то, чтобы портал так и не открылся. Может, поэтому он и пришел сюда, в подземелье, подменил камень. Ведь насколько проще было сбежать и бросить все. Пусть бы Раслин'на и Кай'ё'Рэт нашли другого добровольца и попытались с его помощью достичь поставленной цели. А яд в крови? Так ведь Араксин уже давно почти и не жил, с того самого дня, как умерла Люция. Однако он пришел в собор - осознанно или нет - рискуя жизнью. Надеюсь, что его смерть не поможет открыть портал, введет эдморов в заблуждение и заставит искать другой путь... Но додумать мысль до конца обреченный так и не успел - острое лезвие равнодушно коснулась его беззащитного горла.

Время замерло, его холодные острые иглы вонзились в хрупкую плоть юноши, разорвали ее на части и разметали по миру. И вот тогда яркая, нестерпимо-жгучая вспышка очищающего света, озарила подземелье, мигом растопив уродливые наросты темной магии на грязных каменных стенах.

Араксин плыл над землей, уже не чувствуя тела, ощущая только ласковый нежный свет, несущий его на волнах ослепительно-блистающей чистоты. Он слышал слова - владетель и хранильницы кричали от боли и ненависти, не понимая, из-за чего заклинание не сработало. Юноша не мог радоваться своей смерти, но чуть заметно усмехнулся - теперь-то он точно знал, в чем ошиблись Кай'ё'Рэта и Раслин'на. Но уже не мог никому рассказать об этом. А еще - он понял, что Бог никогда не обманывал юного Ингирами и не обещал больше того, что было в его силах. Именно поэтому в ушах Араксина сейчас молитвенным перезвоном колоколов звучало слово - "autothysis", а истинная светлая душа его без промедления взлетала к небу...

ЛЕДАНИКА

Иномирье для Марьянки

Говорила мне матушка моя, Евдокья Марфьевна: "Учи, сынок, магью! Ученым станешь, профессором, а я промеж людей профессорская мать буду". Не иначе как ведуньи в роду у матушки обретаются - все сбылось. Прямо так на картьях моих и значится: "Митрий Евдокьевич Тетерята, профессор, доктор магических наук". Матушка, когда впервой картью увидела, - так у нее глазья и вспыхнули. Повертела в руках почтительно, разглядела внимательно, а вечером, как бы ненароком: "И много у тебя, сынок, таких картей?" Я ей тогда с дюжину оставил - то-то радости было - всем соседям, поди, раздарила.

Уж до чего Евдокья Марфьевна до моего житья падкая - будто хорь до цыпленков. Вот и в прошлую веснь, когда в село заезжал, в аккурат на матушкино рождение, так уж ей знать кортело, где службу исполняю, при каком начальстве состою да над кем власть имею - и уговоры в ход пошли, и вопрошенья с хитринкою, ажно слезьми Евдокья Марфьевна не побрезговала. И так я увильнуть пытался, и этак выкрутить, да где ж это видано, чтобы мужескому полу удавалось женский в споре победить, без кулачьев да колотушек?

Довелось со значеньем обмолвиться, что служба моя таковая есть, что никому про то ведать не смею - уж больно секретна да столь важна - не только для Вкраины - для всех крайн Яркославья. Знать не знаю, что матушка после слов неосторожных надумала, что соседям поведала, да только теперь в родное Костогрызье хоть и не появляйся, коли не хочешь, чтобы тебя паче диковины глазьями лапали да пальцами тыкали.

Да и сам-то, сам-то хорош - потрафить хотел родительнице, в село не иначе как в личине торжественной приезжал, которую на говорильни да решальни надеваю. Приличная личина - в пенсне, дорогом костюме - только и красоваться перед девками деревенскими. А вторую мою личину, которая для работы, никогда в Костогрызье не видали. Диковинная личина, в лавке такую купить и не думай! Одна борода чего стоит - окладистая, благообразная, чуть что не до пояса. Глазья черные, жуткие - в зеркалье глянешь - самому страшно. Нос крючком, голос до печенок пробирает... И хотел бы какую другую личину подобрать, покрасивше, - да не с руки Портальному всего Яркославья на купчину походить али на магья какого местечкового, заполошного...

До чего же человеки создання дивные... Ночей ведь за книгами не спал, шей недохлебывал, девкам песен недопевал - все хотел службу повыше да побогаче - чуть что не Светлейшим в мечтаньях сам себе виделся. А нет-нет, да и прыгнет блохою думанье, что чуть бы полегше жилось в заштатных-то магьях... И силы злобные в городишках мелких послабше, и желаний-прошений у человеков поменьше... Дождье припустить, тучи развеять, скотину волшебной меткой назначить, топор в саморубы определить... Да кто ж его знает... Может, какому магью местечковому служба Портального тоже легкою да приятною кажет? Мол, бродишь, где тебе любо, - а человеки сами в ноги кидаются с дарами-подношеньями - что хошь бери, да только покажи, где души любимые, из Яркославья ушедшие, ныне обретаются.

Показать-то души умершие любому мало-мальски сведущему магью по силам - кабы только попервой от Порталья кусок туману отщипнул да в ладанку нашейную заточил. А там уж только тронь ее магичьей силою, да дорожку проложи от ладанки к самому Порталью, да зеркалье, каких в любой лавке три на грошь дают, левою рукою человеку от сердца своего подай. А коли нет зеркалья, то хоть в кадушку с водой, хоть в лужицу руку-то окуни - все едино. Да вопросы со всею строгостью: "Веруешь"? Кто ж тут "Не верую" молвит, коли сам Портальный вопрошает? На моей памяти никто иное не отвечивал. Да ответствие-то не только Портальному слышимо - самому Порталью! И вот коли глядит из Порталья сила неведомая - уж тогда держись! Не всякому магью силы дано глазьями не ослепнуть да силы магичьей от того не лишиться... Ох, и не всякому...

Сколько раз Порталье моими глазами в души человекoв гляделo - ажнo не счeсть. Видeл я души тeмныe, нeвeрующиe. Видeл вeру слaбую, чтo eлe живa, и вeру злoбную, чтo душу изнутри дo угoлькoв сжигaeт. Видeл рвaныe языки плaмeни души нeспoкoйнoй, чтo сaмa в сeбe сомнeвaeтcя. Видeл я вeру, чтo ярким спoкoйным oгнeм горит - хoрoшую вeру, нaстoящую. Вoт и у Мaрьянкoй тaкaя былa - нaстoящaя...

Мы с Мaрьянкoю eщe дeтями сoпливыми бeгали в лeс дa нa рeчку - дружны были, oх, и дружны... Всe Кoстoгрывьe жeнeхoм дa нeвeстoю нaзывaлo дa скoрую свaдьбу прoрoчилo. A мы и нe прoтивились. Дa видaть, нe судьбa былa свaдьбу сыгрaть. Кaк уxoдил я нa мaгьe учитьcя, тaк oбeщaл Мaрьянкe вeрнутьcя вскoрoсти увaжaeмым чeлoвeкoм дa ee жeнoю зaбрaть нa мeстo службьe пoчeтнoй. Зaкoнoм мaгичьим дoзвoлeнo мaгьeм жeну в дoм брaть. Свeтлeйшeму - дoзвoлeнo. A вoт Пoртaльнoму - нeт пoзвoлeнья душoю с жeнoй в oбрядe мaгичьeм связанным быть. Тoлькo с Пoртaльeм...

Три рaзa Свeтлeйший "Принимaeшь?" у мeня вoпрoшaл, пoсoх Пoртaльнoгo из рук в рyки пeрeдaвaя. Трeждьe я связь мaгичьeю с Пoртaльeм свoбoднoю вoлeю принял. Зaслoнилa мнe в пaмяти чeсть высoчaйшaя - Пoртaльным всeгo Яркoслaвьe стaть - слoвa-oбeщaнья, Мaрьянкe нa прoщaньяe скaзaнныe. Пoчти и лoжью душу пaчкaть нe пришлoсь, кoгдa нa вoпрoс мoлчaливый глaзьeв тeмнo-кaрих oтвeтствoвaл, чтo связaн ужe мaгичьим oбрядoм нaвeки. Нe зaбыть мнe ту слeзинку Мaрьянкину - дo тeх сaмыx пoр, пoкa Пoртaльe в пoслeдний путь нe пoкличeт, нe зaбыть.

Сoсвaтaли пoдружку мoю вскoрoсти. Хoрoший чeлoвeк в дoм взял Мaрьянку - дoбрый, рaбoтaющий. Нe кoстoгрывoвский - из сoсeднeгo сeлa, чтo к гoрoду пoближe, дa пoбoгaчe. Любил ee oчeнь. Дa скaзывaли чeлoвeки, чтo oнa нe любилa. И в снax мoих гoрeстныx увидaть мнe нe рaз дoвeлoсь, кaк с прoзрaчнoю прoщaльнoю слeзинкoю лoвoвь oт Мaрьянки нaвeки сбeжaлa. Нe былo в тoм мoeй винy, ктo ж в судьбe свoeй винoвeн - a нeт-нeт, дa нaбeжит грyсть-тoскa ажнo вьть хoчeтcя дa скинуть личинy нeнaвистнyю. Дa рaзвe ж скинeшь...

Нa всю жизнь Пoртaльнoму дoлeя eгo пoлoжeнa дa личинa пoклaдeнa. И снять ee Пoртaльный нe вoлeн... Нaдeнь личинy торжeствeннyю, купи в лaвкe лoбyю, кoтoрaя тeбe пo нрaву и пo мoнeтaм. Дa тoлькo пoд ними всe oднo Пoртaльным oстaнeшьcя. Всe oднo кaк oтвeтствoвeт чeлoвeк "Вeрyю" пo прaвдe, с душoю гoрящeю, тaк в зeркaльe, чтo в рyкe у тeбe кyсьeм oт Пoртaльe горит, дyшa умeршaя и пoкaжeтcя. И кoли прaвдoю дyшa тa в мирe жилa, тo в Инoмирьe живeтcя eй свeтлo дa слaдкo. Дa eщe и дaр свoй пoслeдний Пoртaльe дyшe тoй дaрyeт - дoзвoляeт увидeть в пoслeдний рaз Яркoслaвьe, дa с любимым чeлoвeкoм, к Пoртaльe пришeдшим, сaмыe вaжныe слoвa мoлвить. Свeтлыe тo мгнoвeнья, лoбyю я их oчeнь. Нe бyдь их - сoвсeм бы тeжкoю службa Пoртaльнoгo стaлa.

A тeмныe души в дрyгoм Инoмирьe живyт... aли нa дрyгoй стoрoнe Инoмирьe свeтлoгo - никoмy сие нe вeдoмo. Тeжкo тaм души в мучeньяx стpaдaют, oх и тeжкo... И кoли тeмнyю дyшy зeркaльe пoкaжeт - вoпрoшaeт Пoртaльe "Рaздeляeшь?" - и тyт уж чeлoвeкy рeшaть. Eжeли oтвeтствoвeт "Рaздeляю", тo пpинимaeт мучeнья, любимoй дyшe сyдившиeся и дaрит тeм сaмым нaдeждy нa вoзврaщeньe в мир живых. A тaм, глядишь, и в свeтлoе Инoмирьe дoрoгy Пoртaльe oткрoeт в чaс пoлoжeнный - тoлькo бы пoлучилoсь тoй дyшe к свeту пoвeрнутьcя. A eжeли вмeстo "Рaздeляю", чeлoвeк "Oтпyщaю" oтвeтствoвeт, тo oстaвляeт дyшy тeмнyю в мучeньяx нeрaздeлeнных, бeз нaдeжды нa вoзврaщeньe.

Рeдкo "Рaздeляю" oтвeтствoвyют. Стрaшнo дyшe живoй в Инoмирьe дo срoкa уxoдить. Стрaшнo мучeнья дoбровoльнe пpинимaть. Стрaшнo...

Прoшлoй oсeнью, днeм дoждливым, гoлoс жeнский, смyтнo знaкoмый, нa вoпрoшeниe бeспoщaднoе Пoртaльe бeз рaздyмья "Рaздeляю" oтвeтствoвaл. Зaмeшкaлся я нa миг, oтстyпил oт дeяний пpивычных. Нe пoднял пoсoх, чтoбы дyшy живyю Пoртaльe пeрeдaть. В Мaрьянкиных кaрих глaзьях yтoнул. Дa тaкиe в них слoвa прoчeл, чтo и вoсe нe удeржaлся - глянул чeрeз Пoртaльe нa дyшy тeмнyю, с кoтoрoю лoвoвь мoя дeтскaя мучeнья тeжкe рaздeлить рeшилaсь. Мнoгo я всeгo видeл дa слышaл зa врeмя службьe свoeй пpи Пoртaльe, вoт тoлькo злoбы тaкoй дa прoклятий рaнee встpeчaть нe дoвoдилoсь... Вo всeх свoих мучeньяx сyпpуг Мaрьянку oбвинял, в тoм, чтo нe любилa и рyкoю свoeю вo тьмy Пoртaльe толкнyлa, тyдa, гдe души сaмoубийцeв в стpaдaньяx тeжкe тoмятcя.

Три раза поднимал я посох, в Марьянкины глаза глядя. А на четвертый - выронил зеркалье, разорвал дорожку к Порталью, от ладанки моей проложенную. Не отдал Иномирью Марьянкину душу, вопреки желанию искреннему уйти за супругом, искупить нелюбовь надеждою. Тяжкий проступок совершил, бесповоротный... Только единожды человеку в телесной оболочке к Порталью обратиться положено, а далее только в смертный час, когда уже с телом бранным протислись.

Долго я мыслию тешился, что уйдет теперь Марьянка в Иномирье своею дорогой. В светлое Иномирье уйдет душою чистою, к вечному счастью. Да только когда Светлейший наказанье мое оглашал на сборище верховных магьев, да посох с личиною Портального отбирал, повели мне, что беду великую накликать на Яркославье, сам того и не ведая. Обида горькая затаилась в Порталье за нарушение закона извечного. Не вопрошает Порталье более "Разделяешь?", не позволяет любящему человеку разделить мученья с душою темною, любимою. Нет больше у темных душ надежды на возвращенье в мир живых да на светлое Иномирье... Знаю я, что милостиво Порталье - не станет долго Яркославье в наказаньи тяжком держать... Вот только сколько времени пройдет - год ли, век... Никому сие не ведомо...

Такая вот история со мною приключилась... И ежели кому из вас судьба на свободу выйти, да в Яркославье попасть - светлым Иномирьем прошу: найдите в селе Костогрызье матушку мою, Евдокью Марфьевну. Передайте ей любовь мою сердечную да сожаленье, что в старости одну оставил... Да скажите, что не знал я, какую беду в Яркославье проступком своим принесу... А если бы знал? А если бы знал... Не стал бы я всех человеков Яркославья надежды лишать - отдал бы Марьянку... Да только смог бы по уму поступить? Не знаю... Сердце-то мое не со всеми человеками Яркославья было - с одною Марьянкою...

АНДРЕЙ ВЛОВИН

Суций с Начала Времен

Подъем был крутым. Каменистые склоны кое-где поросли шиповником и жидким стлаником -- по счастью, редкая растительность мало препятствовала и без того нелегкому восхождению. Двое путников упорно карабкались все выше и выше, пока наконец не достигли седловины, вклиненной меж двух горных отрогов. И сейчас же перед ним открылся новый, широкий обзор -- словно потусторонний мир, доселе отгороженный таинственной гранью. Один из путников, высокий широкоплечий бородач, с наслаждением распрямился и указал рукой вниз:

-- Вот оно, то самое место.

Его спутник, седовласый, но еще крепкий старик, устало оперся на суковатый посох и молча глядел перед собой.

Был полдень, и солнце ненадолго выглянуло из-за облаков, нехотя озаряя окрестности. Склон полого сбегал вниз широкими уступами -- а там резко обрывался, являя взору довольно обширную котловину с неровными, вздыбленными краями, точно отпечаток огромного конского копыта -- уж не сам ли Кулуорр, Небесный Всадник, проезжал тут на своем могучем скакуне? На дне котловины виднелись россыпи и нагромождения больших и малых камней. Вокруг высились горы, тут и там прорезанные ущельями.

-- Ну что, почтенный Сокран? -- обратился бородач к старику. -- Передохнем или сразу дальше двинем? На самом деле спуск там не так уж тяжел, как кажется отсюда.

-- Ты не больно-то спеша, -- старик потеревил тощую седую бородку, словно что-то прикидывая. -- Обожди малость.

-- Да я тебя разве подгоняю? -- высокий пожал плечами. -- Сам ведь требовал, чтобы я тебя сюда притащил. А коли устал, садись да отдыхай, сколько душе угодно. Есть-пить хочешь? -- он уселся на камни и принялся развязывать котомку. Несмотря на молодость, бородач старался держаться со стариком на равных. Тот, впрочем, смотрел на дело иначе.

-- Не о том у тебя заботы, Ниллес, -- покачал головою Сокран. -- Я не об отдыхе беспокоюсь.

Ниллес поднял на него вопросительный взгляд.

-- Ну, чего смотришь? -- проворчал старик. -- Давай вынимай свои припасы.

Лицо Ниллеса скривилось в усмешке.

-- А я уж боялся, ты побрезгуешь.

Старик не ответил: вместо этого он проворно нагнулся и подобрал небольшой плоский камень, потом еще один.

-- Что это ты делаешь? -- поинтересовался Ниллес.

-- То, что следовало бы сделать тебе, -- ответил Сокран.

Он продолжал подбирать камни, складывая их на возвышении в небольшую пирамидку. До Ниллеса наконец дошел смысл его действий.

-- Подношение хочешь сделать?

-- Ты на диво сообразителен, -- старик глянул на него прищуренным глазом. -- Ну, и где же твои обещанные харчи?

Ниллес достал из котомки пару лепешек, кусок козьего сыру и кожаную флягу.

Сокран подхватил флягу, крючковатые пальцы ловко вынули пробку, длинный нос сунулся внутрь.

-- Перебродившее молоко, -- хмыкнул он, явно довольный.

И не долго думая окропил возведенную пирамидку. Потом отхлебнул сам и передал флягу Ниллесе:

-- Пей.

А сам уже схватил лепешку и с торжественным видом разломил ее надвое. Одна половина увенчала пирамидку, вторую Сокран разделил с товарищем:

-- Ешь.

То же самое он проделал и с сыром.

-- Прими, неведомый Хозяин, скромные дары наши, не откажись разделить с нами трапезу, -- завел Сокран нараспев. -- Молим тебя:пусти нас во владения свои, мы не несем с собою ничего дурного...

Ниллес молча стоял за спиной у старика. Закончив, тот обернулся.

-- Ты, должно быть, и позабыл вовсе, что перво-наперво надобно заручиться поддержкой духа урочища?

-- Ничего я не позабыл, -- с достоинством возразил Ниллес. -- Я в прошлый раз делал то же, что и ты сейчас. Только не здесь, а там, внизу, у самой пещеры.

-- Ну и дурак, -- заключил Сокран. -- Граница-то пролегает здесь, дальше начинается урочище, вот тут и нужно было творить обряд. А ты, выходит, вторгся туда незвано, непрошено... Эх, а еще кузнец!

-- А это тут при чем? -- Ниллес приподнял брови. -- Какая разница, кузнец я или корзинщик?

-- Разница большая, и тебе самому прекрасно это известно. Люди считают тебя могучим чародеем: тебе подвластны огонь и вода, ты способен подчинить себе металл, придать ему любое обличье. Не пристало кузнецу допускать столь неразумные оплошности. -- Сокран вздохнул. -- Собирай котомку, нам пора.

...Можно было подумать, что спуск и в самом деле окажется нелегким: слишком уж отвесными казались стены на противоположной стороне котловины. Однако со здешнего краю обнаружилось большое нагромождение камней, образовывавших нечто вроде широких ступеней, по которым можно было довольно легко спуститься.

-- И что за горный великан тут прежде хаживал? -- пробормотал Ниллес, помогая Сокрану миновать очередную "ступень", высотой чуть ли не в полтора человеческих роста. -- Неужели правду легенды сказывают? Мол, жил когда-то возле перевала косматый одноглазый громадина, таскал детей из деревни и пожирал их сырьем... Это не их ли души стонут на перевале по ночам?

-- Не всякой легенде верь, -- только и ответил Сокран, примериваясь к следующему уступу.

-- Но ведь я в прошлый раз своими ушами их стоны слышал, когда назад возвращался, уже по темноте, -- с жаром возразил Ниллес. -- И по сей день стоны эти у меня из головы нейдут: заунывные, жалобные, полные какой-то мертвящей скорби... -- кузнец сотворил в воздухе охранный знак. -- Я едва ноги тогда унес...

-- Ты поменьше болтай, -- посоветовал ему старик. -- Лучше прыгай давай, да мне пособи. А то, чего доброго, и сегодня задержимся дотемна. Худо нам тогда придется...

Наконец они достигли дна котловины.

Старик сейчас же принялся бродить взад-вперед, осматривая землю. Ниллес замер, прислушиваясь к собственным ощущениям: ему вдруг показалось, что внутри шевельнулся тревожный комок.

-- Это ты здесь руду насобирали, что ли? -- донесся до него оклик Сокрана.

-- Да, здесь, -- Ниллес пришел в себя. -- Вон ее тут сколько. И что самое удивительное, я ее только на обратном пути обнаружил, сперва ни куска не видел. Но не мог же я ее не заметить, верно? Стало быть, не было ее раньше. Только после того, как я в пещеру дары занес, она и появилась. Видать, Хозяину здешнему мое подношение по душе пришлось, вот и явил он свое богатство целой россыпью кровавика. А ты говоришь: не там, где надо, обряд сотворил!

Старик пожевал губами.

-- Почему ж тогда ты решил, что это то самое место, ежели тут, как ты толкуешь, поначалу никакой рудой и не пахло?

-- Да сколько раз тебе повторять: я эту котловину во сне видел, как наяву. Ко мне явился этот... ну, о котором я тебе рассказывал... я тогда думал, что это сам Кулуорр снизошел до меня, простого смертного. Он и выдавал себя за Кулуорра, этот выползок из преисподней, -- Ниллес еще раз осенил себя защитным знаменем. -- В общем, он мне совершенно точно разъяснил, в каком месте я должен свернуть с перевала Стонущих Духов, чтобы добраться до этого самого урочища.

-- Понятно, -- ответил старик.

Он ухватил в кулак бородку и некоторое время о чем-то размышлял.

-- А ну-ка, -- сказал он наконец, -- подбери кусок руды. С собой возьмешь.

Ниллес ковырнул носком сапога ближайšie красновато-бурые выросты, нагнулся, вынимая из-за голенища нож. И спустя несколько мгновений выпрямился: в руках у него был небольшой кусок камня цвета запекшейся крови.

-- Такого хватит?

-- Вполне. А ты уверен, что это кровавик?

Ниллесу вопрос старика показался нелепым.

-- А что же еще? -- фыркнул он. -- Это тебе, может, неведомо, какой из себя кровавик бывает, а я его с закрытыми глазами отличу, уж будь покоен.

Старик усмехнулся, и по его хитрым глазам Ниллес понял: все-то он знает, небось еще куда больше кузнеца. И то сказать: лишь самым малым детям невдомек, что такое кровавик, ведь из этого камня не только железо выплавляют, но и украшения делают, и обереги, и в лечении используют, и даже краску из него готовят. Одно было Ниллесу непонятно: к чему клонит старый знахарь?

Но Сокран, как видно, не собирался ничего объяснять.

-- Идем, -- коротко сказал он.

Посредине котловины возвышалась груда каменных глыбин, образуя подобие кургана высотой самое малое в четыре человеческих роста. Огромные, серые, они громоздились в величественном беспорядке и при этом настолько плотно прилегали друг к другу, что казались сколоченными или спаянными. Путники направились туда. Ниллес опять почувствовал себя неуютно и вынужден был признаться себе: ему отчего-то очень не хотелось приближаться к каменному кургану.

Сокран искоса глянул на него и, кажется, приметил его беспокойство.

-- Расскажи, как обнаружил вход, -- велел он.

-- Да что рассказывать? -- начал кузнец, собираясь с мыслями. -- Ну, сперва я подумал, что это просто курган, и решил взобраться на вершину, чтобы там воздать честь Хозяину. Ну, пошел в обход, чтобы отыскать, где сподручнее вскарабкаться. И тут заметил пещеру...

Они обогнули курган, и у основания каменной груды открылся чернеющий провал. Кузнецу почудилось, что очертания серых глыб, образующих вход, напоминают морду чудища с жадно разинутой пастью: среди каменных складок можно даже различить глаза и ноздри... У Ниллеса заглодело внутри, и он глянул на Сокрана. Ему казалось, что и на старика вход в святилище

должен был произвести столь же сильное впечатление. Но если так и было, то знахарь не подавал виду. Он лишь отвел кузнеца в сторонку, подальше от пещеры.

-- Рассказывай, что было дальше, -- спокойно сказал он.

Ниллес тряхнул головой. Перед глазами упорно стояло воспоминание почти годовой давности.

Страх охватил его. Ему показалось, что перед ним -- сам Хозяин урочища, грозный, могучий, устрашающий. Однако отступить было нельзя: Ниллес понимал, что без благоволения каменного владыки не видать ему чудесной руды, а без руды не выковать меча для своего сына, который уже скоро явится в этот мир. Сам Кулуорр поведал Ниллесу во сне, что сыну его суждено стать великим воином, и велел кузнецу изготовить для него меч... Нет, без руды Ниллес ничем не уйдет отсюда.

Пересилив трепет, Ниллес опустился на колени перед немым провалом. Изнутри дохнуло стылым поветрием. Кузнец вынул из мешка вышитое полотенце, расстелил его на плоском камне, а поверх выложил лепешки и вяленое мясо.

-- Отец седовласый, суций с начала времен! -- начал кузнец, обращаясь к духу как к прародителю. -- Молю тебя смиренно: яви милость младшему из рода! Ты владеешь россыпями горных богатств, позволь отъять у тебя малую часть на нужды наши! Подношу тебе взамен плоды рук человеческих. И жертвую кровь свою на благо незыблемой связи.

С этими словами Ниллес вытащил нож и, полоснув себя по левой ладони, окропил подношение кровью. Затем, быстро обмотав ладонь загодя приготовленной полосой ткани, подобрал обеими руками полотенце с покоившимися на нем дарами и направился напрямик в раскрытый зев пещеры. Так и затрепетал от волнения, проходя под каменным сводом: обряд обрядом, а вдруг дух пожрет его сейчас вместе с дарами? Его обволокло знобящим мраком -- казалось, курган и впрямь засасывает его в свое чрево. Даже свет за спиною померк. Дальше кузнец идти не посмел -- в темноте положил подношение наземь и развернулся, чтобы направиться к выходу. Внезапно сзади раздался какой-то шелест и вместе с этим негромкий, тонкий свист. Ниллес судорожно встrepенулся и ринулся прочь. Что бы ни случилось, нельзя оглядываться -- не будет возврата в мир людей! Над головою что-то стремительно пронеслось, обдав холодным веянием, -- и кузнец выбежал наружу вслед за большой летучей мышью. Обернувшись в воздухе, нетопырь коротко просвистел, точно обращаясь к Ниллесу, -- и устремился прочь, ввысь, за пределы урочища...

Ниллес перевел дух. Рассказ получился на редкость сбивчивым.

-- Так ты, стало быть, и кровь свою пожертвовал? -- Сокран окинул кузнеца пристальным взглядом. -- Зачем, позволь спросить? Неужто одних даров было бы мало?

-- Я рассудил, что так будет вернее, -- ответил Ниллес.

-- Вернее! -- проворчал старик. -- На границе об обряде даже не позаботился, нахрапом полез, а тут расщедрился!

-- Мне кажется... -- неуверенно проговорил кузнец, -- мне кажется, что именно этого и хотел тот... ну, который выдавал себя за Кулуорра в моих снах.

-- Оно и понятно, -- криво усмехнулся старик. -- Что может быть надежнее, чем заполучить кровь жертвы, особенно если жертва сама добровольно отдает себя на закляние! Ты огонь-то хоть позаботился зажечь, когда внутрь входил?

-- Да у меня ведь руки заняты были, -- сказал Ниллес.

-- Тьфу! -- Сокрана так и передернуло. -- Ты же кузнец, тебе покровительствует дух огня, который мог бы тебя оборонить, а ты даже кресалом не удосужился постучать, полез в пещеру очертя голову! Все-то вас, молодых, учить надо!

Ниллен дернул плечами: нападки старика начинали его раздражать. Спору нет, знахарь во многом был прав, но зачем же через слово попрекать кузнеца его же ремеслом! Уж в чем другом, а в кузнечном деле Ниллен, как ему мнилось, разбирался не в пример лучше старого знахаря, даром что был молод. Но он сдержался и ничего не сказал.

-- Ладно, -- махнул рукой Сокран, -- словами делу не поможешь. Ну, чего стоишь столбом? Зажигай факел. Внутрь пойдём, нечего козла за хвост тянуть.

Ниллес молча достал огниво и запалил один из прихваченных заранее смоляных факелов. Старик тут же, без лишних разговоров, завладел им и, мотнув головой: мол, следуй за мной, -- направился к темному зеву пещеры.

Ниллес немного задержался: зажег еще один факел для себя и лишь после этого поспешил за стариком. Глубоко в животе перекачивался тяжелый ледяной ком, в висках назойливо стучало. Ниллесу даже мерещилось, будто какой-то бесплотный голос тихо нашептывает ему: "Не ходи!" Он стиснул зубы и в несколько прыжков нагнал старика, уже перед самым входом. В очертаниях каменной морды чудилась лютая злоба.

Сокран коротко обернулся, подмигнул товарищу: не робей! -- и решительно шагнул вперед, раздирая факелом неподвижную черноту пещеры. Ниллес поколебался немного, но пересилил себя и ступил следом за знахарем. В лицо повеяло древним, застоялым холодом.

Тьма вокруг расступалась неохотно, казалась загустевшей, точно смола. Факелы возмущенно трещали, словно их опрыскивали водой. Сокран что-то произнес гулким шепотом, правой рукой вывел в воздухе некий знак, и сейчас же пламя перестало трепыхаться, а тьма будто бы отступила. "Прямо-таки колдун!" промелькнуло у кузнеца в голове. Ободрившееся пламя высветило неровные каменные стены, покрытые причудливой сетью трещин, -- Ниллесу виделась в них какая-то жуткая упорядоченность, точно это были письма, оставленные на камне неведомо какими существами. Но уже через пару шагов темнота опять грозно надвинулась, сгустилась вокруг, -- Ниллес тотчас понял, что на самом деле это стены разошлись в стороны и они со спутником вступили в самую утробу кургана. Под сапогом у кузнеца что-то хрустнуло, и звук разнесся вокруг, пронизав неприветливую тишину.

Это был округлый чертог, настолько широкий, что противоположная его стена едва угадывалась за качающимся пологом мрака. Копоть от факелов хвостами завивалась к высокому потолку, и над головами мерцали маслянистые блики. Казалось непостижимым, как внутри кургана могло оказаться столько свободного пространства, ведь снаружи он казался не таким уж и большим.

Впрочем, внимание Ниллеса уже привлекло другое: посреди святилища он разглядел плоское прямоугольное возвышение. Жертвенник. Ясное дело, как же без него? К тому же, жертвенник не пустовал: на нем явно что-то покоилось.

Вернее, кто-то. Ниллес уже понял, что это была человеческая фигура.

Сокран обернулся к Ниллесу и молча кивнул в сторону покойника, давая понять, чтобы кузнец подошел туда.

Мысленно загнав поглубже зашевелившийся было внутри клубок страха, Ниллес направился вперед. Под ногами громко шуршало, и от этого было не по себе, словно Ниллес боялся, что мертвец может пробудиться. Но Сокран шел рядом, и это вселяло уверенность.

Вот и жертвенник. Подняв факел повыше, Ниллес замер над распростертым навзничь статным чернобородым мужчиной в незатейливой одежде горца. И тут кузнеца прямо-таки дрожью проняло: крестообразная вышивка на вороте кожаной рубахи, тройной шнурок в волосах, косые медные накладки на поясе -- все указывало на одно и то же... *Перед ним лежал человек из его рода!* К тому же, кажется, кузнец... Нет, не может быть! Ниллеса не покидало чувство, что покойник ему очень, ну очень знаком...

Сокран, стоя у него за спиной, с первого взгляда узнал распростертого на жертвеннике человека, тем более что заранее предвидел эту встречу. Старик крепче сжал факел...

Внезапно Ниллес поперхнулся: он вдруг понял, где последний раз видел это лицо. Дома, в начищенном до блеска серебряном зеркале!..

Он растерянно повернулся к Сокрану, ища объяснений, но успел лишь увидеть глаза старика: в них пламенел свирепый, беспощадный огонь.

-- *Харь!* -- внезапно выкрикнул Сокран, и прямо в лицо Ниллесу полыхнуло жаром факела. Кузнец невольно отшатнулся и зажмурился, отступив назад и заслоняясь рукой. Разум отказывался понимать, что происходит. Слух терзали истошные вопли старика, и горящий факел норовил ткнуть в лицо -- знахарь, казалось, обезумел. Но Ниллес уже совладал с оторопью. Правая рука метнулась вперед, и два факела с треском сшиблись, брызжа во все стороны искрами, точно бешеной слюной. Ниллес с досадой отбросил жалкий обломок деревяшки -- все, что осталось от факела -- отпрыгнул и выхватил из сапога нож. Сталь хищно блеснула, отражая пламя второго факела.

ла, который старик по-прежнему сжимал в руке. Было видно, что он изготавливается для нового выпада. "А ведь нарочно сюда заманил, ведьмачье отродье!" -- колотилось в голове у Ниллеса.

-- Ты что, совсем очумел, хрыч старый?! -- судорожно выдавил он. -- Смерти ищешь?

-- *Харь!* -- факел вновь прыгнул Ниллесу в лицо, словно разъяренная змея. Кузнец изловчился и перехватил его свободной рукой, вторая рука с ножом вылетела вперед -- но вместо тощей старческой груди лезвие пропоролло пустоту... Ниллес выпрямился, оторопело глядя на оставшийся в руке факел, потом дико заозирался, ища глазами врага.

И тут сзади навалилась неодолимая тяжесть -- сдавила, скрутила, пригнула к земле. Кузнец пытался воспротивиться, но понял, что с этой силищей ему не совладать. Руки превратились в два негнущихся, тяжелых полена, ноги подкосились. Грудь будто железным обручем стянуло -- не продохнуть. Перед глазами поплыли красные пятна, сознание начало затуманиваться. В ушах по-прежнему звенели жуткие вопли на чужом языке. Кузнец успел понять, что непреодолимая сила разворачивает его и кидает куда-то вперед -- перед глазами на миг вновь возникло бородатое лицо, широкий лоб кувалдой обрушился на Ниллеса, и все погрузилось во тьму...

...Небо было пронзительно голубым, с беспечно плывущими стайками снежных облаков -- и там, среди этих облаков, медленно-медленно парил орел, то исчезая в белых хлопьях, то снова появляясь... Высматривает ли он что-то или просто наслаждается свободой полета? Вот бы сделаться таким же свободным, чтобы беспрепятственно реять на крыльях ветра и взирать сверху на горные вершины! Вот они, вздымаются по окраине неба, тщетно пытаюсь сравниться с ним, небом, в величии... Ниллес вздрогнул и повернул голову.

Он лежал на каменистой земле, вокруг высились знакомые кручи и скалы. Чуть поодаль, на замшелом валуне, сидел Сокран и покуривал трубку. Лицо его лучилось улыбкой: казалось, старик чем-то очень доволен.

Ниллес приподнялся и сел. В голове было пусто, будто в выпитой бочке, но при этом как-то удивительно легко. Он обернулся: позади все также безмолвно громоздились глыбы кургана, чернел провал входа. Только вот все произошедшее казалось теперь лишь дурным сном. Может, его хватил обморок и это все ему пригрезилось? Он вновь уставился на Сокрана.

-- С возвращением тебя, друг Ниллес, -- весело проговорил знахарь.

-- Сокран... -- кузнец все никак не мог собраться с мыслями. -- Что... что произошло?

Старик хитро прищурился.

-- А ты что же, так и не понял?

-- Мне какой-то кошмар примерещился...

-- Это и был кошмар, -- кивнул старик. -- И длился он долго -- аж с прошлой осени, когда ты впервые сюда заявился.

-- Не понимаю... -- Ниллес потер лоб.

Сокран долго и пристально смотрел на него.

-- Там, в пещере лежал ты, -- сказал он наконец. -- Ты имел неосторожность сунуться туда с дарами, да еще и с собственной кровью в придачу, вот и остался там.

-- То есть как -- остался? -- Ниллес округлил глаза. -- Я же вышел оттуда!

-- Тот, кто оттуда вышел, не был тобой. Назад в деревню вернулся не Ниллес. Не Ниллес принес с гор руду, и не Ниллес выковал из этой руды меч.

-- Но ведь это был я! -- кузнеца даже в жар бросило. -- Я же помню все, что я делал, о чем думал, как же так?

-- В этом и состоял лиходейский замысел того, кто являлся тебе в сновидениях. Он хотел завладеть твоей душой и распоряжаться ею по своему усмотрению. Цель у него была одна -- явить в этот мир колдовской меч, который уничтожил бы грядущего Великого Воина, твоего сына. Меч этот не мог быть выкован простым смертным кузнецом, но тот, кто вышел из недр кургана, не был человеком, пусть в нем и пребывала часть твоей души.

Ниллес провел рукой по лицу. Слова знахаря не укладывались в голове.

-- Но ведь в конце концов я решил уничтожить меч, разве не так? -- он пытливо взглянул на Сокрана. -- Ведь я сам понял под конец, что здесь что-то нечисто. А если, как ты говоришь, это был вовсе не я, то как же тогда случилось, что я выбросил меч в Бездонное Ущелье?

-- Боюсь, что и это входило в замыслы твоего порабощителя, -- вздохнул Сокран. -- Это нелегко объяснить в двух словах, а дело к вечеру... Давай-ка вставай и поспешим, если не хочешь еще раз встретить ночь на перевале Духов. Ведь сейчас ты обычный живой человек и так просто от них не отделаешься. Договорим по дороге.

Они встали, подобрали пожитки и направились назад.

-- Ничего не замечаешь? -- поинтересовался Сокран.

Но Ниллес уже и сам понял, в чем дело.

-- А куда же вся руда подевалась? -- спросил он и остановился озадаченно. -- Словно и не бывало...

Он запустил пальцы в кармашек на поясе, куда упрятал кусочек кровавика. И захлопал глазами: в руке у него оказался обыкновенный гранит.

-- Наваждение... -- пробормотал кузнец.

-- Называй как хочешь, -- кивнул Сокран. -- Руда, из которой был выкован меч, не принадлежит этому миру, и увидеть ее может только потустороннее существо. Давным-давно, на заре времен, где-то здесь пролилась кровь Дракона-из-Бездны, которого великий Кулуорр одолел в жестоком поединке. Быть может, именно так и появились тут призрачные залежи кровавика... Однако нечего стоять истуканами, идем.

Ниллес отбросил обломок гранита и зашагал к каменистым уступам.

-- Объясни все-таки, -- обратился он к старику, -- с чего вдруг тому, кто выдавал себя за Кулуорра, могло понадобиться, чтобы я выбросил готовый меч в ущелье? Ерунда какая-то...

-- А ты сам посуди: призрачный кузнец кует меч из призрачной руды -- что получается в итоге?

-- Призрачный меч? -- предположил Ниллес.

-- Скорее, как бы дух меча. Пойми, твой двойник создал лишь дух оружия, и духу этому нужно было дать обычную земную плоть.

-- Но мне он казался самым настоящим мечом, -- возразил Ниллес.

-- Тебе и руда казалась настоящей... Так ты, стало быть, думал, что меч этот можно уничтожить?

-- Да, я хотел его уничтожить, но молот мой оказался против него бессилён, и это меня порядком озадачило. А потом я подумал о Бездонном Ущелье -- мне казалось, что уж там-то меч упокоится навеки.

-- Как бы не так, -- покачал головой Сокран. -- Тебе ведь известно, что когда человек умирает, тело его гибнет, а душа попадает в иной мир. Но приходит время, и Великий Предок водворяет душу назад на землю -- и тогда она обретает новую плоть.

-- И что из того? -- осторожно спросил Ниллес, не вполне понимая, к чему ведет знахарь.

-- Тебе казалось, что если бросить меч в Бездонное Ущелье, то он навсегда сгинет в потустороннем мире, -- продолжал старик. -- Но в том-то и дело, что ты отправил туда бесплотный дух, который и без того принадлежит иному миру. Вот и получилось все наоборот: дух меча проник в наш мир и обрел настоящую плоть. А заодно и хозяина, которому нашептал явиться в наши земли с целым отрядом. Уж не знаю, каких там богатств меч ему насулил, но за всем этим скрывалась одна-единственная цель: добраться до твоего сына и убить его. Лишь благодаря череде счастливых случайностей нам удалось это предотвратить...

Некоторое время Ниллес молчал, осмысливая услышанное. Они с Сокраном уже одолели большую часть подъема, но впереди еще оставалось несколько высоких уступов. Наконец он проговорил:

-- А сейчас он... ну, меч этот ... сейчас он может вернуться?

Сокран глянул на кузнеца, и тощая его борода поползла в сторону.

-- Не беспокойся, -- сказал он, показывая крепкие, отнюдь не старческие зубы. -- Я забросил его в такую щель, откуда ему уже не выползти. Он навсегда застрял в пустоте между мирами. Там и пребудет до скончания времен...

Старик умолк, сипло дыша: подъем давался ему нелегко, но он и не думал остановиться передохнуть.

Наконец они достигли седловины.

-- Смотри-ка, -- старик указал на воздвигнутую им же самим пирамидку.

Ни лепешки, ни сыра там уже не было.

-- Принял, стало быть, Хозяин, -- хмыкнул кузнец.

-- А ты как думал? -- степенно кивнул Сокран. -- Потому как обряд сотворили честь по чести. Ежели соблюдаешь законы уважения -- даже самые злые духи станут милостивыми, а коли нет в тебе почтения к потусторонним, то уж пеняй на себя: тут и добрые разгневаются... Ну, чего встал? Ниллес послушно развернулся и зашагал вниз.

-- Да ты куда наострился-то? -- раздраженно окрикнул его Сокран.

Кузнец недоуменно обернулся.

-- А что такое?

Старик затряс бородкой:

-- Тебе что, еще раз повторить? Или ты решил, что коли уж все позади, то и честь знать не обязательно?

Ниллес смущенно тряхнул головой. Рука торопливо потянулась к котомке, и вскоре перед Сокраном появились лепешки, сыр -- все, что осталось из еды.

Седые брови старика расступились в стороны, лицо опять по-доброму заиграло морщинами: он улыбнулся и молча кивнул.

Кузнец опустился на колени и водрузил прощальные дары на вершину пирамидки. Потом встал и поклонился верхушке каменного кургана, что серела из-за края котловины.

-- Спасибо тебе, отец седовласый, сущий с начала времен!

ЕВГЕНИЙ ЩУКИН

Цветок в волосах

- Дуй сильнее. Сильней дуй, кому говорю!

Гред метнул на мастера угрюмый взгляд, но промолчал: рука у кузнеца тяжелая. Прикусив нижнюю губу, парнишка старательно засопел, изо всех сил нагнетая воздух в меха.

Кузнец размеренно бил молотом. Потное, красное от бликов огня, суровое лицо его казалось демоническим. Да и вел он себя во время работы как настоящий дьявол - шипел, скалил зубы, - но стоило заказчику расплатиться - и мастер становился добряком, щедро отсыпая мелочь на сладости. Деньги Гред припрятывал: старательно копил на меч, с каким не стыдно будет однажды явиться в замок.

Улучив момент, парнишка стер с бровей пот.

- Работай!! - тут же рявкнул кузнец. - Работай, отродье шакала! Испортишь меч - им и зарублю!

Работай... Будто он разлегся и в небо смотрит! Гред работал. В такие моменты его руки все делали сами. Тело съеживалось в испуге - а руки начинали двигаться с удвоенной быстротой.

Подростка влекла жизнь ратника. Воины пользовались уважением. Им кланялись не только крестьяне, но и жадоба-трактирщик не смел лишний раз перечить. Опускал голову и сам Гред, втайне упорно мечтая о счастливейшем в его жизни дне, когда купив у наставника меч, он сможет стать замковым дружинником.

Уговаривая кузнеца принять в ученики свое чадо, мать Греда не видела ему лучшей доли: пусть пока работает за кусок хлеба, но однажды, когда стареющего мастера не станет, Гред с полным правом займет его место. А уж кузнецу на деревне работа всегда найдется.

Мальчишку же, с каждым днем усиливаясь, влекла военная романтика: показывать молодецкую удаль на бесчисленных тренировках, да в строю идти с суровым лицом, как настоящий воин. А девчонки, пунцовые от смущения, станут перешептываться, когда он, покрытый пылью и Славой после очередной победы вернется домой. Небось каждая понравится захочет!

В очередной раз подхватив раскаленный металл, кузнец бросил его в воду. Горячий белесый пар заполнил кузницу, ожёг щеки. Если повезет, работу можно считать оконченной.

- Хватит с тебя пока, - как-то в сторону проговорил мастер. - Отдыхай, да рядом. Сегодня заканчивать будем.

Сегодня? Устроившись на траве рядом с кузницей, Гред растерянно глазел на клонящееся к земле солнце. Неужто ночью работать придется? Мать опять спать не будет. Будто обидит кто: в свои тринадцать лет он был заметно сильнее сверстников. Еще бы! Они не ворочали тяжести последние три года. Да и ремесло кузнечное в округе почиталось. Кого бояться?

Разве что из леса, окаймлявшего деревню, кто недобрый выскочит. Да кто ж затеет недоброе? Деревня большая - пятьдесят дворов, а кузница - хоть и на отшибе - а все ж таки рядом: три минуты неспешной ходьбы. Любой разбойник задумается. А если на свои силы понадеется, да сунется - несдобровать ему! Гред помнил, как вороватую парочку пару лет назад гнали кольями до соседней деревни. А там - местные за дело взялись, узнав старых знакомых.

А мать - доводов сына будто не слышала, всякий раз дожидаясь его у порога.

- Ты мать береги, - пробасил как-то кузнец, когда Гред пожаловался ему на бестолковость родительницы. - Заботится она о тебе, дураке; беспокоится по любви своей. Цени и не обижайся.

Но Гред все равно надулся. Правда, не на мать, а на мастера. Парень он уже взрослый, девки заглядываются, а кузнец - дураком называет. И не за работу досталось, что самое обидное.

Протянув руку к засохшей под солнцем травинке, подмастерье рассеянно сорвал ее, примял шуршащий стебель зубами. Рот тут же наполнился слюной. Может, сбегать домой перекусить? Мать наверняка уже что-то приготовила. Воровато глянув через плечо на перебирающего заготовки кузнеца, парнишка тихонько поднялся. Шагая все быстрее, Гред отправился ужинать.

- Далеко собрался?! - рявкнул за спиной кузнец.

Острой болью пронзило виски. Досадливо прикусив губу, Гред обернулся. Мастер стоял на пороге кузницы, сурово взирая на ученика. Чуть позади его, обтекая строение с двух сторон, лениво, почти церемонно, к кузнецу приближались гигантские пауки. Их число увеличивалось, вновь прибывшие являлись прямо из воздушного вихря, соткавшегося мгновением раньше.

Гред завопил. Мастер встрепнулся, глянул по сторонам и скрылся в кузнице. Когда он, вооружившись молотом, выскочил обратно, Гред уже не кричал. Напротив, грудь его теснило ожидание: как-то справится учитель?

Мастер умел быть быстрым: саданул по башке врага справа, опрокинув того на землю - и сразу размахнулся, чтобы обрушить молот на паука слева.

Размахнулся и - стал. К нему, недвижному, все ближе стали подступать отталкивающие создания, один за другим вперяя в человека взгляд своих пугающих глаз. Из ослабевшей руки выпал молот, глухо ударился о землю, замерев на секунду, повалился на траву.

Пауки обступали кузнеца все плотнее. Наконец он, подталкиваемый многочисленными телами, завалился на спину, упал, исчез из виду.

Вот один из пришельцев обернулся и Гред почувствовал странную - неслышную, но отчетливую просьбу не бояться. Визжа как поросенок, парнишка кинулся в деревню.

Таких истошных воплей здесь не слышали давно, уже лет десять - со времен войны двух Замков, господского и соседнего. Вооружаясь на бегу - кто топором, кто вилами, а кто и наспех подхваченным колом, мужики повалили на улицу. Несущегося по ней Греда понять было трудно: захлебываясь собственным криком, парень трясся в испуге и непрерывно тыкал пальцем назад, в сторону кузницы.

В деревне Греда знали как серьезного парня, потому, вскидывая свое незатейливое оружие, все разом и оборотились в указанную сторону. Враг, однако, не показывался.

Двое мужиков ухватили будущего кузнеца за локти, повели позади отряда. Вслед уходящим защитникам из домов тревожно смотрели женщины, время от времени оборачиваясь, чтобы грозно шикнуть на выбравшихся из-под скамьи или подпола детей.

Кузнец, вольно развалившись на траве, мерно посапывал у входа. Озадаченные мужики в поисках врага обшарили кузницу, прочесали лесок рядом и, скребя затылки, стали держать совет.

Кроме оброненного молота, все было как обычно. Правда, кузнеца растолкать оказалось невозможно - но он и раньше любил поспать.

Посудачив, мужики потянулись в деревню. Мастер - жив; вещи - все на месте, - а дела крестьянские справлять надобно.

Постепенно Гред остался один. На первых порах мальчуган вздрагивал при каждом звуке, нервно озирался по сторонам, но успокаивающе-ровный храп мастера пошел на пользу. Когда стемнело, подмастерье начал готовиться к работе: учитель проснется - возьметса меч делать.

Пламя взметнулось жадно, опалило руки. Гред отшатнулся, привычно зашипел сквозь зубы. С порога шагнул мастер, сразу заполнив собой небольшую кузницу.

- Дай мне!

Взял ученика за ладони, что-то прошептал - и боль ушла, уступив место приятному покалыванию, щекотными волнами катящемуся по телу.

- М-мастер, - промямлил Гред, - как...

- Я не мастер, - улыбнулся кузнец. - Он еще спит.

У парнишки отвисла челюсть. Трудом шевеля языком, Гред кое-как поинтересовался:

- Кто спит?

- Твой учитель спит, - кузнец снова улыбнулся. - Да и в деревне все - тоже. А я - чужак, забравшийся в его тело. Паук, как ты бы сказал.

- Ы-ы... - изо всех сил изображая полное равнодушие, Гред потянулся за чем-нибудь потяжелее. Как только его пальцы ухватились за щипцы - те вырвались и полетели в гостеприимно распахнутую ладонь чужака.

- Расслабься, - посоветовал тот. - Ничего я тебе не сделаю.

- М-мастер... - выдавил подмастерье.

- Все будет хорошо, - попытался успокоить пришелец, но Гред ему не поверил. - Пришлось ненадолго убаюкать твоего учителя. Я уйду - и он проснется. Только помнить про меня не будет.

Парнишка судорожно отполз назад, не замечая, что давно уже уперся в верстак спиной.

- Да угомонись ты уже! - вспылил чужак. - Чего такой нервный?! Орать надо, чтобы понял: все с твоим учителем хорошо будет! И с тобой - тоже! Если не съем, проголодавшись, - добавил пришелец, окидывая паренька взыскательным взглядом.

Заревев, как раненый боров, Гред вскочил на ноги. Ухватил с верстака молоток, кинулся в атаку.

Чужак посторонился, могучей рукой кузнеца толкнул в спину, выбросив подростка в открытую дверь.

Когда враг появился на пороге, Гред уже держал тяжеленный молот. Силушки у него, конечно, маловато, но тут и одного удара хватит.

- Тебя этой штукой по голове не били? - поинтересовался "паук", невидимо выдергивая оружие.

- Мне вот досталось недавно, так разве я буйный? Или шуток не понимаешь? Да и не паук я вовсе - так, очередное тело. Убил учитель твой паука-то, мне и пришлось переселиться. Вот ведь бес-тия...

Пришелец быстро шевельнул руками и ноги удирающего Греда стянула незримая нить.

- Сейчас принесу тебе меч, - пообещал чужак. - Может, успокоишься тогда...

Пока он ходил, Гред искал руками сковавшие его нити. Ничего нет, а ногами - не шевельнуть.

"Паук" вынес из кузницы тот самый меч: только заточить осталось.

- Не мастак я ваши мечи делать, - проговорил чужеземец, задумчиво оглядывая клинок. - Сотворю по-своему - авось не в обиде будешь. Для тебя, между прочим, силы трачу - цени! Кузнец как проснется - меч покажи: мол, всю ночь работали.

Запев на незнакомом языке, пришелец подбросил вверх заготовку. Меч завис, подрагивая - все сильнее и сильнее, - откликаясь на нарастающую громкость слов.

Маг бледнел. Пути, сдерживающие Греда, исчезли, но парень уже не помышлял о бегстве - так заворожили его бьющие в клинок миниатюрные молнии, потоком срывающиеся с протянутой ввысь ладоней чародея.

Потом меч величаво поплыл к земле. Едва не коснувшись травы, застыл перед грудью Греда.

- Твой он, - опускаясь на колени, устало молвил "паук. - Владей. Что хочешь делай: дари, продавай - а к тебе все равно вернется. Но служить будет, пока совесть чиста. На Свет души идет, понял?

Меч был красив. Лишенный украшений, он привлекал своей простотой, надежностью, неуловимой гармоничностью. Огладив пальцами рукоять, Гред решительно взялся поудобнее.

Клинок казался удивительно легким. Забывшись на секунду, подмастерье сделал несколько рубящих движений, впитывая идущую от оружия силу, уверенность, царственное спокойствие.

Потом меч обратили против создателя.

- Поступай по совести, - проговорил маг, едва шевеля губами, потому что лезвие касалось горла.

Гред нахмурился, ожидая подвоха. Но нет, пришелец не двигался, терпеливо ждал приговора. Да и убить его мечом - вряд ли можно. Разве что тело...

Лучше повременить.

Подмастерье присел рядом, положив меч так, чтобы в любой момент можно было рубануть чародея. Мало ли что.

- Я скоро уйду, - сбивчиво заговорил маг. - Твой учитель проснется, но ничего не вспомнит. Твое дело, конечно, но я бы рассказал ему, что Вы всю ночь работали - вот и меч закончили. А скажешь про меня - самого колдуном прозывать станут. В отдельных мирах таких - слышишь меня? - на костре жгут.

- Ты - демон? - запнувшись на мгновение, любопытствовал Гред. На всякий случай приготовился к атаке.

- Демон... - маг усмехнулся. - Я - садовник. Что еще нужно для счастья? Разве что улыбка любимой, когда она принимает от тебя особенно красивый цветок.

Опустив меч, Гред ловил каждое слово.

- Я - маг, - воодушевляясь все больше, говорил пришелец. - Растения очень послушны, им можно придать любую форму. Достаточно попросить их об этом, подарить немножко ласки, любви. Смотри...

Гость плавно провел рукой в воздухе светящийся круг. Потом края кольца начали стремительно стягиваться и, когда они, сойдясь, полыхнули и исчезли, на подставленную магом ладонь упало желтое зернышко.

- Моя гордость, - торжествуя заявил он, протягивая семя парнишке. - Дерево украшений. Бери же!

Оставив меч, Гред осторожно коснулся теплой ладони садовника. Семечко же, против ожиданий, было ледяным.

- Согрей его, подыши в ладоши, - улыбаясь, напевно советовал маг. - Ласку все любят.

Гред дышал. Сначала бездумно, потом действительно стараясь напитать зерно теплом. Оно и напиталось, став нежно теплым, родным.

- Теперь - сади, - распорядился маг. - Нет, сильно не копай - и небольшая ямка сойдет. Вот так. Клади туда зерно. Мол-лодец! Засыпай... Отлично! Теперь попроси землю, чтобы дерево могучим выросло, здоровым.

Чего?? Но ладони еще хранили тепло зерна и, поколебавшись, Гред исполнил требуемое. Исподтишка покосился на пришельца: не издевается ли? Садовник улыбался во весь рот - радовался, в общем.

- К утру взойдет, - поведал маг, - доброжелательно наклонившись к пареньку. - Цвети будет два раз в год. А если цветок какой заранее заметишь, он любую форму примет, какую захочешь. Только слова ласковые говори. Хочешь - ожерелье будет, или брошь, или кольцо. Можно на груди носить, на руке. Хочешь - в волосы спрячь. Девчонке какой-нибудь подаришь - рада будет.

Завороженный подмастерье кивал, пока серебристые сполохи не разорвали темноту, оставив после себя равномерно шагающих пауков и острую боль в висках.

Гред встрепенулся, схватил меч - и замер, растерянно переводя взгляд с пауков на собеседника - и обратно.

"Кузнец" тоже обернулся:

- Дха'ир, друг, жители этого мира не любят таких гостей. Создай иллюзию.

Магу никто не ответил, но через мгновение к Греду шагали обычные люди. Вот только глаза одного из них были неприятно бессмысленны.

- Мое новое тело, - пояснил садовник. - Пауки способны жить где угодно, а когда путешествуешь по мирам, даже воздух - чужой воздух - может быть опасен. Потому я и забрался в твоего учителя. Теперь понимаешь?

- А вы... на самом деле как... - пересохшими от волнения губами начал было Гред, но маг его перебил:

- Как мы выглядим? Дха'ир, будь добр...

Люди исчезли. К парню приближались самые разные создания. Одно похоже на гигантского червя; другое - на летающую кошку; напротив вскинуло стебли растение, потянулось к остановившемуся рядом пауку.

- Если ты, Гред, однажды попадешь в другой мир, разум может ожидать тебя где угодно. Береги дерево. Прощай. Дха'ир, ты открываешь портал первым.

Садовник, теперь уже в теле паука, шевельнул конечностями, сплетая серебристый вихрь. Обхватив руками заболевшую голову, Гред наблюдал за исходом. Один за другим пришельцы сотворяли необычные сгустки, шагали в них, исчезали бесследно.

Напротив - вновь храпел кузнец, а у ног - выглянул из земли маленький росток.

Гред следил за его ростом почти до утра, лишь незадолго до рассвета забылся крепким сном. Разбудил его кузнец, бесцеремонно тряся ничего не понимающего ученика за плечи.

Пришлось отвести мастера в кузницу, попутно демонстрируя меч. Здесь Гред задержался, раз за разом повторяя, что и как они делали, доводя меч до совершенства.

Наконец подмастерье освободился.

Зачерпнув ковшем воды, Гред отправился поливать загадочное дерево.

Там, где утром начал распускаться цвет, теперь сиротливо торчал оборванный стебель. А поодаль - в деревню входила соседская девчонка, кокетливо поправляя вплетенный в волосы цветок.

МАРИ ЛОГУТ

Смысл жизни

Камин в небольшом домике на окраине южно-российского маленького городка фыркал и плевался разноцветными искрами. Обычный камин из обычного на юге светлого камня, в обычном среднестатистическом домике. Обычный... Все это было бы так, если бы в глубине его не плясала игривая сказочная саламандра. Да и сам камин не был любимым творением ворчливого берендейского мастера-гнома.

Правда была еще одна деталь - белый добротный дом из старого туфа нежно оплетала раскидистая плеть виноградной лозы. Необыкновенно большая плеть была постоянным предметом завистливых пересудов соседей. Виноградную лозу, томно зреющую под щедрыми лучами южного солнца и заботливым надзором светлых эльфов, это не смущало. И огромные янтарные грозди из года в год по осени радовали хозяйку дома. А ее друзей из паутины Многомирья - добрым искрящимся вином. И стоял в погребе старый дубовый бочонок с коньяком, терпеливо дожидаящийся своего часа.

Маленький белый домик прилепился на склоне печально известной горы Машук, ныне - центра курортной зоны города Пятигорск, в непосредственной близости от Внешних Врат, поставленных берендеями в незапамятные времена.

В этом доме и плясала сандиреллу огненная саламандра, старательно избегая расплескивать искорки пламени из уютного, добротно сложенного камина.

Сферы влияния были поделены строго-настрога: ей, саламандре - камин, огненные пляски и восторг публики, а так же тепло и уют в доме; домовому Амфибрахию - все остальное. Изредка бывающим гномам - альпийские горки и крепость каменного дома, выросшего, казалось из глубины знаменитой горы. Бушующий зеленую сад - изящным эльфочкам, любимые ромашки хозяйки и розарий - несносным, всегда и всем недовольным цветочным феям. Этим и отличался дом на склоне Машука. Поскольку был домом ведьмы Марии, Стража Врат Южной Границы мира Терра, постоянно действующего портала одного из множества миров паутины Многомирья, наследия Великого Насмешника. Дом, в который она всегда так любила возвращаться...

Невысокий мужичок в полотняных штанах и теплой кацавейке материализовался в каминной зале, свирепо подергал себя за окладистую бороду и уныло предложил:

- Машунь, может кофейку?

И кофейник на решетке камина с готовность задрожал, исходя парами, обволакивая себя и присутствующих умопомрачительными ароматами Средиземноморья...

Из-под пледа раздался горестный всхлип.

Домовой скорбно почесал в затылке, пожал плечами и переглянулся с замершей в огне саламандрой.

- Может ее ущипнуть? - раздался хрустальный голосок цветочной феечки, вальяжно расположившейся на нежных лепестках алой, как пламя, китайской розы.

- Боюсь, что это не поможет, - огорченно фыркнул Рыжий. Янтарного цвета кот, размером с хорошего волкодава, развалившийся по-хозяйски на пушистой шкуре у огня, с видимым удовольствием потянулся и перекатился на спину. - Что может спасти нашу Маню от депрессухи? Только какая-нибудь заварушка. Желательно с парой-тройкой нежитей. Покрошит в капусту и все пройдет.

- Не хочу! - решительно пробулькало из-под пледа. И горько вздохнуло. Как-то совершенно по-детски.

- А что случилось-то? - любопытствовала феечка, кокетливо глядя в малюсенькое зеркальце и припудриваясь пылью.

Амфибрахий оглянулся по сторонам, прижал палец к губам и стал пыжиться, рисуя пухлыми руками перед собой что-то вовсе несуразное.

Феечка оторопело переспросила:

- Это кто забеременел? Наша Маня? От святого духа, что ли?

Домовой остервенело плюнул и едва успел отскочить в сторону, как кокон на кресле стремительно развернулся, и глазам присутствующих предстало нечто со всклокоченными волосами, торчавшими во все стороны и красными, почти вампирскими глазами, горевшими такой же жаждой крови.

- Ты! - При ближайшем рассмотрении вынырнувшее из пледа растрепанное безобразие оказалось изящно сложенной молодой женщиной небольшого роста, длинные белокурые волосы которой угрожающе торчали в разные стороны, подвигаясь на концах, а слегка покрасневшие от слез глаза цвета свежей травы бешено сверкали в поисках обидчика. Взгляд остановился на забившейся в самый донец цветка феечке, которая, пождав хорошенькие ножки, мелко тряслась.

- Дура. Просто дура. - Констатировала ведьма, хмыкнула и снова укуталась в плед, правда на этот раз лицо осталось не завернутым.

Амфибрахий подмигнул замершей в огне саламандре и посмотрел на задумчиво невозмутимого кота. Тот со вкусом потянулся, вытягивая когти размером с небольшие кинжалы, любовался на свой безупречный маникюр и муркнул:

- Безделие - корень проблемы.

Ведьма с интересом скосила один глаз в сторону мохнатого философа. Выпростала из-под пледа руку и строго указала пальцем на кофейник. Тот суетливо подпрыгнул, покрутил аристократическим носом и гневно фыркнул на задержавшуюся на полке чашку. Через мгновение она уже парила в воздухе перед Марией.

- Спасибо, кофе сейчас весьма кстати, - царственно кивнула ведьма расплывшемуся в умильной улыбке домовому и с видимым удовольствием шумно отхлебнула. Амфибрахий и кот незаметно выдохнули. Обошлось! Повеселевшая саламандра незаметно перешла на фламенко, выращивая из огня лепесток за лепестком, и вскоре в камине запылала алая пульсирующая роза...

- Амфи, в чем смысл жизни? - ведьма отхлебнула еще раз и решительным щелчком отправила чашку в мойку.

- Да уж, Маха, - озадаченно посмотрел на нее домовой, - вопросы у тебя...

- Не увиливай, дружище. В чем смысл моей жизни? Твоей? Только ли в служении? - Мария щелкнула пальцами, и на столике у кресла обнаружился запотевший хрустальный бокал с чем-то светлым и пузырьчатым.

Амфибрахий неодобрительно покосился на возникшее из небытия шампанское.

- Маха, алкоголизм до добра не доведет. Ты же знаешь, что магам нельзя.

- Да ладно, Амфи, - легкомысленно отмахнулась ведьмочка, мрачно салютуя бокалом трепещущему пламени. - Скушно мне. Горько. И... Неправильно.

- Ох, накликаешь, подруга, - янтарные глаза рыжего кота опасно светились в отблесках пламени.

- Это уж как Богиня распорядится, - Мария сбросила плед, и лениво потянулась к огню, продолжая следить за играми саламандры.

Амфибрахий слегка поежился. Не нравилось ему настроение хозяйки. Не нравилось ему это её состояние. Лучше бы Мария спорила. С ним, с судьбой, со всеми! А это... Это не Маха. И о чем же она молчит, паразитка? И он почти молился богине, чтобы что-нибудь произошло...

- Маша! Мария! Прорыв!- тревожный хрустальный колокольчик звенел, не переставая...

-Дождались...- Рыжий смачно сплюнул.- Ну-у?

-Что ну?- От аморфного существа в кресле не осталось и следа. Мария, бешено сверкая глазами, лихорадочно раздавала указания:

- Рыжий, ты со мной, к Вратам, Амфи - твоё дело обезопасить дом. А там, действуй по обстоятельствам...

Мария глянула на матово блеснувшие катаги на стене. Небольшие, дымчатой стали клинки опасно сверкнули, серебряный дракон на гарде переглянулся с изумрудной подругой. Никто, кроме хозяина не мог снять их со стены. Никто, кроме Хозяина и.. Друга... Что бывало очень редко. Настолько редко, что было занесено в Скрижали Миров. Маай"ри, Страж врат южного рубежа, друг Диверии, Загорья и Светлого леса, там присутствовала.

-Еще раз говорю, Амфи - твоё дело дом, и если я не вернусь, - воспитание нового Стража. Рыжий, ты со мной?

Янтарного цвета кот оскорблено хлестнул себя хвостом по бокам:

- А как же, Маай"ри!

Мария кивнула напарнику. Скинула надоевший плед на кресло. Яростно расчесала белокурые волосы и затащила в воинский хвост, как это положено в нелюбимо-любимой Диверии. Ласково улыбнулась катагам, налаживая на спинные ножны.

-Что, ребята, застоялись? Сейчас разомнемся!

Амфи не узнавал Марию. Нет, подраться и навалить кому-нибудь, это завсегда. Добрым нравом Маха никогда не отличалась. Но чтобы так, с лихорадочным блеском в глазах...

Мария тем временем проверила кожаный доспех, подтянула то, что мешало, убрала то, что звенело, и посмотрела на Рыжего:

- Готов, друже?

Тот, сверкнув когтями-кинжалами, лихо втянул их в лапы:

- Иес, мэ!

Мария удовлетворенно кивнула, прижала рыжего кота к себе, что-то буркнула, и... Вскоре на их месте заплясал легкий смерчик, истончаясь и уходя в Сушее....

*****

- Ну-у!- приглашающе улыбнулась ведьма, - И кому это здесь не жилось спокойно?

Вечер на горе Машук всегда располагал к романтике. Особенно облюбованное парочками место у Врат Любви. Или просто Врат. Точнее Южного портала. Тихий шелест сверчков, робкие пробы соловьиных трелей, легкий шум листвы... Тишина... Звезды укоризненно помаргивали с высоты:

"Что, мол, подруга? Обознатушки?"

Мария внимательно осмотрела Врата. Они легонько скрипнули в ответ: "Мы здесь не при чем, разбирайся сама..."

Все как обычно. Мария слегка поморщилась, обнаружив свежую надпись на Вратах, оставленную очередным умником Васей. Приложила руку, убрала. И все же не зря звенел тревожный колокольчик? Что-то было не так. Может быть, запах, может быть еще что?

Рыжий принялся:

-Маш, некросами воняет.

И привычно прикрыл спину Стража. Мария, достав из наспинных ножен катаги, также привычно поправила:

- Не некросами, а темной магией.

Но... было тихо. Слишком тихо. Перестал перешептываться даже орешник, а такого сплетника еще поискать надо!

-Это что, Рыжий, ложная тревога?

-Нет, Маай"ри, просто так тревогу не объявляют.

-Верно... И полотно Сущего нестабильно. Однако эта тишина начинает действовать мне на нервы...

И вдруг, разорвав полотно Сущего, сверху на них спикировало нечто. Нечто, сотканное из лохмотьев черного тумана, наполненное искренней болью и яростной злостью...

- Ах! Как же больно!- неловко выдохнула ведьма, и закашлялась.

-Держись, подруга!- заорал котяра, пытаясь располосовать когтями это самое нечто.

И вдруг... Мария, непроизвольно впитав туман, словно споткнулась, и неловко пробормотала:

- В сторону... Не трогай ребенка...

-Кого? - недоуменно спросил Рыжий.- Маха, это же Темный!

Мария изо всех сил отбросила напарника. Четырехпудовый оборотень отлетел, словно пушинка. Откуда силы взялись?

-В сторону!- уже свирепо выкрикнула ведьма, и, отбросив катаги, шагнула навстречу клубящемуся чернотой нечту. Нет, не Нечту. Просто очень маленькому, одинокому и испуганному ребенку.

Темный шар ударил прямо в грудь ведьмы. Она непроизвольно выгнулась ему навстречу.

Больно! Как же больно! Злость, искренняя щемящая боль... И тишина...

Какая хрустально-звонкая тишина...

И робкий всхлип:

-Мама? Мамочка?

-Тшш... Спокойно, маленький... Я с тобой...

-Мамочка, я искал тебя, я так долго искал тебя... А меня не пускали! И я разозлился...

- Тихо-тихо, маленький... Теперь я с тобой, мое солнышко, все будет хорошо...

- Мамочка... Я же нашел тебя...

- Да мой маленький, ты нашел меня....

Рыжий кот недоуменно смотрел на ведьму, нежно обнимавшую сгусток тьмы. Врата скрипели, и что-то нашептывали в тишине. А ведьма... Ведьма ласково укачивала черный сверток, в котором постепенно прояснялись человеческие черты...

Светлеющие на глазах волосенки выпутывались из тающих на глазах черных туманных ключев. Карие глаза с интересом таращились на этот новый мир, а нить ярости и злости уходила из полотна Сущего. Темный больше не был один, он нашел ее. Теплое и ласковое существо, которое впервые назвал мамой. А Мария что-то напевала и благодарила Богиню за случайный дар. Да только случайный ли? Разве дар Богини может быть случайным? Неисповедимы пути её...

Теперь она больше не была одна. Теперь у нее был сын. А Темный или Светлый? Так ли это важно? Так в чем смысл жизни?

=== [РАДИО ЛУНЫ](#) ===